

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XXIV МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 МАРТА 2017 Г.

2017
№ 3-5

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2017 • № 3, часть 5

Периодический научный сборник

*по материалам
XXIV Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 марта 2017 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2017 • № 3-5

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

По материалам XXIV Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 марта 2017 г.).

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибоев Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Delannois M.S.</i> HABITUAL ASPECT IN YAKUT LANGUAGE	5
<i>Reznik A.M.</i> THE CONCEPT OF COLOUR IN RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN IDIOMS.....	7
<i>Абдувалиева Э.А., Мадаминова Д.П., Зулпукаров А.К.</i> КОНЦЕПТ КАК КАТЕГОРИЯ ГНОСЕОЛОГИИ И ЯЗЫКОЗНАНИЯ	12
<i>Акматова Д.А., Сейитбекова С.С., Амиралиев С.М.</i> К ВОПРОСУ О ТЮРКО-КИТАЙСКИХ СЛОВАХ С ИДЕНТИЧНЫМ ПРОИСХОЖДЕНИЕМ	15
<i>Атакулова М.А., Зулпукарова А.К.</i> ПРОНОМИНАТИВЫ В ЯЗЫКЕ: ОБЩИЕ СВОЙСТВА И ЭГОЦЕНТРИЗМ СЕМАНТИКИ.....	21
<i>Ахметшина А.С.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРПРОДУКТА	30
<i>Белик В.А.</i> СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ИРОНИЧНОГО В ГОРИЗОНТАЛЬНОМ И ВЕРТИКАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ КИНОДИСКУРСА).....	34
<i>Блинова М.П., Кадымова В.В.</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗОК В.И. ДАЛЯ И ДЖ. РЁСКИНА	37
<i>Блинова М.П., Луканина В.О.</i> ФУНКЦИИ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ	43
<i>Бобровенко А.В.</i> ТЕРМИНОСИСТЕМА КАК ОСОБЫЙ МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ.....	47
<i>Бредихина Ю.И.</i> ДОСТИЖЕНИЕ АДЕКВАТНОГО ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА ПРИ ТРАНСЛЯЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА.....	50
<i>Веденяпина Э.А.</i> НАРОД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	54
<i>Веденяпина Э.А.</i> НАРОД В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА	61
<i>Ганин В.Н.</i> ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ (О СТИХОТВОРЕНИИ ФИЛИПА ЛАРКИНА «ДИКИЙ ОВЕС»)	66
<i>Горчханова Х.Б.</i> КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ СМЫСЛ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКСПРЕССИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	71
<i>Жуйкова А.В.</i> СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	74
<i>Зулпукаров К.З., Сейитбекова С.С., Амиралиев С.М.</i> О КИТАЙСКО-РУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ.....	78

Кожевникова Л.П. БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	91
Мадаминава Д.П., Абдувалиева Э.А. О ПОНЯТИЙНОМ И ОЦЕНОЧНОМ СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА «ОБЫЧАЙ/САЛТ» В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКАХ	94
Савельева А.К. ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ МИКРОПОЛЯ «СЧАСТЬЕ» (НА КОНКРЕТНЫХ ПРИМЕРАХ).....	97
Садовников С.А. ФУНКЦИИ ФИГУР НАРОЧИТОГО АЛОГИЗМА В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.П. ПЛАТОНОВА.....	100
Таджибова З.Т. АНАЛИЗ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В КОЛЛЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ)	103
Ткачева Ю.Г. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	105
Тургунбаева С.Ж., Каримова Т.У. ПРОПОЗИЦИАЛЬНО-КОГНИТЕМНОЕ СТРОЕНИЕ ПОСЛОВИЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	110
Умирзакова З.А. О РОЛИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ.....	113
Фэн Мин, Наумова Н.Г. ОБЪЕКТНЫЕ, ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ, ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ ПРЕДЛОГА <i>ПО</i>	117
Целоева Д.А. ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА В ПРАГМАТИКЕ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ.....	122
Циманович Л.С. ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.П. НЕГОША ПОД ВЛИЯНИЕМ ИДЕЙ ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ ИЗ ДИНАСТИИ ПЕТРОВИЧЕЙ-НЕГОШЕЙ	125
Цыбакова С.Б. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫЧЕСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИЙ В РАССКАЗЕ АНАТОЛЯ КОЗЛОВА «ШЧЭПАЦЬ ПОПЕЛУ».....	131
Ширлина Е.Н. УТРАТА И СОХРАНЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ПРЕДЛОГА В СОСТАВЕ УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	136
Эльчиев Ж.Э., Тургунбаева С.Ж. ОБ ОСНОВНЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ СИНТАКСИСА.....	138

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

HABITUAL ASPECT IN YAKUT LANGUAGE

Delannois M.S.

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Humanities, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, North Eastern Federal University, Russia, Yakutsk

In this article I look at habitual aspect as a subcategory of the imperfective aspect. It must be distinguished from the iterative aspect. Habituality is looked from past, present and future tenses. The continuous aspect focuses on the duration of an event. It expresses that the action was, is or will be in progress at a specific point of time or over a period of time. The point of time may be defined by a time expression.

Key words: habituality, aspect, imperfective, perfective, Sakha, iterative.

In some discussions of habituality, it is assumed that habituality is essentially the same as iterativity, i.e. the repetition of a situation, the successive occurrence of several instances of the given situation. Habituals describe individual persons' habits [3, p. 189].

Comrie finds this terminology misleading in two senses [2, p. 28]. Firstly, the mere repetition of a situation is not sufficient for that situation to be referred to by a specifically habitual (or, indeed, imperfective) form. If a situation is repeated a limited number of times, then all of these instances of the situation can be viewed as a single situation, albeit with internal structure, and referred to by a perfective form. He gives an example of a scene where a lecturer stands up, coughs five times, and then goes on to deliver his lecture. In English, this could be described as follows:

(1) The lecturer stood up, coughed five times, and said ...

It would not be possible to use the specifically habitual form with used to:

(1a) *The lecturer stood up, used to cough five times, and said ...

In Russian we can use the Perfective here:

(2) Dokladčik vstal, kašljanul pjat' raz i skazal ...

In Sakha it looks as follows:

(3) Āghāchchy turda, bieste sötöllön baran
3SG. stand.PST. fivetimes cough.PF.CVB go.CVANT

uonna ette...

and say.PST.1SG.

(3a) Āghāchchy tur-da bies-te sötöll-öbüte
3SG. stand-PST3SG. five-times cough.-PST.3SG.

uonna et-te ...

and say-PST.1SG.

The verb sötölün (impf. to cough, have a cough, give a cough) itself has a meaning of a multiple, vibrating action.

Secondly, a situation can be referred to by a habitual form without there being any iterativity at all.

(4) Semen abāhy-ny iteghey-er ete
Simon abāhy-DAT.PL. believe-PTCP AUX-PST.3SG
'Simon used to believe in ghosts'.

(4a) 'Simon abāhyny itegheyechchi ete.
Simon abāhy-DAT.PL. believe-PTCP AUX-PST.3SG
'Simon used to believe in ghosts'.

The (4) form iteghey-er ete is an analytical form with a participle –er (ar-) and a conjugated defective verb e-. Verbs in such form can express past actions and also iterative feature, i.e. repeated actions on a regular basis. In both languages there is no necessary implication that there were several occasions on each of which Simon believed in ghosts, with intervening periods when it did not; with this particular sentence, the natural interpretation is precisely that Simon believed in ghosts throughout a certain single period, without intermission.

Another example of this form:

The (4a) itegheyechchi ete is formed with an affix- chchi (achchy) to the base verb iteghey + auxiliary verb e-. With an auxiliary verb e- such sentences can refer to Past.

The form of a base verb + affix –āchchy (-chchy) is called the mood of a usually performed action. It was first recorded by E. I. Ubryatova in her work on the Norilskiy Dolgan language [6, p. 61]. Böhtlingk thought that “verbal name with –āchchy is always the one who does the action and is used as an adjective with a noun and also as a noun” [1, p. 373]. The above form is quite unlimited in time, i.e. has a timeless feature, meaning the action occurs habitually or always. The examples (4a), (5), (6), (7) with affixes –āchchy are phonetic variants of the same participial form that has an analogy in other Turkic languages of North-Eastern group. In contrast to other Turkic languages, the participle with –āchchy has preserved its verbal meaning.

The forms with –ar (7), (8) and (9) and forms with –āchchy (4a), (5), (6) are very close in their semantics. A participle with –ar is used to express an action that happens regularly, usually, always. A participle with –āchchy is used to express actions that occur usually, regularly or more or less regularly.

In the above mentioned examples we can see that affix- āchchy has a constant character of actions and is of a more accentuated character than examples with an affix –ar.

However, with the auxiliary verb e- (4), (4a), such actions can be expressed in the Past Tense, the actions are completed or incompleting in the past.

(5) Min erde turāchchybyn
1SG. early.ADV. standHAB.
'I usually wake up early'.

(6) Ehigi kihini kyragha da möghōchchügüt
2SG. person.ACC.PL. little and tell off.HAB.
'You usually tell off others for little things'.

- (7) Ardakh saiyn tügher
rain.3SG. summer.DAT. fall.PRS
'In rains in summer' (that is its mature).
- (8) Kini buldu olus söbülür
3SG. hunt very love.PRS.3SG.
'He loves to hunt' (it is his constant quality, feature).
- (9) Pochtany samolöt tahar
mailACC. planeNOM. carry.PRS.3SG.
'Mail is brought by plane (routine).'

The feature that is common to all habituals, whether or not they are also iterative, is that they describe a situation which is characteristic of an extended period of time, so extended in fact that the situation referred to is viewed not as an incidental property of the moment but, precisely, as a characteristic feature of a whole period. If the individual situation is one that can be protracted indefinitely in time, then there is no need for iterativity to be involved (as with Simon example), though equally it is not excluded. If the situation is one that cannot be protracted, then the only reasonable interpretation will involve iterativity.

References

1. Böhtlingk, O. Über die Sprache der Jakuten. Saint.-Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1851. 373 p.
2. Comrie, B. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976b. P. 28-32.
3. Danilova, N., Efremov, N. and Ekaterina Samsonova. Funkcional'no-Semanticheskie Kategorii v Yakutskom yazyke. Kauzativnost', evidencialnost', iterativnost'. (Functional and semantic categories in Yakut language). Novosibirsk: Nauka, 2013. 189 p.
4. Kharitonov, L. Formy glagol'nogo vida v Yakutskom yazyke (Forms of verbal aspects in Yakut language). Moskva, Leningrad, 1960. 179 p.
5. Roschina, L. Sposoby vyrazheniya povtoryaemosti deistviya v sovremennom Russkom yazyke (Ways of expressions of action iterativity in modern Russian language). PhD. Dissertation, Tashkent, 1977. 19 p.
6. Ubryatova, E. Istoricheskaya grammatika Yakutskogo yazyka (Historical grammar of Yakut language). Yakutsk: Izdatelstvo yakutskogo gosuniversiteta, 1985. 61 p.

THE CONCEPT OF COLOUR IN RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN IDIOMS

Reznik A.M.

Teacher at Department of Foreign Languages № 3,
Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow

The article is devoted to the study of idiomatic expressions within the lexico-semantic field of colour as a means of reflecting English, German and Russian world views. The results have shown that although overall associations, according to which the meaning of an idiom is derived, coincides greatly in three given languages, some differences in psychological, semantic and structural aspects can still be figured out. The most considerable ones are specific perceptions of particular colours by the speakers of the given languages, the focus of these phraselogi-

cal systems on differing colours, thematic orientation and general trends typical of the idioms under analysis, such as being notion or action orientated, which can be derived from social and cultural aspects of peoples' everyday life.

Keywords: idioms, phraseology, phraseological unit, culture, language, connotation, meaning, world view, perception, Russian, German, English.

The ideas of mutual influence of language and peoples' perception of the world are much discussed in linguistics. This interrelation was first distinguished back in the 18th century, when Johann Gottfried von Herder, introduced the idea of national character being manifested through the language. Later Wilhelm von Humboldt was the first one to mention the notion of «national genius», the complex of all intellectual and cultural values of a nation, which comes in the form of the language. In the 20th century Sapir and Worf developed a theory according to which human beings do not live in the objective world alone, but depend very much on a particular language which performs as a medium of expression for their society. Practically, it means, that each language speaker builds up his own Linguistic world view, which differs a lot according to the national peculiarities: one and the same word can have absolutely different emotional colouring and shades of meaning when delivered by representatives of different cultures [3, c. 23].

The modern approach to this issue is connected to the notion of Phraseological world view, which is considered to reflect specific nationally determined unites stereotypes and samples, performing a connotative function.

A vast layer of phraseological units includes different names of colours, which play an important role in creating a specific world view. Colour cannot be referred to as just a visual reaction of a person to some object; it deals with psychology and performs a very important symbolic function. Therefore, the idioms referring to this semantic group are under particular consideration in this overview, as they can serve a perfect example of how mentioned above assumptions work in the reality [2, c. 171].

If the general mode of perception is analyzed, at least two groups of such idioms can be differentiated:

1. Phraseological unites, which are based on psychological or physiological influence of colour on a subject. For instance, red is believed to have a warming and stimulating effect (e.g. red-hot), blue produces slightly inhibitory effect (e.g. talk until one is blue in the face).

2. Phraseological units, which are based on universal influence of colour on a subject, general principles of thinking and widely accepted objects that represent this or that colour. According to Anna Wierzbicka, a polish and Australian linguist, these objects are referred to as models, some everyday concepts such as day, night, fire, sun, flora and sky. For example, white collar («white» denotes something clean, not suitable for a hard work), белая ворона (people generally have an image of black raven in mind, «white» here is contrasted to it), green winter (green colour is often associated with grass, so that «green winter» is an exceptionally snowless winter, when nearly the grass can be seen instead of snow). Generally such models

include those phenomena, which are perceived the same way by representatives of different cultures and such associations can help to derive the meaning of an idiom [1, с. 21-28].

However, national peculiarities, that influence peoples` world perception, definitely bring about differences in sociocultural connotations derived from phraseological unites. In order to illustrate this idea on several concrete examples three languages were selected for a more detailed overview: German, English and Russian.

A brief consideration of the basic associations with main colours can help to figure out differences in the mentioned above world views. As far as the Germans are concerned, their colour symbolism remains relatively stable throughout the history. Blue colour evokes negative associations, as they believed that ghosts and witches appear in blue clothes. In some cases it can represent a component «lie», because of association with the uncertainty of blue horizon. At the same time, in English perception of blue colour implies positive concepts, associated with loyalty and stability, as it traditionally represents Tory, the oldest and the most authoritative party in Great Britain (e.g. blue blood). However, with time a specific for the English conceptual world view association with blue colour was developed, which is considered to originate from poor regions of the United States, where «blue» referred to melancholy and depression (e.g. to see, to feel blue).

Green colour symbolizes inexperience or credulity, which is understood in each of three cultures (e.g. green as grass). At the same time, there are connotations, typical of England in particular, for instance, some references to gardens (e.g. green fingers – a good gardener). Moreover, it also evokes associations with jealousy and envy in the English world perception (e.g. green-eyed monster, the phrase was coined by Shakespeare in «The Merchant of Venice»). However, Germans do not have the direct vision of jealousy in connection with «green», though the negative meanings of this colour are present in the German language, too. (e.g. Sich grün und blau ärgern, meaning «to argue strongly with somebody»). Practically, such sort of implications in German culture is more relevant to be connected to yellow colour, which is the symbol of betrayal, separation, jealousy, hatred, fraud, danger (e.g. der gelbe Neid). By contrast, in the Russian language, for instance, jealousy is viewed as black (e.g. черная зависть).

«White» traditionally is associated with purity, youth or some joyful celebrations. Even in combination with negative words, «white» makes an overall implication more positive (e.g. white lie). The meaning of something unexplored or unstudied can also be delivered by white colour (e.g. ein weißer Fleck auf der Landkarte). In addition to these common connotations, Russian culture provides some unique shades of meaning, originating from the ancient times, when “white” was associated with spiritual simplicity, isolation from secular world.

It is very traditional to associate «black» with death and hopelessness, but in German it can also have an unexpected positive connotation, when something related to work is meant (e.g. ins Schwarze treffen, which means to get exactly to the point).

An opposite situation can be viewed with red colour, traditionally having positive associations with passion and love or anything that is really important. However, it bears a negative connotation when used to characterize income, for instance, in *den roten Zahlen sein*, which means to get into mischief, to suffer losses). In Russian culture «red» has even a wider range of meanings, which vary from absolutely positive (such as beautiful, joyful, bright, honorable) to the negative (the colour of revolution).

It is also interesting to trace how some associations can be determined by social and historical events in the country. «Brown» evokes associations with fascist tyranny, exceptionally large number of idioms containing this name of colour can be identified in the German language (e.g. *die braune Pest*, *die braune Gesinnung*, *er war braun*). «Red» is viewed as the colour of revolution in Russian conceptual world.

One more important aspect to consider at this point apart from purely social, cultural and psychological assumptions is structural and statistical characteristics of three Phraseological systems under analysis. For this purpose, roughly 150 idioms containing the names of colours were studied in each of three languages. The research has identified the general focus of each system. The findings also contribute to the overall understanding of the considered world views and manifestation of their peculiarities in the language.

The most frequently used name of colour in English idioms is «black», which is followed by «blue». It shows that the most popular colours in English perception of the world are dark. Whether it derives from their national character, determined, as it is often pictured, by mostly gloomy weather, love for order and conservatism, is the issue for further consideration. If English idioms are considered in terms of lexico-semantic groups, it is revealed that more than a half of them refer to people and different aspects of their activity, which makes English phraseological world view very anthropocentric.

Statistically, it can be figured out, that the most frequently used colour in German phraseology is «black». It is followed by «green», which has quite a number of connotations in German culture. In this case, it is harder to figure out the general trend. If we take a semantic characteristic of German phraseological world view into consideration, it becomes obvious, that it is much less anthropocentric in comparison the English one. The most widely employed topics are the following: industry (e.g. *Die weiße Kohle* – hydropower engineering), sport (e.g. *Der weiße Sport* – Tennis), politics (e.g. *Die braune Gesinnung* – fascist ideology), historical or social phenomena (e.g. *Weißer Sonntag* – the first Sunday after the Easter, *Rote Fahne* – the flag of labour movement). Nevertheless, idioms referring to people are still quite prominent, however, the most interesting point here is that they very frequently have negative connotations in the German language and denote an angry state of mind or negative attitude to somebody (e.g. *ein rotes Tuch für j-n sein* – to make smb angry, *rot sehen* – burst into a rage, *sich grün und blau (grün und gelb) ärgern* – to become very angry, *j-n braun und blau schlagen* – to annoy smb very much). A vast layer of idioms in the German language depicts different actions,

which means, that German phraseological world view is action oriented, rather than notion oriented. Practically, Germans as a nation are generally characterized by a tendency to take an active part in life, and this fact tends to be reflected in their language.

An overview of Russian idioms from the statistical prospective has revealed, that «white» and «black» are the most frequently used names of colours in Russian idiomatic system and they are represented almost equally. They are followed by idioms, containing component «red». The majority of these units are either neutral or positive (e.g. красное словцо, красная цена), while in the lists of German and English idioms red colour had a large number of negative connotations (e.g. rot sehen – burst into rage, a redneck). As far as semantic and stylistic characteristics of Russian idioms are concerned, it should be mentioned, that Russian phraseological world view is not anthropocentric at all, especially in comparison to the English one. A vast layer of phraseological units has direct associations with some social or political peculiarities in the life of the country (e.g. Синий мундир, Красная гвардия). It is an understandable fact, taking into account a great number of controversial events in the Russian history and their influence on people and their state of life. To this group also refer idioms associated with some particular periods in the history of the country (e.g. Красная Армия, Белая гвардия). Therefore, a significantly large amount of Russian idioms are merely set expressions to name an object or an event; they do not perform any functions of expressiveness. Nevertheless, a specific group of idioms in terms of stylistics belong those units, which were first mentioned in some literal works or folk arts (e.g. Белый свет, черным-черно). Russian system indeed stands out at this point. They do not occur frequently in the everyday speech either, as they, gradually becoming archaisms, but add a special colouring to the speech.

The performed analysis has revealed some differences in connotations the main colours have in each of three considered world views, which derive from a wide range of factors: history, social events, mode of life, national character, etc. The consideration of phraseological systems of analyzed languages, as indicators of symbolism and implications, has also shown considerable differences. It was figured out that the most frequently employed names of colours vary in these languages; English phraseological system has proved to be the one evoking a larger number of initially negative associations, although it is the most anthropocentric of all. German idioms are mostly action oriented. Russian idiomatic system can be characterized by its focus on social and historic events, a large number of purely nominative set expressions and borrowings from literature.

References

1. Bolotina M.A., E.A. Shabasheva E.A. Kognitivnyj Aspekt ocenочноj semantiki frazeologičeskikh edinic cvetooboznachenijami // Filologičeskie nauki (filologija i lingvistika). 2013. №02. S. 21-28.
2. Jan'shin P.V. Jemocional'nyj cvet: Jemocional'nyj komponent v psihologičeskoj strukture cveta, Samara: Izd-vo SamGPU, 1996.
3. Ter-Minasova S.G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija, M: SLOVO, 2000. 342 s.

КОНЦЕПТ КАК КАТЕГОРИЯ ГНОСЕОЛОГИИ И ЯЗЫКОЗНАНИЯ**Абдувалиева Э.А.**преподаватель секции русского языка,
Ошский медицинский колледж, Киргизия, г. Ош**Мадаминова Д.П.**преподаватель секции русского языка,
Ошский юридико-экономический колледж, Киргизия, г. Ош**Зулпукаров А.К.**

аспирант, Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Статья посвящена обзору подходов к определению лингвокогнитивного понятия «концепт», выявлению и характеристике его наиболее общих свойств, важных для языкознания и гносеологии.

Ключевые слова: единица сознания, картина мира, теория познания, когнитивная лингвистика, лингвокультурология.

Впервые термин «концепт» был употреблен С.А. Аскольдовым-Алексеевым. Он определил концепт как «зачаточное, вообще имплицитное» образование, которое может иметь «чрезвычайно четкую динамическую структуру». «Концепты – это индивидуальные представления, которым в некоторых чертах и признаках дается общая значимость. Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Концепт есть образование ума» [1, с. 268]. Эта идея, высказанная ученым в 20-ые годы XX столетия, долгое время оставалась вне внимания исследователей сознания, культуры и языка. Значимость понятия концепта для гносеологии и языкознания была осознана только в конце прошлого века (Д. С. Лихачев, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, В. А. Маслова, В. В. Красных, М. Дж. Тагаев и др.) [2, с. 38-40; 3, с. 38-43; 7, с. 13-24].

Концепт тесно связан с культурным и познавательным опытом человека. Чем больше познавательный опыт человека, тем шире и богаче его концептуальные представления о мире. Совокупность концептов, отраженных в словарном запасе этноса, составляет его концептосферу, его коллективный ум и духовную культуру. Иначе говоря, словарный фонд языка так или иначе соотносится с культурой и познавательным опытом народа и представляет собой результат членения языковой картины мира на некие микромиры и микроэлементы, соответствующие всем реальным и возможным ситуациям в жизни человека.

Не приводя множество существующих в теории познания, культурологии и лингвистике определений концепта, отметим, что концепт трактуется как индивидуальное представление (С.А. Аскольдов-Алексеев), ключевое слово культуры (А. Вежбицкая), «сгусток культуры в сознании человека»,

«пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово», «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Ю.С. Степанов), ключевое слово культуры, опорная точка менталитета, «зерно первосмысла» (В. В. Колесов), «квант знания» (Е.К. Кубрякова), «семантический эмбрион», «смысловый ген», «значения языкового знака» (Н. Ф. Алефиренко) и т.п. [6, с. 13-24; 8, с. 20-35; 5, с. 6-7].

Как видим, в научной литературе концепт определяется с трех позиций – с позиций когнитивистики, лингвистики и культурологии. В первом случае концепт понимается как ментальная сущность, во втором – как ключевое слово языкового мышления, в третьем – как сгусток культуры в сознании человека.

Основными признаками концепта является: 1) комплексность бытования; 2) многослойность строения; 3) автономность и способность существовать независимо от языка и типа языка; 4) ментальный характер образования и сферы функционирования; 5) способность материализоваться в языковых знаках; 6) изменчивость, трансформируемость, гибкость к меняющимся обстановкам и условиям жизни; 7) пассивность в памяти человека вне пределов актуализирующих его ситуаций и событий; 8) условность, размытость границ, наличие ядра и периферии, промежуточных, пограничных и других «квантов»; 9) полиапеллируемость, множественность способов представления языковыми средствами и т. д. [8, с. 172; 3, с. 7; 4, с. 5-6].

Комплексность бытования концепта проявляется в том, что он является единицей сознания культуры и языка одновременно. Он имеет сложное смысловое строение и в своих пределах допускает разграничение мифологического, символического, понятийного, эмоционально-оценочного и других слоев. Каждый концепт достаточно автономен и способен именоваться отдельно. Содержание концепта идеально: он формируется и функционирует в сознании человека, выходит наружу в виде языковых знаков – звуков, слов и предложений. Концепт гибко реагирует на обстановку, на события. Он часто видоизменяется, трансформируется, сужается, расширяется в зависимости от времени, места, условий жизни и других факторов. Ср., например, исчезновение концептов «колхоз», «советский народ», трансформацию понятий «родина» и «церковь» в ментально-языковом сознании народов СНГ. Признаком устойчивости обладает концепт «вода», его смысл не зависит от политического устройства и переустройства общества. Наличие многочисленных означающих (слово *вода*, звук-буква *з* в слове *ГЭС*, формула H_2O , префиксоиды *гидро-* и *ватер-* и т.д.) свидетельствует о полиапеллируемости концепта. Концептосфера этноса в целом потенциальна, пассивна и находится в состоянии покоя. Она активизируется в процессе живого общения – при восприятии информации, при чтении лекции, при ответе на вопрос и т.д. Именно в общении проявляются широта, глубина и другие черты концептосферы человека и этноса.

Концепт многолик, многообразен и полиаспектен. Именно поэтому у ученых нет единого мнения о его сущности. Чтобы обобщить признаки кон-

цепта, его типологию, приведем обзоры, представленные в монографиях трех авторов – Е.Ю. Прохорова, Л.И. Дрофы и З.К. Сабитовой [3, с.38-43; 7, с. 13-24; 8, с. 175-177].

1. Что это есть? Концепт:

- лингвокогнитивное явление (Е.С. Кубрякова);
- психолингвистическое явление (А.А. Залевская);
- базовая единица культуры (Ю.С. Степанов);
- лингвокультурное явление (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин).

2. Единицей чего является? Концепт:

- единица ментальности (В.В. Колесов, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин);
- единица сознания / ментальная структура (Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин);
- единица языка мысли (С.А. Аскольдов-Алексеев, И.А. Стернин);
- единица языкового видения мира (ЯКМ) (Н.Д. Арутюнова, Л.О. Чернейко, В.В. Красных);
- единица ментально-лингвального комплекса (В.В. Морковкин);
- единица информации о мире (С.А. Борисова).

3. Чем это выражается? Концепт выражается или формируется:

- гештальтом, фрейм-структурами (Л.О. Чернейко, В.В. Красных);
- комплексом значений соответствующего слова и его ассоциаций и коннотаций (Д.С. Лихачев);
- всем, что мы знаем об объекте (В.Н. Телия);
- категориями и формами родного языка (В.В. Колесов);
- словом (С.А. Аскольдов);
- всей совокупностью языковых и неязыковых средств (В.И. Карасик).

4. Какова его структура? Концепт имеет:

- этимологический и актуальный слои (Ю.С. Степанов);
- ядро и периферию (З.Д. Попова, З.К. Дербишева);
- моделировать структуру концепта в принципе невозможно (З.Д. Попова).

5. Каковы его организационно-структурные типы? Концепт:

- мыслительная картинка, концепт-схема, концепт-фрейм, концепт-инсайт, концепт-сценарий, калейдоскопический (А.П. Бабушкин, З.Д. Попова);
- концепт-минимум и концепт-максимум (А. Вежбицкая);
- микро- и макроконцепт (Г.В. Токарев);
- индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие (Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик);
- этнокультурные и социокультурные (Л.А. Шейман, Г.Г. Слышкин);
- имена, уникалии и универсалии; архетипные и инвариантные (С.Г. Воркачев).

6. Каковы содержательные типы концепта?

- культурный концепт (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик);
- лингвокультурный концепт (В.И. Карасик);

- когнитивный концепт (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, С.Г. Воркачев);
- эмоциональный концепт (А. Вежбицкая, И.А. Красевский, В.И. Шаховский);
- научный концепт (Т.В. Матвеева).

Как видим, представителями теории познания, лингвокультурологии, менталингвистики и лингвистического концептуализма определены существенные, наиболее общие признаки концепта, его отношение к сферам духовного мира человека (мышление, менталитет, культура и др.), способы материализации концепта, его слои, категории и структурные типы.

Различные подходы к изучению концептов дополняют друг друга. Невозможно выделить и принять один подход за исходную базу исследования. Только учет и координация данных различных моделей описания позволят найти оптимальные способы и методы исследования концептов сознания и путей их вербализации в языковых знаках.

Список литературы

1. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово (1927) // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М., 1997. – С. 267-279.
2. Дрофа Л.И. Ключевые понятия когнитивной лингвистики. – Ош, 2011. – 98с.
3. Зулпукаров К.З. О предмете лингвопаремиологии // Сборник научных трудов факультета русской филологии Ошского государственного университета. – Ош, 2011. – С. 3-8.
4. Зулпукаров К.З., Дрофа Л.И., Калмурзаева А.А. Концепт Бог в религиозном дискурсе // Вестник Ошского государственного университета. – Ош, 2012. – С. 5-8.
5. Калмурзаева А.А. Теологические концепты в провербально-языковой картине мира: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Бишкек, 2013. – 22с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2010. – 314с.
7. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. Изд. 2-е. – М., 2009. – 176с.
8. Сабитова З.К. Лингвокультурология. – М., 2013. – 528с.

К ВОПРОСУ О ТЮРКО-КИТАЙСКИХ СЛОВАХ С ИДЕНТИЧНЫМ ПРОИСХОЖДЕНИЕМ

Акматова Д.А.

доцент кафедры регионоведения, канд. филол. наук, доцент,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Сейитбекова С.С.

доцент кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций,
канд. филол. наук, доцент, Ошский государственный университет,
Киргизия, г. Ош

Амиралиев С.М.

доцент кафедры фонетики и грамматики английского языка,
канд. филол. наук, доцент, Ошский государственный университет,
Киргизия, г. Ош

Статья посвящена сравнительному анализу звуковых рефлексий некоторых общетюркских слов. Показано, что в этих словах встречаются различные виды звуковых

трансформаций (чередование, ассимиляция, протеза, диереза, метатеза и т.д.), которые приводят родственные языки к отдалению друг от друга, видоизменяя звуковой облик идентичных по происхождению слов. Аргументируется положение о том, что сравниваемые тюркские лексемы этимологически непосредственно связаны с китайскими словами.

Ключевые слова: тюркские языки, китайский язык (ханью), происхождение слова, трансформация звукового облика слова.

В данной работе термины ханью и китайский язык употребляются как синонимы. В ней мы пытаемся продемонстрировать мотивированность семантического строения и происхождения некоторых слов тюркских языков с точки зрения китайского языка, что свидетельствует об отдаленном генетическом родстве сино-тибетских и тюркских языков и их носителей. Иначе говоря, мы проанализируем этимологию отдельных тюркских слов в рамках гипотезы о древнейшем родстве ряда языковых семей Северной Африки и Евразии [3, с. 120-123; 4, с. 14-120; 5, с. 307-312; 6, с. 284-293].

В словарном фонде тюркских языков много таких слов, семантика которых наглядно и убедительно мотивируется китайскими первичными корневыми морфемами-слогами. Как хорошо известно, в ханью первоэлементом языка является не звук, а слог. Слог в нем выступает как минимальная, далее неделимая языковая единица, как элементарный носитель смысла, произносимый дифференцированно по тону. В ханью различаются ровный, восходящий, нисходящий, нисходяще-восходящий и нейтральный (немаркированный) тоны. Нейтральный тон характерен служебным морфемам-слогам. В нашей работе тоновые различия слогов отмечаются с помощью надстрочных знаков.

С точки зрения ханью многие корневые морфемы тюркских языков оказываются производными, состоящими из древнейших слогов. Например, своеобразное этнокультурное содержание имеют термины родства и свойства в тюркских языках, обладающие обширным составом и отражающие специфику семейно-брачных отношений носителей этих языков. Наличие множества общих терминов свидетельствует о том, что предки современных китайцев и тюрков контактировали очень тесно или, вероятно, общались на одном древнем языке [4, с. 18-84]. Мы ниже рассмотрим только отдельные примеры, ограничивая объект исследования.

Среди терминов родства в тюркских языках особое место занимает слово *йеңге* «невестка, жена старшего брата или родственника (дяди) по отношению к младшим родственникам мужа» в силу своей распространенности, этнокультурной специфичности, сходства звучания и употребления в этих языках, семантического богатства и лингвопрагматической ценности.

Чередование начального согласного имеет множество вариантов и вариаций:

1) варианты с начальным *й*: туркм. *йеңге* /*йеңҗә*/ *йеңе* (диал.), лобн. *йеңнә*, ног., сарыг-югур. *йеңге/йиңге*, узб. диал., уйг. диал. *йеңгә/йәңгә*, тат. диал. *йеңкә*, салар. *йеңго/йеңгу/йеңко/йеңку/йәңгу/йеңе*, узб. диал. *йеңә/йәңә*,

тур. *йенге*, азерб. *йенгә/йенга/йәнкә/йанга* (диал.), башк. *йингә*;

2) варианты с начальным *ж*: кирг. *жеңе/жеңге*, узб. диал. *женә/жеңгә*, уйг. диал. *жәңгә*, татар. *жиңгә/жиңи/жыңка*, казах., кара-калп. *жеңге*;

3) вариант с начальным *ч*: тув. *чеңге*;

4) вариант с начальным *с*: якут. *саңас*;

5) вариант с начальным *д*: алт. *деңе*;

6) варианты с утраченным (нулевым) начальным согласным: азерб. *еңкә*, сарыг-югур. *иңге* (ср. *йинге*), чув. *инке*;

7) варианты примеров с нулевым начальным согласным, возникшие в результате метатезы: хак. *ниге*, шор. *нәңә* и т.д. [7, с. 65-66; 8, с. 189-190; 4, с. 199-200].

Как видим, в современных трансформах общетюркского **йеңге* мы обнаруживаем различные виды фонетических видоименений. Одним из путей увеличения звуковых расхождений в этих вариантах выступает диереза – выпадение звука из состава слова. Диереза проявляется в двух видах:

1) в виде афрезы с выпавшим начальным звуком: **йеңге* > азерб. *еңкә*, сарыг-югур. *иңге*, чув. *инке*;

2) в виде синкопы, выпадения срединного звука: **йеңге* > кирг. *жеңе*, татар. *жиңи*, алт. *деңе*, в которых опущен заднеязычный согласный звук *г*.

К увеличению звуковых различий в современных трансформах общетюркского **йеңге* привело также несколько фонетических факторов: чередование начальных согласных (*й/ж/с/д/ч*), срединных согласных (*н/ң; г/к*) и конечных гласных (*е/а/ә/и/у/о*), действие метатезы (перестановка в начальных звукосочетаниях словоформ: чув. *инке* – хак. *ниге*), действие эпитезы, проявляющейся в увеличении конечной части слова (якут. *саңас*, где звук *-с* увеличивает объем знака с конца), влияние закона сингармонизма, требующего единообразия и гармонии звуков в слове (кирг. *жеңе*, тув. *чеңге*, алт. *деңе*, татар. *жиңи* и т.д. в противоположность несингармоничным трансформам: азерб. *йенгә/йенга*, салар. *йеңго/йеңгу/йеңко/йеңку* и пр.).

Необходимо отметить роль семантического фактора в дифференциации функционирования вариантов древнего слова в современных языках. В семантике рефлексий общетюркского слова **йеңге* обнаруживаются три линии.

Как термин родства по браку он означает «старшая невестка, сноха, жена старшего брата, жена дяди или старшего родственника по отцу» и противопоставляется по значению слову *келин* «младшая невестка, жена младшего брата, жена племянника по отцу». Это значение слова можем признать основным для всех перечисленных выше тюркских языков и диалектов.

Однако в азербайджанском языке слово *йенгә/йенкә/йенга/енкә* имеет несколько иное значение. Дело в том, что в языках тех тюркских народов, которые испытали сильное влияние ислама, слово *йеңге*, помимо своего основного значения «старшая невестка», связывалось также с мусульманским свадебным ритуалом и означало одну из необходимых участниц свадебной церемонии – женщину, сопровождающую новобрачную в дом ее будущего мужа и участвующую в освидетельствовании ее невинности. Эта роль у тюрк-

ских народов истари принадлежали старшей невестке и поэтому слово *йеңе/йеңге* в некоторых языках объединяет в себе оба указанных значения.

Так, наряду с первым значением «старшая невестка», слово *жеңе/йеңе* означает:

1) в кирг. «старшая родственница невестки, которая руководит ее проходами в дом жениха или организует тайное посещение женихом невесты в добрачный период, за что получает подарок от него» [9, с. 248];

2) в тур. «женщина, провожающая новобрачную в дом жениха»;

3) в туркм. «старуха, провожавшая невестку в дом жениха на старой туркменской свадьбе»;

4) в узб. «провожаемая невесты, остающаяся при новобрачных после свадебной церемонии»;

5) в кара-калп. «наперсница, сводня»;

6) в уйг. «подружка невесты» и т.д. Последние два примера свидетельствуют о постепенном стирании в языке значения, связанного с мусульманской свадебной обрядностью.

В отличие от названных языков, в азербайджанском слово *йеңкә/йеңга/йенгә/енкә* имеет только лишь одно значение: «женщина, сопровождающая новобрачную в дом жениха» и, именуя только участницу брачного обряда, не употребляется как термин родства по браку.

Слово *йеңге* и его рефлексии в тюркских языках выступают и как почтительное обращение не только к родственнице, но и вообще к старшей по возрасту женщине. Возрастное ограничение здесь не является строгим, поскольку языки допускают называть этим словом и женщину, которая моложе по возрасту производителя речи, но состоит в браке с его старшим братом, дядей или другим старшим родственником.

В киргизском языке с помощью слова *жеңе* можно именовать мачеху (при умершей или разведенной матери), младшую жену отца (при живой матери), жену старшего родственника по отцу, любую старшую женщину, состоящую в браке с представителем рода или племени говорящего или его земляка.

В некоторых тюркских языках слово *йеңге/жеңе* имеет звательную форму. Наиболее распространенными вокативными суффиксами выступают форманты *-й, -и, -ай, -кай, -гей, -че, -чи, -ше*:

1) кирг. *жеңей, жеңгей*, татар. диал. *йинэй, йиңкай, жыңкай*;

2) хак. *нигежи*, казах. *жеңеше*, тат. диал. *йиңәчи/жиңәчи/жиңгәчи* и др. в значении “невестка, жена старшего брата, тетка (жена отца младшего брата)”. Некоторые ученые считают эти суффиксы признаком звательного падежа (М.А. Казембек, В.А. Гордлевский и др.) [2, с. 210, 251].

Этимологи К. Редей и И. Эрдейи сближают общетюркское *йеңге* с уральским термином *niga* «женщина, жена», Ю. Немет – с общеуральским *ana/anna* «женщина» [8, с. 190]. Нам кажется более убедительной точка зрения К. Зулпукарова, который связывает его с китайским *shēn* «тетка (жена младшего брата отца), невестка (жена младшего брата мужа), (вежл.) вы, те-

тушка (к замужним женщинам среднего возраста)». Начальные согласные *й/ж/ч/с/д* в тюркских номинантах чередуются с китайским *sh (u)*. Такое чередование свойственно и другим примерам: кирг. *жээн* «племянник, сын или дочь сестры» – кит. *shēng* «племянник, сын или дочь сестры», кирг. *жең* «побеждать, быть победителем», *жеңиш* «победа» – кит. *shēng/shèng* «победный, победоносный, победивший, победа», кирг. *жубан* «вдова, молодая женщина» – кит. *shuāng* «вдова, вдовый» и т.д., которые с большей долей вероятности поддерживают правомерность сближения общетюркских и китайских слов со значением «невестка, жена старшего брата или дяди по отцу» [4, с. 199-200, 731].

Таким образом, общетюркское **йеңге/жеңе* легко возводимо к такому прокорню, от которого, вероятно, произошла и китайская лексема со значением «невестка, жена старшего брата, жена младшего брата отца».

Теперь перейдем к сравнительной характеристике тюркских наименований змеи.

Слово *жылан/жылаан*, произносимое по-киргизски в двух вариантах, имеет соответствия во всех тюркских языках в виде различных фонетических рефлексий:

- 1) *йылан* в тур., азерб., гагауз., караим., кумык., ног., тат., башк., уйг. (диал.), сарыг-югур., крымчак., алт. и др. языках;
- 2) *йылаан/ылаан/ылан/илаан* в туркм. языке;
- 3) *йшлан* в азерб. (диал.), кумык., уйг. (диал.), салар., сарыг-югур. языках;
- 4) *илан/илаан* в диалектах тур., азерб., караим., узб. и уйг. языков;
- 5) *йилаан* в халадж. языке;
- 6) *жылан* в башк., кирг., узб. (диал.), уйг. (диал.), казах., кара-калп. языках;
- 7) *жылаан* в кирг. языке;
- 8) *жилан* в уйг. диалектах;
- 9) *зылан* в башк. диалектах;
- 10) *дылан* в алт. языке;
- 11) *чылан* в хакас., тув., шор. языках;
- 12) *чулан* в тув. диалектах;
- 13) *шылан* в хак. диалектах;
- 14) *сёлен* в чув. языке и т.д.

Эти примеры свидетельствуют о многообразии фонетических вариантов обозначения змеи в тюркских языках. Наибольшей устойчивостью обладает в них второй слог: во всех случаях использованы согласные *л* и *н* и межконсонантные три гласных *а*, *аа* и *е*. Первый слог подвержен большему числу фонетических трансформаций: он состоит из чередующихся согласных *й/ж/ч/ш/с/з/д/θ* (нулевой звук) и слогаобразующих гласных *ы/и/у/ё*. В ряде диалектов утрачен начальный согласный, в некоторых из них произошло опереднение гласного, если считать проформой всех вариантов слово **йылан*. Долгота гласного во втором слоге появилась в туркм., халадж. и

кирг. языках и ряде диалектов других языков.

Как же объясняют тюркологи и алтаисты происхождение слова *йылан?

Многие ученые (Х. Вамбери, Л.З. Будагов, Г. Рамстедт, Н. Поппе, М. Рясенен, К. Менгес, Э.В. Севортян и др.) связывают слово *йылан с корнем *йыл-* «гладкий, ползти, двигаться, катиться» и относят его к именному производному с суффиксом *-ан* [8, с. 277]. Ср. кирг. *жылма* «гладкий», *жылып барат* «ползает» и т.д. Такое представление этимологии названия змеи не объясняет происхождения компонента *-ан* в слове.

Мы присоединяемся к мнению К. Зулпукарова, который по-другому представляет происхождение общетюркского *йылан, связывая его этимологию с китайским языком. Киргизское *жылан/жылаан* «змея, змеиный, коварный человек, год змеи» сравнивается им с китайским словом, произносимым в трех вариантах в виде *shé/yí/chī* «змея, змеиный, змеевидный, год змеи». Сочетание названия змеи со словом *làn/lǎn* «канат, аркан, шнур, трос, кабель», вероятно, привело к образованию общетюркского слова *йылан/жылан. А в узбекском слове *илон* «змея, змеиный, коварный, опасный человек, год змеи», по-видимому, произошло выпадение начального согласного звука [4, с. 201-202, 721].

Инициальное чередование в китайском архетипе в виде *sh-/y-/ch-* хорошо мотивирует неустойчивость начальных звуков в тюркских номинантах змеи.

Это предположение подкрепляется наличием в киргизском языке нескольких вариантов наименования дождевого червя: *сөөлжан/жөөлжан/жөө жылан* [9, с. 279]. В основе *сөөлжан* (из сочетания *суу жылан* букв. «водяная змея»), видимо, произошла перестановка звуков: контактной метатезе подвергнуты звуки *л* и *ж*. В других примерах компонент *жөө* имеет этимологическую связь не со словом-омонимом *жөө* «пеший, пешком, пешеход», а с корнем *жуу* «мыть, смывать, умыть, увлажнять», который очень напоминает китайские слоги: *shui* «вода», *zhī/xié* «жидкость, влага», *yǐ* «мыть, обмывать, совершать омовение, купать» (ср. азерб. *йу*, халадж., *йуу* «мыть»).

Таким образом, рассмотрение происхождения двух общетюркских лексем показывает, что первое из них является ностратическим названием, а второе имеет китайское происхождение, что свидетельствует о древнейших лингвоэтнокультурных контактах предков ханзу и тюркских народов.

Список литературы

1. Большой китайско-русский и русско-китайский словарь / Сост. Левина О.В. – 2012. – 960 с.
2. Зулпукаров К.З. Падежная грамматика: теория и прагматика. – СПб; Ош, 1994. 317 с.
3. Зулпукаров К.З. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии и некоторые проблемы ностратических этимологий // Внедрение новых технологий в учебный процесс как средство повышения качества обучения. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Ош, 1994. – С. 120-123.

4. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016. – 768 с.

5. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Проте́за в киргизско-китайских лексических соответствиях // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. – М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307-312.

6. Зулпукаров К.З., Зулпукарова А.К. О генезисе и развитии личных местоимений в ностратических языках // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. – М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 284-293.

7. Покровская А.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие тюркских языков. – М., 1961. – С.11-82.

8. Севортыан Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы Ж, Ж, Й. – М., 1989. – 293 с.

9. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М., 1965. – 974 с.

ПРОНОМИНАТИВЫ В ЯЗЫКЕ: ОБЩИЕ СВОЙСТВА И ЭГОЦЕНТРИЗМ СЕМАНТИКИ

Атакулова М.А.

кафедра русского языка, д-р. филол. наук, профессор,
Ошский технологический университет, Киргизия, г. Ош

Зулпукарова А.К.

ст. преподаватель кафедры иностранных языков,
Баткенский государственный университет, Киргизия, г. Баткен

В статье определяются универсальные семантические свойства местоименных лексем в языке.

Ключевые слова: местоимение (прономинатив), категориальное значение местоимений, эгоцентрическое поле в языке, частеречные свойства местоимений.

В европейском языкознании утвердилось понятие прономинатива. Это понятие имеет обобщенное содержание и включает в себя обширный и неоднородный класс языковых единиц. Термин прономинатив используется как синтезирующее наименование местоименных корней, аффиксов, слов, фразеологизированных и других синтагматических образований. Говоря о прономинативах, мы подразумеваем под ними совершенно разноструктурные, равнообъемные и разнородные единицы языка с эгоцентрической семантикой [1, с. 62-108].

В данном случае речь не идет о местоимении как части речи. Частеречный характер местоименных слов в различных языках никогда не вызывал сомнения, потому что они всегда определяются как часть речи по «школьному» стандарту. Местоимения в морфологии причисляются к именным частям речи. Такова традиция, восходящая к нормативным грамматикам русского языка и перенятая киргизским языкознанием.

В лингвистической литературе отмечается обособленность местоименных слов языка в противоположность всем неместоименным. Неместоименные слова называются **номинативными или качественными**, а местоименные – **дейктическими или указательными**. Такое деление слов на два больших класса восходит к исследованиям представителей немецкой классической лингвистики (Г. Штейнталь, К. Бругман, К. Бюлер и др.) и встречается в трудах лингвистов, представляющих другие течения в языкознании (А. И. Зарецкий, Е. Н. Сидоренко, М. Шелякин и др.) [1, с. 80; 2, с. 79-83; 9, с. 28; 13, с. 9].

В ряде случаев местоимения называются означающими словами в противовес именуемым и другим категориям слов. Например, Н. Ю. Шведова различает в русском языке четыре общих класса слов: 1) слова означающие (местоимения); 2) слова именующие (имена, глаголы, наречия и предикативы); 3) слова связующие (предлоги, союзы) и 4) слова собственно квалифицирующие (частицы, модальные слова, междометия). Такая позиция исследования основана на функциональном принципе. «Формально, – пишет она, – местоимения распределены между именами, наречиями и предикативами» [11, с. 7]. В позиции Шведовой многое не ясно. Есть противоречия.

Исстари известно, что означающее свойственно всем лексемам. В каждом знаменательном и даже незнаменательном слове означающее – смысл, значение, соотносённость с предметами и явлениями реального мира. Любое слово представляет единство означаемого и означающего. Не только местоимения суть означающие слова. Каждое субстантивное слово что-то обозначает, соотносясь с предметным миром, с его элементами, «фрагментами», частями и проявлениями. Нам представляется, что местоимения тоже выполняют связующую функцию (не только союзы и предлоги). Это общеизвестный факт, если только Шведова не вкладывает в понятие связующей функции несколько иной смысл.

Известна традиция, восходящая к трудам Г. Суита, Г. Кэрма, Л. Блумфилда, Л.Теньера и других, согласно которой местоименные слова используются для связи частей предложения и текста [8, с. 28]. Такое понимание одной из важнейших функций местоимений характерно и для русского языкознания. Известно, что местоимения входят в состав целого класса русских союзных слов, участвующих в образовании сложноподчиненных предложений: *по мере того как, в связи с тем что, по причине того что, ввиду того что, в результате того что* и т.д. В подобных случаях местоимения имеют двойственную природу. С одной стороны, интерпозитивные указательные прономинативы связывают предложно-субстантивные образования (*по мере, в связи* и т.п.) с последующими местоимениями (*как, что* и т.п.). С другой стороны, эти указательные местоимения в комбинации с теми и другими служат для связи частей сложноподчиненного предложения. Понятно, что местоимения в этих и подобных примерах выполняют весьма важную связующую функцию. Почему-то Шведова не обращает внимания на эту особенность прономинативов. Функциональную классификацию слов русского язы-

ка, предложенную Шведовой, можно перенести на анализ союзных образований типа *в результате того что, по причине того что* и т.д., в которых субстантивные компоненты сохраняют первичное значение. Эти субстантивы связываются с предыдущей частью текста через предлоги *в* и *по*, а с последующей частью – через местоименное образование *того что*. Но возникают вопросы: Есть ли связь между предлогом и субстантивным компонентом «союза» (союзного слова)? А как связаны между собой субстантив и указательное местоимение *того*? На подобные вопросы мы не находим ответа у Шведовой.

В функциональной классификации Н.Ю. Шведовой вызывает возражение еще один момент. По ее мнению, частицы, модальные слова и междометия являются собственно квалифицирующими. Такое понимание трех разрядов слов предполагает отрицание наличия квалифицирующей функции у имен прилагательных, существительных и других частей речи. Считаем, что квалифицирующую функцию последние выполняют гораздо сильнее, определеннее, чем частицы, модальные слова и междометия.

Класс местоименных слов имеет некоторые особенности, чем и он отличается от других классов и разрядов слов в языке.

Местоименные слова не обладают свойством называть предметы и явления действительности. Они не могут ничего именовать и давать названия вещам, живым существам, свойствам, действиям в окружающем мире.

Прономинативы не ассоциируются в мышлении человека с конкретными элементами, фрагментами и сторонами действительности, поэтому они не вызывают в нашем сознании представлений о реальных предметах и явлениях мира.

Содержание местоименных слов абстрактно-обобщительное, точнее – обобщительно-классифицирующее. Местоимения имплицитно делят объекты на обобщенные классы. Когда мы употребляем слово *я*, мы выделяем и обособляем себя как говорящего, противопоставляя всем другим людям как классу «не-я». В вопросе *Что же теперь мне делать?* мысленно выделяется предвидимый круг проблем, задач, целей, действий, подлежащих решению и реализации, и содержится просьба к собеседнику уточнить этот круг, выделить в нем главное и предложить пути их решения. В афоризме *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* выделенное местоимение имеет обобщительный смысл, целиком охватывая страны мира и координируя свое значение со значением корневой морфемы императива (един-).

Всем прономинативам языка свойствен **эгоцентризм**, так как каждый из них так или иначе выражает видение и миропонимание субъекта речевого произведения, обычно называемого говорящим, пишущим или первым лицом.

Дихотомия «Я – не-я» имеет не только лингвистический смысл. Она возникла и сформулирована в философии. У истоков разработки этой дихотомии стоят прежде всего представители английского эмпиризма (Ф. Бэкон), рационализма (Р. Декарт), субъективного (И. Г. Фихте, Ф. Шеллинг и др.) и

абсолютного (Г. В. Гегель) идеализма. В их трудах положено начало раскола всей действительности на «я» и «не-я». «Я» есть носитель познавательного и волевого действия, «не-я» – это то, на что направлено это действие. «Я» есть субъект, мыслящий, чувствующий и познающий мир, диктующий свою волю всему «не-я», т.е. объекту и объективному миру. Познавательное начало в отношениях «Я – не-я» свойственно миропониманию Р. Декарта, а волевое начало – точке зрения И.Г. Фихте. Стремясь найти общее основание для духовного мира «я» и окружающего человека внешнего мира, Фихте ставит перед собой задачу вывести из «я» существование и все определения «не-я».

«Я» для Фихте – это и конкретный индивид с присущей ему волей и мышлением и все человечество в целом. Индивидуальное «я» и абсолютное «я» осваивают окружающую среду, их волевые действия, то совпадают и отождествляются, то распадаются и различаются, но в целом стремятся к совпадению и, следовательно, достижению идеала. Однако достижение этого идеала полностью невозможно, ибо привело бы к прекращению деятельности «я», что вообще невозможно [7, с. 125, 144-147].

Как бы ни оценивались критиками теоретические постулаты этих ученых о соотношении «Я – не-я», отметим, что в их трудах заложены основы понимания взаимоотношения между субъектом и объектом восприятия, познания и осмысления действительности.

Принцип эгоцентризма в лингвистике восходит к общезыковедческим взглядам В. фон Гумбольдта. Он, в частности, писал: «Местоимения должны быть первичными в любом языке и ... местоимение есть самая поздняя часть речи, абсолютно неверно. Представление о чисто грамматическом замещении имени местоимением подменяет в таком случае более глубокую языковую склонность. Изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке своего «я». Но само понятие «я» предполагает также и «ты», а это противопоставление влечет за собой и возникновение третьего лица, которое, выходя из круга чувствующих и говорящих, распространяется и на неживые предметы. Лицо, в частности «я», если отвлечься от конкретных признаков, находится во внешней связи с пространством и во внутренней связи с восприятием» [3, с. 113-114]. Из рассуждений В. фон Гумбольдта вытекают следующие выводы, важные для целей нашего исследования.

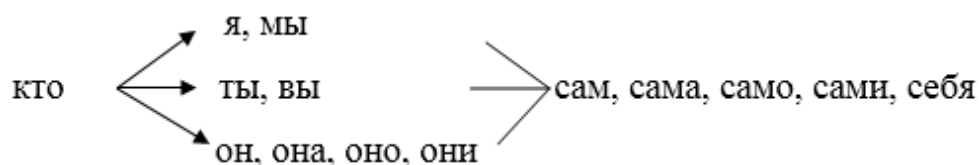
Местоименные слова первичны по отношению к другим классам слов. Они изначально передают постоянную непосредственную связь и соприкосновение говорящего с природой, с окружающим миром, противопоставляя производителя речи-мысли этой природе. Древний человек своим «я» противопоставляет себя участнику общения и, в свою очередь, вероятно, противопоставляет участников неучастникам общения и неживым предметам вообще. «Я», таким образом, обобщая лицо говорящего и выступая в качестве его выразителя, передает внешнюю связь производителя речи с пространством и его внутреннюю связь с восприятием окружающего мира.

Эгоцентризм местоимений особо подчеркивал А.М. Пешковский в своей монографии «Русский синтаксис в научном освещении». По его мысли, в языке важную роль играют субъективно-объективные категории, которые выражают различные отношения говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит. К такого рода категориям он относит категории времени, наклонения, лица, вопроса, восклицания, сообщения, отрицания, утверждения, усиления, вводности. Местоименные слова являются одним из основных средств выражения категорий отношения говорящего к предмету речи-мысли. Однако в сравнении с другими грамматическими средствами языка местоименный способ передачи смыслово-грамматической информации характеризуется ярким своеобразием. «Местоимения, – пишет А.М. Пешковский, – представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) имеют именно это субъективно-объективное значение, т.е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит... Все местоименные слова образуют семантическую сферу, центром которой является местоимение *я*; это сфера «яйности» в языке» [6, с. 63]. Таким образом, Пешковский вводит образное понятие «яйности» для передачи эгоцентрической семантики прономинальной парадигмы в языке. В данном случае в понятие говорящего вкладывается широкий смысл. Пешковский представляет «я» («яйность») не только производителем и субъектом речи, но и субъектом мышления и познания предметов и явлений реальности.

Дальнейшее развитие идеи эгоцентризма привело к определению говорящего не только в качестве субъекта мысли-речи, но и в качестве субъекта созерцания, восприятия, представления и оценки предметов, явлений и свойств окружающего мира в координатах «Я – не-я», «близкое – далекое», «определенное – неопределенное», «известное – неизвестное» и т.д., составляющих содержание понятия пространства-времени в его сознании. В этом отношении заслуживают внимания мысли философа Б. Рассела, который писал в своей книге «Человеческое познание. Его сфера и границы»: «Я называю «эгоцентрическими словами» те слова, значение которых изменяется с переменой говорящего и его положения во времени и пространстве. Четырьмя основными словами этого рода являются «я», «это», «здесь» и «теперь». Слово «теперь» каждый раз, когда я употребляю, обозначает какой-либо отдельный момент из серии следующих друг за другом моментов времени; слово «здесь» обозначает какую-либо отдельную область пространства, в которой «я» обозначает любое лицо, в зависимости от того, кто его произносит» [7, с. 119]. Как видим, Б. Рассел рассматривает эгоцентризм в отношении производителя речевых сообщений к координатам пространства и времени в отдельности. Однако исследователь не отрицает возможности определения позиции говорящего относительно пространства-времени в синхронности и целостности, что явно выражается в тех случаях, когда речевая ситуация требует одновременного учета обеих форм бытия и существования.

Говоря о смысле прономинатива *кто*, Шведова пишет о явлении «че-

ловекоцентризм». Она пишет, что «человекоцентризм» в языке и в условиях речевого общения проявляется не только в том, что для смысла кто языком создана самая полная и точная система местоимений, заполняющих сегмент определенности, но также и в том, что этот смысл активно проникает в другие смысловые сферы, демонстрируя способность означать не только живое существо (одушевленное или одушевляемое), но и многие другие первичные смыслы либо их контаминации» [11, с. 39]. В данном утверждении справедливо отмечается значимость и значительность в языке того круга местоименных слов, которые созданы для смысла кто и которые относят означаемое к определенному лицу, отражая понятийную триаду «лицо, воспринимающее все вокруг – лицо, ему непосредственно противостоящее – любое лицо, им обоим противостоящее и ими воспринимаемое». Ср.:

Шведова не совсем права в том, что она признает «человекоцентризм» в качестве семантической основы грамматических парадигм, включающих в себя морфемы и лексемы лица. Мы же считаем, что эгоцентризм есть общее свойство лично-пронаминальных единиц и категорий языка. Последние входят в «человекоцентризм» не прямо, а через эгоцентризм, поскольку они обозначают реальные предметы с позиции говорящего. Даже смыслы слова кто и его производных кто-то, некто, кто-либо, кое-кто и др., их определенность (*Я знаю, кто ты такой*) и неопределенность (*Кто стучит? Кто-то идет* и т.д.) отражают знания, опыт, видение того, кто производит речь.

На каком же основании эгоцентризм может быть понят как инвариантное значение пронаминальных единиц языка?

Эгоцентризм есть идеальное понятие, идеальный объект. Идеальные объекты невозможно созерцать. Нельзя «видеть время и обонять пространство» (Ф. Энгельс). Эгоцентризм отражает то общее, что существует в каждом местоимении, в каждой его группе, разряде или единице. Эгоцентризм есть общее, существующее и проявляемое в каждой местоименной корневой морфеме, в каждом слове или фразеологизме.

Эгоцентризм как смыслово-языковое понятие реально существует в виде класса своих вариантов подобно тому, как «человек вообще» существует в виде каждого отдельного человека. Это понятие нужно для описания и классификации многообразия пронаминальных единиц языка как их общее, обобщающее наименование.

В качестве конструкта, который воплощает в себе инвариантные свойства всех подклассов местоименных слов и морфем, понятие эгоцентризма не может быть продемонстрировано с помощью отдельных примеров. Потому что каждый пример двусторонен: он несет в себе и инвариантные свойства, и особенные черты. Одной своей стороной каждый пронаминатив входит в понятие эгоцентризма, а другой своей стороной и в пределах инвариантного

смысла он выступает в качестве отдельной единицы со своим индивидуальным смыслом, предназначением и местом в языке.

Понятие эгоцентризма не может быть раскрыто, показано или понято вне отдельных единиц, в совокупности образующих поле местоименное – ти. Поэтому важно, чтобы каждая отдельная единица в рамках своего инвариантного содержания выступала как его вариант. Однако часто варианту приписываются свойства его инварианта.

Известно, что местоимения *кто* и *что* обладают обобщающим смыслом. На этом основании их значение нередко универсализуется и определяется как общее по отношению к семантике субстантивных лексем. То же самое можно говорить о киргизских местоимениях *ким* «кто» и *эмне* «что». Эти местоимения противопоставлены друг другу лексически-семантически: в русском языке их денотаты отличаются друг от друга по признаку одушевленности/неодушевленности, а в киргизском – по признаку деления денотатов на людей и не-людей.

Разделение денотатов на людей и не-людей свойственно не только киргизскому, но и другим тюркским языкам. В связи с предметным содержанием местоимений *кто* и *что* в языке интересные соображения высказывает А. С. Чикобава: «Категория предметности является категорией не морфологической, не лексической, а семантической».

Наличие этой категории становится осязаемым, когда в языках обнаруживаются неожиданные расхождения. Так, например, вопросами *кто?*, *что?* исчерпывается круг понятий, характеризующих предметностью.

Однако сфера *кого?* и *чего?* в разных языках может не совпадать. Так, например, в грузинском языке (так же как и в абхазском, адыгейском, чеченском, аварском, лакском, даргинском, лезгинском, вообще во всех иберийско-кавказских языках) вопрос *кто?* может относиться только к человеку. Все остальное, в частности мир животных, включается в категорию *что?*... Животные относятся к грамматическому классу вещей» [10, с. 61]. В данном высказывании ученого подчеркивается роль вопросов *кто?* и *что?* в дифференциации денотатов, в их противопоставлении по признаку «люди-нелюди» и отмечается их распространенность. Возможно, по этой причине вопросная методика широко распространена в школьном преподавании языка. В школе эти два местоимения используются в качестве заместителей и эквивалентов всех имен существительных в различных сферах их употребления.

И в теории некоторые исследователи языка особо отмечают значимость этих лексем в системе языка. Как пишет Н.Ю. Шведова, «местоимение *кто* занимает главное место в строе местоименных исходов. Это объясняется тем, что оно означает не просто одно из глобальных понятий бытия, но существо одушевленное и прежде всего человека, ставящего себя в центр всего окружающего, познающего мир и установившиеся в нем связи, отношения и зависимости» [11, с. 53]. В данном утверждении есть два момента, вызывающих возражение. Во-первых, в нем говорится, что местоимение *кто* «означает... одно из глобальных понятий бытия». Мы сомневаемся в том, что это

слово выражает понятие, если учесть, что понятием называют форму мышления, отражающую наиболее общие, необходимые и существенные свойства предметов и явлений действительности. Понятие есть множество таких свойств, сформулированных в мышлении. Слою кто не имеет понятийного содержания и его не выражает. В слове *кто* явно выражено видение производителя речи – известность – неизвестность ему денотата, с которым он соотносит данное местоимение. Во-вторых, в данном утверждении, правда, на втором плане содержится скрытое признание «ясности» местоимения *кто*, означающего «прежде всего человека, ставящего себя в центр всего окружающего, познающего мир». Но опять-таки не совсем понятно, о каком человеке идет речь – о человеке-денотате местоимения *кто* или о человеке «вопросающем» о денотате местоимения.

Точно так же подчеркивается глобальность смысла местоимения что «как исхода, возглавляющего собственную дейктическую систему», которое «означает любую сущность, данность, не являющуюся существом одушевленным... Спектр сущностей, означаемых местоимением что, весьма широк; это может быть все, что непосредственно воспринимается физически и осмысливается умственно либо духовно, все, что оказывается в поле зрения человека как существа воспринимающего, мыслящего и чувствующего: собственно предмет, вещь или совокупность предметов, понятие, состояние, свойство, чувство, мысль, сообщение, явление, событие, ситуация или целое «бытийное пространство», срез жизни, бытия, отрезок действительности» [11, с. 67-68]. В данном определении сущности прономинатива *что* роль субъективно-эмоциональных и личностно-мыслительных начал подчеркивается сильнее, чем в характеристике *кто*. Шведова вплотную подходит к тому пониманию местоименного смысла, которое представляет А. М. Пешковский. Отнеся высказанное по поводу сущности прономинатива *кто* к данному утверждению Шведовой, отметим, что если глобальность смыслового содержания слов *кто* и *что* является свойством их исходности, то исходными в языке могли быть не эти прономинативы, а те, которые не ограничивают объекты по признакам «человек-нечеловек», «живое-неживое». А в языке существуют местоименные слова с макросмыслом, которые обобщают и включают в себя смыслы *кто* и *что*. Таких слов немало. Возьмем, к примеру, слово *все*. Его смысл покрывает все, что есть в реальности или мыслится как реальное. Ср., например: *Все познается в сравнении*. В этом афоризме под содержание выделенного слова подводятся все живое и неживое, человек и человечество, весь органический и неорганический мир, материальное и идеальное, движение и состояние, реальное и нереальное, конечное и бесконечное, единичное и всеобщее и т.д.

Мы считаем, что потенциальный смысл всеохватности, содержащийся в данном местоимении, приобретает конкретное содержание и значение в соответствии с тем, с каким денотатом соотносит его производитель речи-мысли. Иными словами, значение данной лексемы динамичное и определяется относительно денотата. Всеохватность есть общее значение лексемы *все*, а

не всех местоимений. Минимальное значение лексемы соотносится с одним каким-нибудь случаем или предметом (*Возьми 5 рублей. Это все, что есть у меня*). Это говорит о том, что смысл местоимения определяет производитель речи, соотнося его с тем или иным предметом, с группой предметов или со всей действительностью. На этом основании считаем представление и позицию говорящего главными и решающими в употреблении и семантическом обеспечении местоименных слов.

Вышеизложенное позволяет сделать несколько общих выводов.

1. В пространственно-временной оси наименований объективного мира местоименные слова образуют эгоцентрическое поле, являющееся исходным в диахроническом плане и центральным в плане синхронии.

2. Ядро местоименной семантики заключено в дихотомии «Я – не-я». Центр любого высказывания есть отправитель информации, которого называют по-разному – то первым лицом, то говорящим, то производителем речи и т.д. Все прономинативы эгоцентричны.

3. Язык отражает и именуется мир через призму говорящего. Именно «Я» находится в центре коммуникации. «Я» есть начало и исходный пункт речевого общения.

4. Эгоцентризм есть категориальное значение всех прономинативов языка. Этим свойством они отличаются от других классов лексем в языке. Как известно, категориальное значение имен существительных – предметность, прилагательных – качественность (признаковость), глагола – процессуальность, числительных – количественность, наречий – адвербиальность. Мы возражаем против укоренившегося мнения о том, что местоимения обладают категориальными значениями других частей речи, не имея собственного.

Список литературы

1. Атакулова М.А. Эгоцентризм как категориальное значение лично-прономинальной парадигмы в языке. – Бишкек, 2008. – 193 с.
2. Атакулова М.А. Инвариантное в прономинальной парадигме языка. – Бишкек, 2010. – 260 с.
3. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – 511 с.
4. Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи. – Л., 1968. – С. 7-32.
5. Зулпукаров К.З., Зулпукарова А.К. Ностратические личные местоимения: реконструкция праосновы и образование форм неединственного числа // Государственный язык: проблемы изучения и исследования. Часть II. – Ош, 1996. – С.71-78.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – 510 с.
7. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. – М., 1857. – 317 с.
8. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. – М., 1988. – 151 с.
9. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений в современном русском языке. – Киев; Одесса, 1990. – 148 с.
10. Чикобава А.С. Части речи как понятие филологической грамматики и как понятие описательного научного анализа // Вопросы теории частей речи. – Л., 1968. – С. 49-63.
11. Шведова Н.Ю. Местоимения и смысл. – М., 1999. – 203 с.
12. Шелякин М. Русские местоимения. – Тарту, 1986. – 91 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРПРОДУКТА

Ахметшина А.С.

аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются вопросы развития внутреннего турпродукта, актуальные проблематики продвижения туристических ресурсов РБ в том числе для жителей Республики Башкортостан. Республика, обладающая огромным научно-производственным потенциалом и культурным наследием, является перспективным туристическим центром и способна привлекать гораздо большее количество туристов за счет развития внутреннего туризма.

Ключевые слова: туризм, туристические центры, история, культура, традиции, музеи, турпродукт, кластер.

Главная цель – развитие всего Башкортостана, а не только отдельных перспективных регионов, создание благоприятных условий для увеличения количества туроператоров. Был предложен следующий путь: кадастровый подход. Вначале создается реестр объектов культурного, исторического, природного наследия. Затем кадастр–реестр с ранжированием и оценкой значимости объектов, их состояния, полезности, необходимых мер по содержанию и реставрации. Исходя из имеющихся ресурсов, экспертами и оценщиками определены точные границы кластеров.

Как это осуществить? Можно было бы провести фестиваль-конкурс между районами РБ для составления кадастра и реестра объектов, с предложениями и проектами по их развитию.

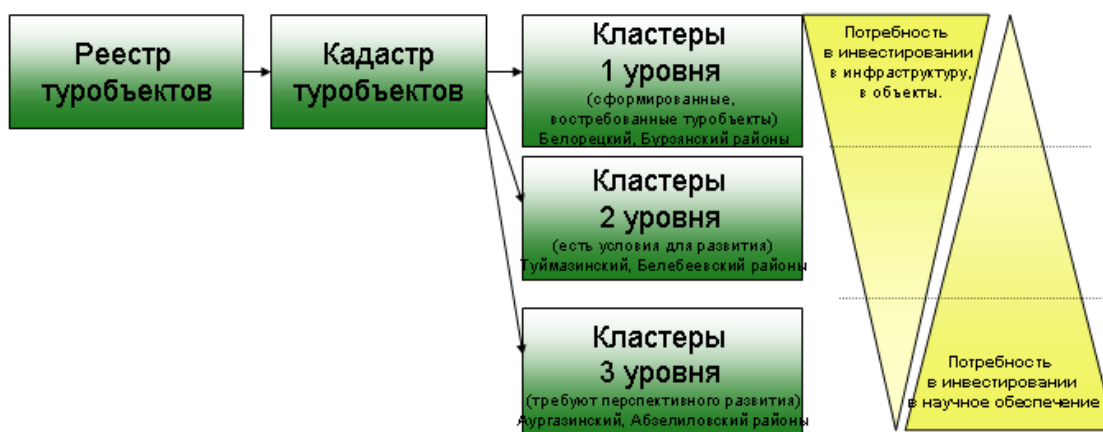

Рис. Схема формирования турпродукта

Таким образом, туристский кластер – сконцентрированная на некоей территории группа взаимосвязанных туробъектов и инфраструктуры, который формируется на основе данных кадастровой оценки.

Кластерная политика успешно развивается за рубежом. В целях развития всего региона мы предлагаем разделить кластеры на три уровня. Класте-

ры 1 уровня, в которых есть сформированные, востребованные туробъекты, требуют значительного инвестирования, для обеспечения современного уровня туртехнологий. К кластерам второго уровня можно отнести Туймазинский, Белебеевский, Октябрьский районы, в которых есть условия для дальнейшего развития (озеро Кандры-Куль, дома отдыха, горнолыжные центры, комплекс, связанный с именами Аксакова, Цветаевой, Чехова, Толстого, К. Иванова...). К кластерам третьего уровня можно отнести Аургазинский, Абзелиловский районы, которые требуют перспективного развития, дополнительного научного обоснования и развития инфраструктуры (сарматские курганы, озера и т.д.) [5].

Входными воротами РБ является Уфа. Это основной кластер, который требует пристального внимания, любви и заботы. Это наша Родина, наша столица, здесь все надо делать, как для себя. Должна быть разработана концепция развития Уфы как тур-столицы, затем комплексная межведомственная программа. Любой современный экологический туризм, научный, студенческий, событийный, приключенческий и т.д. – должен начинаться со столицы.

Туристский центр должен быть расположен в исторической части города. Как в СПб – на ул. Герцена, в центре города; в Казани – на Кремлевской ул., рядом с Кремлем; в Екатеринбурге – в старинном особняке на центральной набережной.

В Уфе необходимо определить дату основания города, создать в центре города новые памятники выдающимся людям, сделать пешеходные зоны, автобусные тур-стоянки, аллею национальных героев на мусульманском кладбище, музей Шаляпина, музей Нуриева (в Риме на театре оперы и балеты висит одна единственная доска – «здесь танцевал Рудольф Нуриев») [1]. В Париже был такой случай: мы с мамой очень хотели попасть в Гранд Опера на вечер балетных миниатюр в постановке Баланчина. В них когда-то танцевал Нуреев. Билетов в кассе не было, но нам повезло – подошел приятный мужчина и спросил: «Не выручите меня? Я привел студентов Сорбонны, изучающих историю балета, но два студента не подъехали». Конечно, с радостью выручили. И, уже сидя в зале, разговорились. Узнав, что мы из Уфы, наш благодетель поднялся с места, сделал знак рукой студентам. Когда те тоже встали, торжественно воскликнул – «эти дамы с родины Нуриева!». В антракте преподаватель Сорбонны предложил нам пройти за сцену, где главный балетмейстер театра должен был отвечать на вопросы студентов. Мы в сторонке слушали ответы этого замечательного человека. Потом слово взял преподаватель: «Хочу представить дам, приехавших с родины Рудольфа Нуриева...» В мгновение ока балетмейстер оказался перед нами, встал на колени, поцеловал нам руки и взволнованно выдохнул: «Он был мне лучшим другом!»). Любовь и память – это самое ценное, что у нас есть.

Для продвижения РБ и Уфы необходимо создание конкурентоспособных развлекательных комплексов.

В уфимский аквапарк не поедут потоки туристов из соседних регионов – у них есть свои. Альтернативным проектом может стать научно-

развлекательный музей (аналоги – современные музеи Германии, или прообраз отделов политехнического музея в Москве). Подобный музей может привлечь турпотоки. Самые благодарные и любознательные туристы дети с 8 до 18 лет. Сейчас у них кроме боулинга, игровых автоматов и компьютеров почти нет других развлечений. Нужно создавать центры интерактивного отдыха. Есть вузы, специалисты, техническая база, которые могут разработать архитектурные, научно – демонстрационно – развлекательные проекты, в которых посетители смогут реально участвовать. И отделом такого музея может стать отдел национальной истории, символом которого стал легендарный Урал Батыр. Чем эта идея проигрывает, например, музею Астрид Линдгрэн в Стокгольме?

Серьезная работа должна вестись с музеями Уфы, которые работают архаично и находятся в подчинении разных ведомств (гибкий график работы, применение интерактивных технологий, модернизация и т.д.). Проблема музеев среднего класса остро стоит по всей России.

При создании турпродукта велика роль межведомственной комиссии по предпринимательству, Госкомитета РБ по предпринимательству и туризму, администрации города и центра развития туризма и всех участников туриндустрии.

Первыми потребителями турпродуктов должны стать учащиеся республики. По статистике около 80% туристов в СПб и Москве – это российские потребители и в основном это школьники. Запомнилось выступление мэра города Елабуги, который на 20-летию туристского центра Елабуги (музея-заповедника) сказал, что у нас нет ни одного учащегося, который бы не посетил весь музейный комплекс, а это: детские сады, школы, СУЗы, ВУЗы. Все современные музеи, независимо от их уровня, вводят интерактивные технологии. Есть хорошая восточная поговорка: «Расскажи и я забуду, покажи – и я пойму, дай сделать – и я запомню». Знание истории, культуры, традиций формирует личность. Любовь к Родине – это не простые слова, это знания, уважение, сохранение того, что есть и создание нового. Главное задача внутреннего туризма – с умом распорядиться тем, что есть и принять концептуальный подход к созданию новых объектов.

На втором уровне значимости – социальный туризм.

Большую долю в общем объеме туруслуг по традиции будут занимать делегации, конференции, гости столицы.

Далее идет научный, студенческий, приключенческий туризм.

На данный момент самая маленькая доля приходится на интеллектуальный туризм, который в Европе постепенно занимает лидирующие позиции.

Для продвижения РБ на российском и международном уровнях: нужен единый фирменный стиль, согласованный методический материал, экскурсии, подготовка экскурсоводов, рекламная продукция, буклеты, книги, путеводители (уже подготовлены монографии С. Котова, УНЦ РАН, в которых представлен сравнительный анализ мировых эпосов и Урал Батыра, легенд и

мифов Башкортостана), переиздание замечательных книг издательств «Информреклама», «Китап» [2, 3]. Нужно создать качественные видеопередачи и фильмы по туризму. Нужно активнее участвовать в выставках и конференциях. На местные выставки необходимо привлекать: представительства стран, крупных туроператоров, соседние регионы; представлять яркие научные и бизнес программы и организовывать целевые потоки посетителей.

Разработана концепция и проект создания единого туристского центра.

Миссия Центра: Преобразовать возможности в действия, действия в результаты, а результаты – в Богатство.

Необходимо задействовать, активизировать турпотоки в межсезонье, проводя российские, международные фестивали, конкурсы и спортивные соревнования и т.д. Примером может стать г. Белорецк, с уже готовой инфраструктурой, где необходимо инвестирование для постройки целевых комплексов (возможно и под открытым небом).

Уже сейчас необходимо готовить и оформлять грамотные экономические проекты, которые можно предоставлять на рассмотрение Правительства республики и в Ростуризм.

Рачительному хозяину нужно пересмотреть все имеющиеся ресурсы – как исторические, культурные памятники, и привести все к общему знаменателю; так и людей, которые посвятили туризму свою жизнь. Все это может стать основой для инновационного и современного прибыльного внутреннего туризма. Только проанализировав все, можно говорить о необходимых вложениях, а не просто об освоении средств – что было уже пройдено нашей страной не раз. Мы понимаем, что без государственной поддержки, целенаправленной и постоянной не обойтись [4].

В результате мы получим: развитие перспективной отрасли экономики; создание рабочих мест в районах Башкортостана; просветительская функция – формирование активной позиции молодежи и приобщение их к культуре, истории, традициям РБ; достижение социального благополучия республики; реализация социальных проектов; формирование благоприятного имиджа и устойчивое развитие городов и районов РБ, развитие города Уфы как туристического центра РБ.

При таком подходе экономический эффект не заставит себя ждать. И не стоит бояться внутренней конкуренции, всем хватит работы.

Список литературы

1. Воробьев В. В., Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Триада язык – культура – личность как основа современной лингвокультурологии // Вестник Башкирского университета, 2016, Т.21, №1. С. 355-359.
2. Фаткуллина Ф.Г. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана // Актуальные вопросы межнационального взаимодействия и межкультурной коммуникации в образовании М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 190-197.
3. Хайбулина Г.Н., Фаткуллина Ф.Г. The Anthropocentrism in Bashkir folk epic Ural Batyr // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6 – 10 октября 2015 г.). В 3-х т. Т.III. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 272-273.

4. Хайбулина Г.Г., Фаткуллина Ф.Г. Культурный фон пространства фольклорного текста (на материале эпоса «Урал-батыр») // Философская мысль башкирского народа: сборник научных статей / отв. ред. Б.С. Галимов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С.280 -285.

5. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 7 июня 2012 г. N 185 О государственной программе "Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Башкортостан".

СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ИРОНИЧНОГО В ГОРИЗОНТАЛЬНОМ И ВЕРТИКАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ КИНОДИСКУРСА)

Белик В.А.

студент специальности «Перевод и переводоведение»,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматривается стилистический прием иронии, приводятся обязательные составляющие иронического высказывания – маркеры иронии. Вместе с тем указана важность контекста, а также невербальных средств для выражения иронии в устной и письменной речи. Разграничиваются понятия горизонтального и вертикального контекстов. Анализируются маркеры иронии на примере телесериала «House of cards» («Карточный домик»).

Ключевые слова: юмор, ирония, маркеры иронии, контекст, экспликация.

В лингвистике юмор занимает особое положение, так как олицетворяет собой комплексное социальное, прагматическое, психическое, этнокультурное, а также историческое явление, суть которого проявляется в ходе вербальной коммуникации. Одним из частных проявлений юмора является ирония. Данный прием представляет собой одно из центральных явлений практической реализации общечеловеческих и духовных ценностей, т. е. культурной системы, и обладает множеством интерпретаций. Именно в иронии, как в одном из видов комического, смешное кроется под маской серьезности, и в это же время превалирует негативное отношение к предмету или явлению [4, с. 150].

М.А. Панина интерпретирует данный стилистический прием, как «противоречие, лежащее в основе всякого комизма, есть ничто иное, как совмещение при восприятии двух противостоящих логико-семантических полей, которые определяются через оппозицию своих репрезентантов, например, «высокое-низкое», «форма-содержание», «реальное-нереальное» и т.д.» [2, с. 76].

Средства экспликации ироничного могут обладать разными уровнями, начиная от лексического заканчивая комплексным семантико-ноэматическим. Следствием при использовании данного приема является «декодирование адресатом иронического значения, которое передает собой значение любой языковой единицы, прямой смысл которой или стилистическая окраска не соответствует природе денотата» [3, с. 20]. В данном случае ирония включает в себя наиболее обширный спектр значений, который усиливает эффектность произведения, а также его значимость при восприятии.

Дабы исключить оговорки, неуместные высказывания ироничное должно следовать некоторым правилам: высказывание содержит две противоречивых друг к другу интерпретации; участники речевой ситуации должны обладать способностью к восприятию и распознаванию иронического высказывания (т. е. обладать исчерпывающими знаниями о контексте, личность говорящего). Стоит отметить трудность интерпретации приема иронии в системе комического. Данный прием демонстрирует некую игру противоположностей, при этом стирая границу между добром и злом, низким и высоким. Эта игра осуществляется при помощи ряда приемов, к примеру гротеска, пародии, гиперболы, остроумия либо же соединения разных речевых стилей и т.п. Также важно указать, что именно в данном приеме «действительное направление передвижения смысла идет от конкретного к абстрактному. Слова, которые до этого ограничивались конкретным явлением, превращаются в абстрактные...» [1, с. 15].

При экспликации ироничного вовсе не исключена неправильная интерпретация самого высказывания, если выражение является ироничным, а воспринимается как неироничное, и наоборот. В рамках данного феномена необходимо подчеркнуть, что «решающим фактором трансформаций смысловых структур выступают возможности перераспределения ноэм периферийного поля внутри многомерной суперструктуры, разрушающие процесс преемственности значения языковой единицы внутри лингвокультурной общности и культивирующие весьма самобытную систему, отходящую от магистральных путей узуального функционирования конкретной единицы» [1, с. 12].

В лингвистических исследованиях особое внимание уделяется такому явлению, как маркеры иронии. И.Б. Шатуновский классифицирует формальные и семантические. Паралингвистические знаки (улыбка, усмешка, взгляд, наклон головы, интонация, хмыканье) и специальные слова, в которых выражен в фиксированной форме маркер иронии (блюстителю, восседать, соизволить) относятся к формальным сигналам иронии. Семантические маркеры иронии включают в себя «ложную» семантику высказывания, обладающая комическим характером [5, с. 46].

Примером формальных маркеров иронии, т. е. паралингвистических, является следующий отрывок:

Claire: I'm not trying to manage you.

Claire: I just don't want to outlive you by 25 years.

Frank: I must walk three miles a day around that Capitol.

Frank: I 'm constantly on my feet.

Frank: And do you know how many calories the brain burns?

Claire: I'm not worried about your brain.

Клэр: Я не пытаюсь тобой командовать.

Клэр: Я не хочу пережить тебя на 25 лет.

Фрэнк: Я должен ежедневно обходить Капитолий, 3 мили.

Фрэнк: Я постоянно на ногах.

Фрэнк: *А знаешь, сколько калорий сжигает мозг? (интонация)*

Клэр: *Меня не волнует твой мозг* (TV & Movie Scripts Электронный ресурс).

В данном случае интонация является маркером иронии, так как главный герой Фрэнк хочет дать понять своей жене Клэр, что ему и заняться больше нечем, как думать о такой ерунде как спорт, и что есть дела более важные. И к тому же с его точки зрения, можно понять, что мозги важнее внешней оболочки. Этот и последующий отрывок доказывает то что, «в процессе актуализации релевантных ноэм при образовании вышеизложенных смыслов или переразложении имеющихся смыслов в новых структурах на первый план выступают периферийные концепты, а именно: окказиональные деривационные модели и интенция автора» [1, с. 15]. Следовательно, следующий отрывок, показывает нам отчетливую интенцию автора и картину происходящего.

Фрэнк: *Senator Dean Austen of Ohio, the leadership's top choice for running mate.*

Twelve years in Congress, helps us with a major swing state, middle of the road, very few enemies, and most importantly to them, long-time friend of the NRA.

Now his shortcomings are he's another middle-aged white guy, underwhelming, unimaginative and a long-time friend of the NRA.

(remains middle finger) So you can see how I feel about the leadership's choice.

Фрэнк: *Сенатор Дин Астен из Огайо, выбор руководства в кандидаты на пост вице-президента.*

12 лет в Конгрессе, центрист из колеблющегося штата, мало врагов, и самое важное, давний друг стрелковой ассоциации.

Недостатки: обычный белый мужчина среднего возраста, посредственный, лишенный воображения и давний друг НСА.

(остается средний палец) Теперь вы видите, как я отношусь к выбору руководства (TV & Movie Scripts Электронный ресурс).

В горизонтальном контексте это просто жест, но в вертикальном показывается реальное отношение человека к выбору руководства, т. е. негативное, так как значение жеста не несет в себе позитивную интенцию.

Таким образом, можно сделать вывод, что прием иронии является одним из главных составляющих как системы комического, так и культуры в целом. Процесс экспликации производится путем применения, как лингвистического аспекта, так и паралингвистического, в частности маркеров иронии. Также в данном вопросе важно учитывать понятие вертикального и горизонтального контекста, т. е. различие между, чем является тот или иной предмет, и что означает и какую имеет интенцию.

Список литературы

1. Бредихин, С. Н. Сдвиги в семантических полях при актуализации периферийных ноэм как способ порождения многомерного смысла / С. Н. Бредихин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2014. № 2 (87). С. 12-15.

2. Панина, М. А. Комическое и языковые средства его выражения / М. А. Панина. – М., 1996. – 144 с.
3. Семенов, И. А. Ирония как категория культуры / И. А. Семенов // Аналитика культурологии, 2007. – С. 19-22.
4. Советский энциклопедический словарь / А. М. Прохоров М. С. Гиляров, Е. М. Жуков, Н. Н. Иноземцев, И. Л. Кнунянц, П. Н. Федосеев, М. Б. Храпченко. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.
5. Шатуновский, И. Б. Ирония и её виды / И. Б. Шатуновский. – М.: Индрик, 2007. – 372 с.
6. TV & Movie Scripts [Электронный ресурс] http://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?episode=s01e01&tv-show=house-of-cards-2013 (Дата обращения: 22.01.2017)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗОК В.И. ДАЛЯ И ДЖ. РЁСКИНА

Блинова М.П.

доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий, канд. филол. наук, Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Кадымова В.В.

студентка факультета романо-германской филологии, Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В данной статье в сопоставительном аспекте рассматриваются лингвостилистические особенности жанров сказки в творчестве В. Даля и Дж. Рёскина. В итоге доказывается, что в повествовательной стратегии Даля акцентирована диалогичность и близость к фольклору за счет использования ряда лингвостилистических средств. Народности Даля противопоставлен эстетизм Рёскина, хотя обоих сближает дидактизм.

Ключевые слова: сказка, лингвостилистика, фольклор, повествовательная стратегия.

Лингвостилистика, основы которой были заложены Ш. Балли, сравнивает общенациональную норму с особыми, характерными для разных сфер общения подсистемами, называемыми функциональными стилями и диалектами, и изучает элементы языка с точки зрения их способности выражать и вызывать эмоции, дополнительные ассоциации и оценку [1]. Это позволяет через анализ лингвостилистических особенностей произведения выявить специфику авторского идиостиля и определить стратегию вербального воздействия на читателей. В этом плане интересным представляется сопоставление сказок и притч В.И. Даля и английского писателя, критика и поэта Дж. Рёскина. Оба автора были современниками и, увлекаясь художественным творчеством, работали в одном жанре – сказке, который, возможно, привлекал их своей народной поэтикой и сочетанием простоты с глубиной смысла. Вместе с тем именно данный тип художественного дискурса – авторская сказка – является недостаточно изученным в плане лингвостилистики, что, наряду с проведенным сопоставлением, обеспечивает новизну нашей работы.

В начале творческого пути Даля его сказки отличались демократизмом и яркой сатирической направленностью против «власть имущих». Эта сатира насторожила правительство, и сборник «Русские сказки. Пяток первый» был запрещён, что, тем не менее, вызвало только больший интерес к творчеству Владимира Ивановича.

В 30-40-е годы характер сказок меняется, они приобретают черты бытописательной повести и физиологического очерка, чем, по замечанию Порудоминского В. И., «выгодно отличались и от приподнятых, чисто условных, а порою и сентиментальных рассказов других авторов из жизни просто-народья» [1]. Этнографические зарисовки, воспроизведение быта, отличающиеся живостью описаний, лиричностью и верностью деталям, обрисовка характеров, пристальный интерес к изображению отдельных типов – таковы, как считает Порудоминский, художественные особенности творчества Даля [3]. Все это определяет и специфику лингвостилистики его сказок.

Прежде всего следует отметить, что автор использует диалоговую макроструктуру в качестве композиционной основы текста: Даль строит свое повествование в виде ответа на вопрос, как, например, в сказке «Веревки, лапти, тяжи и пестеры». Также в отдельных случаях анекдотические ситуации после своей кульминации и развязки имеют авторские комментарии нраво-учительного характера. Так, в «Притче о вороне» автор после развязки делает вывод, обращаясь к читателям с помощью народной мудрости: «Всяк норovit своему: всяк сам себе и краше и лучше» [2], а, например, в «Притче о дубовой бочке» И.В. Даль делает следующий вывод: «Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось, две головни и в чистом поле дымятся, а одна и на загнетке гаснет; силен и богат мужик семьей; а одному и у каши не спору» [2]. Эта речевая стратегия позволяет активизировать читательское восприятие, вовлечь его в имплицитный диалог на ту или иную тему. Именно поэтому в большинстве сказок речь рассказчика перемежается значительным количеством диалогов между персонажами, где читатель может идентифицировать себя с одним из них. Примером может послужить сказка «Журавль и цапля», которая полна диалогами между главными героями, и читатель может как ассоциировать себя с одним из них, так и принять чью-либо сторону. В итоге рассказ становится ярким, живым, доступным для малообразованного крестьянина. Ту же роль играют вопросительные и восклицательные конструкции, которые активно используются Далем: «О чем, девица, о чем, красная?», «Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?», «А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!», «Иди, – говорит, – куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!» [2].

Кроме того, диалоги и многочисленные обращения показывают, что автор в большей степени делает акцент на героях своих сказок. Например, в сказке «Журавль и цапля» автор очень часто в процессе написания диалогов использовал обращения: «Журавль, я иду за тебя», «Ну, так уж и быть, цапля», в сказке «Медведь-половинщик»: «Ты, Мишка...», «Ты, Мишенька ...», в сказке «Лиса лапотница»: «Матушка Лиса Патрикеевна ...» [2].

Если это мужчина, обычно Даль предостерегает его от каких-либо неверных действий и считает, что если человек совершил что-то плохое, то он обязательно должен это исправить и покаяться в своих действиях. Автор превозносит личные качества людей, попавших в какую-либо тяжёлую ситуацию. Если же героем сказки является женщина, то становится ясно, что автор уважает её, например, на всех празднествах женщина сидит именно на почётном месте. В целом писатель обличает глупость, косность мышления, праздный образ жизни, пьянство, воровство, разбойничество, жадность, стремление к стяжательству, упрямство и обман. Даль хвалит прозорливость, ум и почитание божественных законов, трудолюбие и гуманность героев своих сказок, следуя тем самым фольклорной традиции. Этим объясняется и специфика его идиостиля, основой которого является литературная речь, намеренно упрощенная и вместе с тем обогащенная отдельными разговорными и просторечными словами и выражениями, например: «вишь», «сподряд» в сказке «Лиса лапотница», «напраслина», «сбежавши» в «Сказке о Георгии Храбром и о волке». Их функция состоит не только в сближении текстов сказок с живой разговорной речью того времени, но и в продолжении повествовательных традиций фольклора.

Особое значение приобретают поговорки и фразеологизмы, которые становятся важной чертой идиостиля Даля в «Притче о дубовой бочке»: «И мастеру на славу и людям на нужду», «... а о бочке и помину не стало, словно её и на свете не было», «... и слуху о них не стало» [2]. Можно заметить, что пословично-поговорочный материал использован В.И. Далем в речи рассказчика, в словах персонажей, моральных выводах, например, в сказке «О дятле»: «Каяться и зарекаться хорошо, если помнишь слово свое и зарок, и, сделав раз худо, станешь вперед от худа бегать; а коли клятва твоя и божба крепка только до вечера, а с утра опять принимаешься за то же – так и в добром слове твоём добра мало» [2]. В данной сказке речь шла о дятле, который каждый день громко стучал по деревьям, и от этого у него болела голова. Поэтому каждый день он обещал себе, что этот раз будет последним, но каждый день герой начинал своё привычное дело, не вспоминая об обещании. То есть в этом случае автор в начале сказки делает некий моральный вывод, а далее как бы приводит пример – сюжет сказки. Поговорки встречаются и в названиях отдельных «бывальщин»: «Грех на совести, что шило в мешке», «Легко нажито, легко и прожито», «Не положи, не ищут» [2]. Нравоучения, в которых писатель часто использует народную мудрость, открывают или завершают рассказ. Таким образом, поговорки и пословицы представляют в его произведении опыт народа, его моральные ценности, которыми подкрепляется мнение писателя. Можно сказать, что используется прием отсылки к авторитету, оказывающий большое влияние на простого читателя.

Даль выступал за развитие и использование русского народного языка, поэтому его сказки очень богаты историзмами и архаизмами. Например, в сказке «Журавль и цапля» были найдены следующие историзмы: «сударушка», «следующие архаизмы: «надо-де», «нетореной дорожкой», «насилу», «,

«по сию пору», «с голоду уморишь», «пойду к нему доброе слово перемолвить». Также архаическими формами богата сказка «Медведь-половинщик», например: «подле», «соху да борону ладить», «справив дело», «соснем», «вдругорядь», «сызнава», «коли» и т.д. Более того, писатель довольно часто использовал в своих произведениях уменьшительно-ласкательные суффиксы, например, «травушка-муравушка», «сударушка», «Журонька», «скорехонько», «в сенцах на полочке кадочку с медком», «куманёк» [2], что является характерной особенностью русского языка, и устойчивыми именами собственными, используемыми именно в русских народных сказках. Все это создает особую поэтическую атмосферу сказки.

С этой же целью автор часто использовал рифму в своих произведениях, например, в сказке «Журавль и цапля»: «а глаза у нее как плоски, не видят ни крошки», «цветы первые – подснежные», «сова – веселая голова», «гнезда вить, семьями жить», «зовут его щегольком, ходит с хохолком» – и в сказке «Медведь-половинщик»: «лежал да лапу сосал» [2]. Кроме того, так его сказки становились более запоминающимися для читателя.

Вместе с тем Даль не отступал далеко от традиционной жанровости сказок. Его произведения богаты не только пословицами, поговорками, но и различными сказочными формулами, повторами и тавтологиями. Например, в сказке «Старик-годовик» были найдены следующие повторы: «У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем», а в сказке «У тебя у самого свой ум»: «он через овраг – она через овраг», «он через тын – она через тын», «да и плачется на козла, а козел говорит», «ни на хозяина, зачем дома не кормит, ни на пастуха, зачем-де не приглядел за мною». А такой пример, как тавтология, автор использовал, например, в сказке «Лиса лапотница»: «полным-полнешенько», «подумал, подумал старик да и пустил лису», «глядь-поглядь» [2]. Более того, писатель не боялся придумывать свои собственные выражения и слова, пользуясь таким лингвистическим приёмом, как индивидуально-авторские инновации. Например, в сказке «Журавль и сказка» И.В. Даль, объединив два слова, придумал новое: «гнать-допекать».

Выразительность, эмоциональность и поэтичность языку сказок В.И. Даля придает также использование рядов однородных членов, градации, сравнений, эпитетов. Ряды однородных членов: «прошел борозду, прошел другую, прошел третью, а на четвертой», «медведь пошел в лес, залег в берлогу, пососал, пососал лапу да с голодухи заснул и проспал всю зиму», «а мужичок сидит за столом, пшеничные лепешки ест, бражкой запивает да бороду утирает», «птицы большие и малые, гуси и лебеди, пташки и пичужки». Примеры градации: «сердитая-пресердитая», «с няньками, мамками, с малыши детками, с ближними и дальними соседками», «чем затесываться среди белого дня в эту толпу, отару, ватагу, табун, гурт, стаю, стадо». Эпитеты, использовавшиеся автором: «железные засовы», «булатные замки», «сизые селезни», «пёстрые утки», «сизой орел, ясный сокол», «черного соболя», «белокаменные палаты» [2]. Данные средства являются наиболее частотными по

сравнению с остальными и позволяют писателю точно передать свои мысли и образы с помощью текста.

Интересной речевой особенностью сказок Даля определённого периода является тюркская стилизация: автор писал сказки о тюркских народах, поэтому они богаты заимствованиями и имитацией калмыкской речи, например, в сказке «О Георгии Храбром и о волке»: «Георгий, пришла мая твая просить, дело наша вот какой: мая ашать нада, курсак совсем пропал, а никто не дает», «на что же, – продолжал он, – дал ты мне зубы, да когти, да пасть широкую, на что их дал мне, и еще вдобавок большой мясной курсак, укладистое брюхо» [2].

В целом можно сказать, что в плане лингвостилистики свои авторские сказки В.И. Даль строит как стилизацию под народную речь, отсюда использование просторечных выражений, пословиц и поговорок, особенности синтаксических конструкций, фольклорных изобразительно-выразительных средств. Вместе с тем писатель использует принцип диалогичности повествования и апелляцию к народной мудрости, что становится основой его речевой стратегии.

Иную лингвостилистическую модель можно обнаружить в сказке Дж.Рёскина «Король золотой реки, или Чёрные братья». Рёскин был не только писателем и поэтом, но и литературным критиком, теоретиком искусства и философом, чьи взгляды легли в основу творчества прерафаэлитов. Главная ценность для Рёскина – красота, которую отражает искусство и через это нравственно возвышает человека, очищает его душу. Поэтому задача художника – передать эту красоту, «реализовать свою идею, замысел через правдивое воспроизведение «естественной» природы и человека, находящегося в гармоничном единстве с ней» [4]. Эта установка определяет лингвостилистические особенности произведений Рёскина, в том числе и его сказок.

Стремление вызвать в читателе чувство красоты приводит к тому, что текст исследуемой сказки изобилует необычными сравнениями и метафорами. Сравнения: “is mustaches curled twice round like a corkscrew”, “like a beaten puppy's tail”, “dripping like an umbrella”, “like a mill stream”, “as if it were licking its chops”, “every fold in it ran like a gutter”, “like a cork”, “its surface as smooth and polished as a river”, “as if on a surface of mother-of-pearl”, “like a line of forked lightning”. Метафоры: “the shower of gold”, “pouring maledictions”, “his heart melted”, “they seemed to melt into air” [5].

Особую эмоциональность придает использование повторов. Примеры повторов: “with such a farm and such a system”, “turning round and round”, “for him and for him”, “o dear, dear, dear me!”, “my mug! my mug! my mug!”, “and far beyond and far above all these”, “on this object, and on this alone”, “glance after glance” [5].

Наиболее частотной синтаксической конструкцией становятся однородные члены предложения, которые позволяют соединять разные стороны описываемых явлений. Например: “rustling and roaring and throwing”, “the inundation had swept away trees, crops, and cattle”, “only a soft, running, efferves-

cent melody”, “his figure became red, white, transparent, dazzling”, “its ears became long, longer, silky, golden” [5].

Принцип «верности природе», которого старался придерживаться Рёскин, приводит к тому, что особое внимание автор уделяет явлениями природы, а описаниям людей. В то же время природа предстает одухотворенной, живой, отсюда огромное количество олицетворений, используемых автором: “the face of a crag”, “misty moonbeam, which found its way through a hole in the shutter”, “there were bright tongues of fiery cloud”, “the pot was certainly singing”, “the moaning of the river” [5]. Природа существует наравне с человеком, она живёт, переживает, злится и радуется. По состоянию природы можно легко понять, какое на данный момент задаётся настроение в произведении, то есть Рёскин использует природный параллелизм.

Таким образом, английский писатель применяет разнообразные лингвостилистические приёмы, чтобы реализовать центральную идею своей философии – красоту – и на уровне стиля.

В целом, сравнения обоих писателей, можно заметить, что, во-первых, в произведениях И. В. Даля наибольшее внимание уделяется людям, их характерам и проблемам, а Рёскин в большей степени сосредоточен на природе и окружающем мире, описание которых является отражением чувств героев и происходящих событий. Отсюда – активное использование английским писателем олицетворений, эпитетов, метафор.

Во-вторых, Даль стремился воссоздать именно народную основу языка, поэтому некоторые просторечные или устаревшие выражения, архаизмы, диалектизмы, использованные им, становятся понятными или в контексте, или с помощью словаря. Рёскин же использовал литературный язык и крайне мало специфической лексики, поэтому его произведения легко поддаются пониманию современным человеком.

Но у авторов есть и общие черты. Например, они оба используют довольно образный и описательный язык, причем наиболее частотным тропом у обоих является сравнение. Но Даль по большей части сравнивает своих главных героев (часто ими являются животные) с людьми. Рёскин же сопоставляет качества главных героев своих сказок с неживыми предметами. Так, у Даля овца радуется козлу, как родному брату, а у Рёскина с главного героя вода стекает, как с зонта.

Вывод в результате проведённого исследования можно сделать следующий: оба автора ставили целью написания своих сказок воспитание хороших качеств у своих читателей, оба использовали очень яркий и выразительный язык. В то же время сказки Дж.Рёскина в большей степени литературны и философичны, он стремился приобщить читателя к красоте мира, в том числе и за счет изысканности и возвышенности языка. В сказках и притчах русского писателя акцентирована народная основа, присутствует стилизация речи под фольклор и при помощи этого обеспечивается преемственность народной сказочной традиции, в чем состоит внеисторическая ценность художественного наследия В.И. Даля.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1973. 303 с.
2. Даль В.И. Сказки. URL: <http://vseskazki.su/vladimir-dal.html> (дата обращения: 21.03.2017).
3. Порудоминский В.И. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с.
4. Эстетика: Словарь / Под общ. ред. Беляева А.А. и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
5. Ruskin John The King of the Golden River or the Black Brothers URL: <http://www.readcentral.com/chapters/John-Ruskin/The-King-of-the-Golden-River-A-Short-Fairy-Tale/004> (дата обращения 21.03.2017).

ФУНКЦИИ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ

Блинова М.П.

доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий, канд. филол. наук, Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Луканина В.О.

студентка факультета романо-германской филологии, Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Данная статья посвящена анализу словарных статей в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля как креолизованных текстов. Охарактеризованы основные типы связи вербального и невербального компонента и особенности их функционирования.

Ключевые слова: толковый словарь, креолизованный текст, иллюстрация, словарная статья.

В современном мире в связи с бурным развитием технологий меняются и способы предоставления информации, используются различные каналы и механизмы восприятия. Ведущим способом становится визуализация, которая обеспечивает более эффективную коммуникацию. Скорость и легкость передачи информации также объясняет распространенность использования иконических средств.

В результате в настоящее время все большую популярность набирают исследования, анализирующие не только вербальный компонент, но и взаимоотношение лингвистических и паралингвистических свойств текста. В то же время, несмотря на то, что семантически осложненные тексты применяются для более эффективного воздействия на реципиента уже длительное время, креолизованные тексты (КТ) все еще остаются малоизученным феноменом. Данный тип текста стал предметом научного интереса лингвистов лишь в 70-х годах 20 в. и, будучи неотъемлемой частью всего текстового

пространства, требует более тщательного анализа с точки зрения структуры, функционирования и стилистического употребления.

Сам термин является метафоричным и был введен отечественными лингвистами Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым: КТ – это «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [7, с.23]. Е.Е. Анисимова дополнила данное определение, отметив, что КТ – это «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 17].

Именно с прагматической установкой связано появление КТ в словарях в виде иллюстрированной словарной статьи, но при этом типология и функционирование различных видов КТ именно в лексикографии разработаны недостаточно. Это обуславливает новизну и актуальность предлагаемого исследования, где на примере «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля будет рассмотрена специфика и функции КТ как особого типа словарной статьи.

При составлении словаря В.И. Даль хотел запечатлеть на страницах весь быт и нравы русского народа. Богатый зрительный ряд значительно упрощает эту задачу и позволяет представить более полную картину жизни людей, а заодно и дает читателям возможность познакомиться с работами знаменитых русских художников, таких как В. Суриков («Деревенская божница») [4, с. 25], И. Библин («Святые Борис и Глеб») [4, с. 18], Ю. Сергеев («Бабушкины наряды») [4, с. 14], В. Васнецов («Сириин и Алокност») [4, с. 9], И. Репин («Бурлаки на Волге») [4, с. 29], поэтому в качестве визуального оформления текста в словарь В. И. Даля были включены иллюстрации, но функционировать они могут и отдельно от текста, так как не создавались непосредственно для статей.

Компонентами данного типа КТ является: вербальная часть (сама словарная статья), иконическая часть (изображение/иллюстрация) и сопровождающая подпись, например, к статье «Бал» вербальной частью является статья «Съезд, вечернее собрание обоего пола для пляски. Бальник м. –ница ж. – охотник до балов. Бал: черт с печки упал», иконическая часть представлена картиной Г. Гагарина «Бал у княгини М.Ф. Багрятинской» с соответствующей подписью [4, с. 16].

Вербальная информация в словарной статье актуализируется при помощи визуальных средств, в данном случае иллюстрациями. Привлечение визуальных элементов позволяет создать более четкое представление об объясняемом понятии, повышает эффективность восприятия вербального текста.

По характеру связи изображения с вербальной частью словарная статья является текстом с частичной креолизацией (вербальная часть относительно автономна, независима от изображения, между вербальными и изобразительными компонентами складываются автосемантические отношения) [3, с.180].

Изобразительный компонент сопровождает вербальную часть и является факкультативным элементом в организации текста.

Таким образом, вербальный компонент и изобразительный ряд, представленный художественными, декоративными или познавательными иллюстрациями, создают единый образ КТ как объекта вербальной и визуальной коммуникации.

При составлении словаря сам В. И. Даль использовал иллюстрации всего лишь к двум статьям: «говядо» [5, с. 374] и «шляпа» [5, с. 660]. Они обладали большой степенью креолизации, так как поясняли текст, но сами по себе передавали недостаточно информации. В таком случае текст, безусловно, оказывается доминирующим.

В современном же издании иллюстраций к словарным статьям стало значительно больше, и теперь они функционируют довольно автономно, вербальный компонент и визуальный связывает единая тема и общие задачи, но так как изобразительный ряд всегда активно воздействует на читателя, воспринимается как нечто цельное легче и быстрее, чем вербальный текст.

Некоторые иллюстрации обладают конкретизирующей функцией, например, к слову «Адъютант» иллюстрацией является портрет флигель-адъютанта, полковника лейб-гвардии Конного полка графа А.С. Апраксина, написанный М. Крыловым [4, с. 8], а к статье «Адмирал» – портрет вице-адмирала П.С. Нахимова [4, с. 8], однако доля таких текстов достаточно мала.

В итоге не все картины отображают само явление в полной мере, большая их часть просто представляет собой пример описываемого феномена. Так, статью к слову «Бакенбарда» дополняет портрет генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского [4, с. 15], созданный неизвестным художником, «Борода» иллюстрируется портретом Макария (Булгаков), митрополита Московского и Коломенского [4, с. 25], понятие «Беседка» представлено картиной Ю. Сергеева «Гадание на картах» [4, с. 21]. В данных примерах определяемое слово отсутствует даже в подписи к иконическому знаку, но после названия приводится отсылка на это слово. Такой тип КТ встречается лишь в 6% проанализированных текстов.

Если в названии картины отсутствует слово, для которого дается данная иллюстрация, после ее названия приводится отсылка на это слово, что помогает читателю связать воедино иллюстративные образы и толкования.

Также в словаре присутствуют иллюстрации, не включающие в себя дополнительной информации, например, изображение внешнего вида бояр к статье «Боярин» [4, с. 26], пример старинных лат к статье «Бахтерец» [4, с. 19], к статье «Байдана», что определяется как «долгая кольчуга, длиннее панциря» [4, с. 15], иллюстрациями являются изображение кабат и железной байданы – многие из них являются зарисовками придворного художника Ф.Г. Солнцева, которые составляют 43% проанализированных текстов.

Большая доля словарных статей сопровождается иллюстрациями, содержащими в себе элементы, упоминание о которых не содержится в тексте словарной статьи, например, «Бердыш» сопровождается иллюстрацией к

«Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина [4, с. 20], к статье «Борзиться» иллюстрацией приходится картина П. Соколова «Охота с борзыми на рысь» [4, с. 25]. Таковыми являются 50 % рассмотренных текстов. Помимо главного предмета подобные иллюстрации рисуют картину народной жизни, дополняет образ, несут свою собственную информацию.

Исходя из данного анализа, можно выделить следующие функции изображения в КТ:

- информативная функция – назначение изображения состоит в том, чтобы передать определенную информацию;
- аттрактивная функция отвечает за привлечение внимания и организацию всего визуального пространства, в котором находится текст;
- экспрессивная функция влияет на эмоции читателя [6, с.14];
- эстетическая функция состоит в том, чтобы в наглядных, чувственно воспринимаемых образах реализовать информационное сообщение, передаваемое вербальным компонентом, воздействовать на эстетические чувства читателя;
- символическая функция проявляется в способности изображения передавать посредством наглядных образов абстрактные понятия и идеи [2, с. 78]. Примером данной функции может служить иллюстрация к слову «Бог» [4, с. 24], передающая видение художника данного явления;
- иллюстративная функция изображения – с помощью образов воспроизводить полностью или частично информацию, выраженную вербально.

Кроме того, иконический элемент и подпись к нему добавляет экстралингвистическую информацию, которая помогает воссоздать картины исторического прошлого.

В целом, проанализировав структурные особенности иллюстрированных словарных статей как КТ, можно говорить о преобладающей информационной функции, а также о прогностической, которая определяется способностью выстроить в сознании читателя определенную проекцию реального предмета или явления. Следует отметить и рекреативную функцию, которая характеризует процесс чтения словарных статей, сопровождаемых иллюстрациями, как способ отдыха, например, для ознакомления с культурными традициями или исконно русскими феноменами. Чтение подобных словарных статей дает возможность увидеть быт, основные культурные ценности нашей страны, для иностранного читателя появляется возможность узнать, пусть и поверхностно, что-то об обычаях и различных народах России – в этом состоит интегративная функция. Следует отметить, что основные функции иллюстрированных словарных статей всегда проявляются одновременно и реализуются за счет лингвистических и графических средств воздействия.

Таким образом, включение в вербальную структуру текста компонентов иных знаковых систем не усложняет его восприятие, а наоборот, способствует более быстрому восприятию информации, в некоторых случаях упрощает понимание текстов, обогащает возможности для их интерпретаций.

Функционируя в едином семантическом пространстве, взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический компоненты словарной статьи обеспечивают целостность и связность креолизованного текста, его прагматический эффект.

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.
2. Ахманова О.С., Задорнова В.Я. Лингвистические проблемы перевода. М., 2001. 80 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста. Учебное пособие. М: Логос. 2003. 173 с.
4. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современное написание. М: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. 348 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. СПб.: М.О. Вольфа, 1903. 2922 с.
6. Корда О.А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 20 с.
7. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция// Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. 240 с.

ТЕРМИНОСИСТЕМА КАК ОСОБЫЙ МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ

Бобровенко А.В.

студент специальности «Перевод и переводоведение»,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В данной статье описывается терминосистема в качестве особого метаязыка описания и ее структура, основными составляющими которой являются термины. В статье также представлены классификация терминов с точки зрения контекста их употребления и структуры и разграничение терминологической лексики на термины и терминоиды. Более того, в статье указано то, что структура терминосистемы отличается от структуры разговорного языка, на основе чего можно прийти к выводу, что терминосистема представляет собой особый метаязык описания, имеющий свои собственные отличительные черты.

Ключевые слова: терминосистема, метаязык, термин, терминоид, терминологическое сочетание.

Современный мир, как мы знаем, характеризуется бурным развитием технологий и науки. В связи с этим, политические тексты, медицинские тексты, научные тексты, экономические тексты и технические тексты являются одними из самых востребованных в мире. Данные тексты направлены на то, чтобы дать человеку определенные представления о различных аспектах в современном мире. Именно по этой причине важным представляется изучение различных языковых средств, способных повысить коммуникативную ценность текстов данных типов и как можно более подробно передать необходимую информацию потребителю. Одними из таких языковых средств являются термины, которые в данный момент присутствуют не только в специализированной литературе, но и в нашей обычной жизни.

Существует множество определений терминов, но наиболее подробным из них является следующее определение: «термин – это слово или словосочетание определенного естественного языка; содержанием термина является научное, техническое или другое специальное понятие» [5, с. 131]. В современном мире существует множество терминов, в свою очередь образующих терминосистемы, под которыми, вслед за Л.А. Манерко, мы понимаем сознательно конструируемые совокупности терминов, выявленные посредством категоризированной и концептуализированной информации на основе логико-понятийных, когнитивно-языковых, дискурсивных и собственно терминологических требований. [6, с. 95].

Как нам известно, каждая терминосистема служит для более детального выражения идей профессионально-научного знания в определенной научной или других отраслях. В связи с тем, что, не имея представления о специальной терминологии, мы не можем описать конкретные процессы и явления, происходящие в конкретной области знания, нам следует рассматривать терминосистему как особый метаязык описания. Необходимо помнить и о том, что метаязык – это язык, который служит для описания способов функционирования другого языка. «Структура метаязыка, как правило, определяется знанием значений слов, которые лежат в основе ясности и доступности языка, синтаксические конструкции и звучание носят для него в этом ряду второстепенный характер» [2, с. 9].

Учитывая тот факт, что основным элементом терминосистемы является термин, нам необходимо описать общие особенности терминов. Прежде всего, термины могут быть как однозначными, так и многозначными, однако в конкретных контекстах они обладают определенным значением. Одной из важнейших задач терминоведов является классификация терминов в соответствии с их лингвистическими и структурными особенностями, учитывая которые мы можем выделить такие лексические единицы, как номенклатура, профессионализмы, профессиональный жаргон и термины.

Таким образом, мы можем классифицировать терминологическую лексику на термины и терминоиды, под которыми мы, вслед за Л.М. Алексеевой, понимаем "группу лексических единиц, состоящую из номенклатуры, профессионализмов, профессионального жаргона" [1, с. 15]. Термины отличаются от терминоидов особенностями передачи информации. По числу компонентов выделяются термины-слова, реже именуемые моноксемными, к которым могут быть отнесены и сложные термины, образованные сложением основ и имеющие слитное или дефисное написание, и терминологические сочетания, относящиеся к многокомпонентным терминам [3, с. 224].

При описании терминов не менее важным является вопрос о связи терминов с общенародным языком. Некоторые исследователи склонны считать, что термины являются независимыми лексическими единицами, которые функционируют в конкретной области знаний, однако другие считают, что термины "связаны с общенародным языком, но существует идеальное представление о семантике языкового выражения, презентуемое понятием

„Deutlichkeit“, применительно к практическому функционированию языка, и делает различия между обиходно-разговорным языком и языком научного изложения" [2, с. 15].

С.В. Гринев указывает на то, что разница между словом и термином обусловлена тем, что они отражают явления разных уровней мыслительной деятельности – научное мышление и бытовое оперирование представлениями [4, с. 28]. Терминоведы сходятся во мнении, что главным отличием термина от слова является системность термина или «свойство создавать систему авторских понятий» [1, с. 26]. Но «терминологическую и общеупотребительную лексику невозможно чётко разграничить, так как они обладают «размытыми» границами» [1, с. 28]. Несмотря на это, чаще всего терминология рассматривается в рамках системы, к которой она относится. Из этого следует, что терминологию необходимо рассматривать как неотъемлемую часть языка науки. Данную идею подтверждает ясно и тот факт, что «идеал ясности языковых единиц находит свое отражение в принципах создания научной терминологии, в частности, во введении новых терминологических единиц с точно описанными семантическими параметрами, зафиксированными в научных дефинициях» [2, с. 14].

Согласно классификации С.В. Тюленева термины в зависимости от контекста употребления можно разделить на следующие категории [7, с. 204]:

- термины, функционирующие в одной термосистеме (*submarine, air pressure, main ballast tanks, auxiliary tanks*);
- термины, принадлежащие к одной системе, но имеющие разные значения (*lever, boat, arrangement, gear*);
- термины, относящиеся к одной сфере употребления, но отличающиеся друг от друга оттенками значения, которые зависят от контекста (например, слово «*hull*» может переводиться как «*корпус, поплавок, оболочка или корабль без экипажа*»);
- термины синонимы (т.е. термины, которые обладают с одинаковым значением, в связи с чем их часто следует переводить, одним словом. Например, *operation – работа, function – работа, performance – работа*.

По структуре выделяют термины моноксемные и полилексемные. Моноксемные термины подразделяются на простые, аффиксальные и сложные [3, с. 224], например:

- простые термины: *device – устройство, circuit – цепь*;
- аффиксальные термины: *producer – производитель, spooler – спулер*;
- сложные термины: *durability – длительность, flexibility – гибкость*.

«Терминологическое сочетание – это совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области» [1, с. 43]. Такие сочетания относятся к полилексемным терминам.

Исходя из вышеперечисленных фактов, мы можем утверждать, что терминосистема является особым метаязыком, которые применяется для того, чтобы объяснить и охарактеризовать те процессы и явления, которые связаны с конкретными областями знания. Мы также выяснили, что, как и лю-

бой метаязык, терминосистема обладает своими собственными особенностями, которые не могут быть характерными для всех типов метаязыков. Более того, опираясь на классификацию С. В. Тюленева и В. С. Виноградова, мы можем отметить, что элементы терминосистемы как особого метаязыка так же отличаются друг от друга с точки зрения структуры и контекста их употребления. Мы также пришли к выводу, что элементы терминосистемы отличаются от элементов общенародного языка в связи с тем, что их следует рассматривать строго с точки зрения сферы употребления, к которой они относятся. Таким образом, мы определили, что терминосистема является отдельным метаязыком описания со своими индивидуальными особенностями.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразование. – Пермь, 1998. – 120 с.
2. Аликаев Р. С., Бредихин С. Н. Теория и прагматика языка в немецком раннем просвещении // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1. – Владикавказ: 2016. – С. 7-16.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Гринев С. В. Введение в терминоведение. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.
5. Извольская И. В. О принципах формирования терминосистемы «Социология управления» // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Гл. ред. С.Г. Тер-Минасова. М., 2004. Вып. №4. С. 131-137.
6. Манерко Л. А. Понятие «терминосистема» в современном терминоведении // Современные тенденции в лексикологии, терминологии и теории LSP (сборник научных трудов). М.: Изд-во МГОУ, 2009. С. 207-220, 119-120.
7. Тюленев С.В. Теория перевода. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.

ДОСТИЖЕНИЕ АДЕКВАТНОГО ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА ПРИ ТРАНСЛЯЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Бредихина Ю.И.

ведущий специалист отдела социальной помощи и поддержки населения, Комитет труда и социальной защиты населения администрации г. Ставрополя, Россия, г. Ставрополь

В настоящей статье рассматриваются основные способы трансляции вербализаторов когнитивной информации в текстах по социальной работе с населением. Постулируется примарность осуществления прагматической адаптации текста к условиям принимающей лингвокультуры в рамках достижения адекватного перлокутивного эффекта. Описываются основные переводческие трансформации маркеров когнитивной информации в англо-русском специальном переводе.

Ключевые слова: переводческие трансформации, специальный текст, прагматическая адаптация, адекватность, эквивалентность.

В настоящее время является неоспоримым факт различного оформления когнитивной информации в различных языковых системах в рамках придания высказыванию большего или меньшего по нагруженности прагматиче-

ского эффекта. В подобных условиях ключевую роль при осуществлении профессионального взаимодействия специалистов в социальном секторе из разных стран играет предельная точность в передаче когнитивной информации при достижении адекватного перлокутивного эффекта в различных лингвокультурах. Так как трансформации относятся к двум областям: к теории перевода и стилистике, то принадлежность оригинала и перевода к определенному функциональному стилю предъявляет к переводчику особые требования, определяет типы трансформаций, которые чаще всего используются при переводе того или иного функционального стиля или литературного жанра. Чтобы перевод был признан адекватным, в нем должны быть правильно и точно вербализована не только лексическая семантика, морфосинтаксические отношения, но и предельно адекватно репрезентирована форма и коммуникативная интенция высказывания исходного оригинального текста – когнитивная информация, выраженная в оригинале.

На сегодняшний день наиболее актуальной в частной теории перевода проблемой является выявление эффективных способов передачи когнитивной информации, вербализуемой различными лексическими единицами (реалиями, специфическими для конкретной лингвокультуры, в которой функционирует языковая система оригинала и перевода; терминами, новообразованиями и эндемичными авторскими окказионализмами, обслуживающими ту или иную отрасль знания или же присущих тому или иному продуценту), средствами языка перевода. Все процессы, происходящие в обществе, культуре и мышлении находят отражение в языке, и, если данные процессы и феномены являются самобытными и обусловленными принадлежностью к той или иной лингвокультуре, то средства, ее эксплицирующие, не менее уникальны и подчас экзотичны. Переводческий процесс не является механической передачей закрепленных словарных значений лексем одного языка в другом, а перенесением особенностей образа мысли этой лингвокультуры языка в ситуацию другой (сохранение особенностей стиля, языка и взаимоотношений в ситуациях семиозиса). Большинство лексем в том или ином языке реализуют в речи, прежде всего, коннотативное значение, которое лежит вне рамок словарной статьи и органично включает в процесс коммуникации аллюзии и ассоциативные ряды, которые возникают только у представителя данного языкового сообщества, «интерпретативная творческая деятельность ярко проявляется в выборе адекватной лексики для вербализации <...> прагматического замысла» [2, с. 574]. При компаративном анализе выявляются как сходные, так и различающиеся элементы построения высказывания. При переводе лексических единиц, маркирующих и вербализующих когнитивную информацию в текстах предметной области «социальная работа» принципиально возможны два варианта: 1) передача соответствующего контекстуального значения при помощи сопоставимых в семантическом отношении единиц языка принимающей лингвокультуры, или 2) сохранение в целевом тексте принятой в языке оригинала номинации того или иного феномена. Выбор того или иного способа зависит от целого ряда как интра-, так

и экстралингвистических факторов и всегда сопряжен с некоторыми информационными потерями. При избрании первого варианта, безусловно, понятного для реципиента целевого текста, базисом будут служить отличные от исходных знания об объективной реальности, что может вызвать неадекватный иллюзии оригинала перлокутивный эффект. Перевод, основанный на втором подходе, может быть малопонятным и требовать внутритекстовых переводческих комментариев.

Основными приемами перевода лексических единиц, несущих когнитивную информацию в тексте, являются поясняющий перевод, переводческая транскрипция/транслитерация и переводческое калькирование.

Например: *Social Security payouts are increased along with inflation (the "Cost-of-Living Allowance")*. – *Выплаты Социального обеспечения увеличиваются наряду с инфляцией ("Надбавка к заработной плате в связи с ростом прожиточного минимума")*.

Субстантивную группу *the Cost-of-Living Allowance* более эффективно перевести не покомпонентно «пособие по стоимости жизни», а «Надбавка к заработной плате в связи с ростом прожиточного минимума», используя в этом случае поясняющий перевод для введения более точной информации для реципиента данного текста, кроме того представителю русскоязычной лингвокультуры будет понятен термин «прожиточный минимум».

Транскрипции/транслитерации подвергаются практически все имена собственные, сюда входят имена людей, названия народов, географические названия, периодических изданий, национально-культурных реалий и т.д.: «*Jennifer Hirsch*» – «*Дженнифер Гирш*», т.к. имя немецкого происхождения, соответственно транслитерируем согласно русскоязычной традиции, т.е. «Н» – как «Г», а сочетание графем «sch» – как «ш», используя транскрипцию как трансформацию. Тем же самым приемом в прецедентных русскоязычных текстах переведены антропонимы «*Deng Xiaoping*» – «*Дэн Сяопин*» и «*Jian Zemin*» – «*Дзянь Дземинь*».

Калькирование применяется при переводе составляющих элементов слова или словосочетания, при последующем их объединении в единое целое: *One single hospital staffed by Médecins Sans Frontières-Suisse (Doctors Without Borders) reports treating over 16,000 victims since 2000*. – *Существует лишь одна единственная больница, укомплектованная специалистами Швейцарского отделения организации MSF (Врачи без Границ), которая, начиная с 2000 года, приняла более чем 16 000 пострадавших*.

В данном случае мы некоторым образом скопировали структуру и состав исходной оригинальной лексической единицы «Doctors Without Borders» – «Врачи без Границ», тем самым придя к устоявшемуся в русскоязычной культуре эквивалентному соответствию.

К лексическим трансформациям также относится группа лексико-семантических замен. К наиболее эффективным приемам в рамках этой группы можно отнести конкретизацию, генерализацию и модуляцию, «при трансляции в принимающий язык такие лексемы претерпевают трансформа-

ции значения, изменяя предметно-понятийную отнесенность, расширяя или сужая смысловой объем» [1, с. 151].

Способ смысловой конкретизации заключается в избрании в принимающем языке лексемы с более узким конкретным значением: *Left in refugee camps, forgotten, they all wait for an international response that, for now, is unlikely.* – Оставленные в лагерях беженцев, забытые, все они ждут реакции международного сообщества, что, на данный момент **представляется** маловероятным.

Глагол-связка *to be* часто подвергается при переводе такой трансформации как конкретизации, и данный случай не исключение, здесь мы видим перевод этого глагола как «представляется».

Также мы можем рассмотреть применение данного метода в случае с глаголом *to be hit*, который нивелируя генерализованное значение, трансформируется в «быть подверженным»: *The poor are hit hardest, the rich and politically connected are benefited at the poor's expense.* – Бедные **подвержены** этому больше всех; богатые и люди связанные с политикой являются бенефициарами благодаря расходам бедняков.

Обратным приемом является генерализация значения, которая предполагает замену лексемы исходного языка с конкретным значением на единицу переводящего языка с более широким значением.

Что можно наблюдать в рамках трансформации *enforcers of corrupt CCP policy* в языке перевода как «коррупция», с применением замены частного понятия на общее: *After cradling these enforcers of corrupt CCP policy with social and economic incentives for so long, the government would have tremendous difficulties enforcing universal rules upon them while still expecting loyal service in return.* – После того, как **коррупция** начала внедряться в социальную и экономическую сферы, у правительства появились огромные проблемы по введению универсальных правил, которые все еще ожидалось лояльными служащими.

Прием модуляции или смыслового развития представляет собой замену лексемы или конструкции исходного языка на единицу переводящего, значение которой возможно логически вывести из значения исходной единицы, происходит «расщепление» текстовой единицы в «не только по объективным причинам различия языковых систем и способов репрезентации, но и по причине наличия констант субъективности, интенциональности, ситуативности и фоновых знаний» [2, с. 574].

В следующем высказывании наблюдается трансформация предикативной конструкции *has been overlooked* в «недооценили»: *Why has the DRC been largely overlooked?* – Почему ДРК, во многом **недооценили**?

Тот же самый прием модуляции при переводе английского *healthy* как «процветающий» описывает одно и то же событие разными по значению лексемами, сохраняя смысловую наполненность и реализуя адекватный прагматический эффект: *A country with a healthy economy will produce more than it consumes; the surplus is then invested in future production.* – Страна с **процве-**

тающей экономикой производит больше, чем она потребляет; излишек в свою очередь инвестируют в будущее производство.

Прагматическая адаптация в рамках реализации коммуникативной интенции и трансляции когнитивной информации является тем принципом, который обуславливает появление эквивалентного по перлокутивному эффекту оригинала текста перевода. Прагматическая эквивалентность включает в себя коммуникативный эффект, фокус реципиента. Описанные нами наиболее эффективные переводческие трансформации являются основой для раскрытия неизвестных иноязычному реципиенту прагматических пресуппозиций и импликаций, но они приводят к появлению эквивалентного перевода лишь в случае их прагматической мотивированности [3, с. 389].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что качество целевого текста может быть определено адекватностью его перлокутивного эффекта. Реализация адекватного перлокутивного эффекта означает как исчерпывающую точность в трансляции смыслового содержания оригинала, когнитивной информации, заключенной в подлиннике, так и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему. Адекватность трансляции отдельных элементов речевого акта, высказываний может рассматриваться в терминах достижения наибольшей степени адекватности перевода в целом. Для выполнения полноценного перевода необходимо было преодолеть ряд трудностей, связанных, прежде всего, с вопросом применения правильной трансформации.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Интерпретативные возможности смыслопостроения при переводе (на примере окказиональных стяжений) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 151-156.
2. Бредихин С.Н., Аветисов Р.М. Индивидуально-интерпретационная деятельность в процессе вторичного опредмечивания языковой игры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 574. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15021> (дата обращения: 14.03.2017).
3. Stalnaker R.S. Pragmatics // Semantics of natural language. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1972. PP. 380-397.

НАРОД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Веденяпина Э.А.

канд. филол. наук, Россия, г. Москва

Статья посвящена проблеме изображения крестьянства в русской литературе XIX века.

Ключевые слова: народ, слуги, крестьяне, труд, хозяйство.

Народ в русской классической литературе занимает отнюдь не главное место. Оно, как правило, принадлежит герою – мыслящей, мятущейся личности: это Чацкий Грибоедова, Евгений Онегин Пушкина, Печорин Лермонтова, Рудин и Базаров Тургенева, Болконский и Безухов Льва Толстого, герои

Достоевского, и даже Обломов Гончарова не просто лежит на диване, а хочет видеть смысл жизни, деятельности и искусства. На втором месте – образ женщины, спутницы мужчины. Народ в первой половине XIX века – это домашние слуги, дворовые, в сущности, члены семьи, хотя и без права голоса, люди, полностью преданные господам.

Трудовое крестьянство не нашло своего отражения в русской литературе первой половины XIX века. Даже в драме Пушкина «Борис Годунов» заявленный «народ» не что иное, как толпа, людские массы. Сельская община подразумевалась на уровне какого-то роевого существования, фактически как часть природы. Н.В. Гоголь в «Мертвых душах» создал лаконичный и емкий образ русского крестьянина: ««Русский человек способен ко всему и привыкает ко всякому климату. Пошли его хоть в Камчатку, да дай только теплые рукавицы, он похлопает руками, топор в руки и пошел рубить себе новую избу». В обычной жизни крестьяне (там же) описаны Гоголем то ли с юмором, то ли с сарказмом. Вспомним слугу Чичикова Петрушку, который в процессе чтения только составляет слова из букв. Кучер Чичикова Селифан обычно пьян, он любит произносить речи, обращенные к лошадям. Его отношение к барскому наказанию: можно и посечь, если за дело, отчего не посечь. Бестолковые дядя Митяй и дядя Миняй не могут развести лошадей, запутавшихся в постромках. Девчонка Пелагея не знает, где право, где лево. Хорошо отзыв в поэме получают только умершие крестьяне: помещик Собакевич дает им превосходные характеристики, каких не удостоен ни один из живых.

Яркие образы крестьян в творчестве Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова – это дворовые, слуги. Самый яркий такой образ – это слуга Ильи Обломова Захар, без которого барин и шагу ступить не может. Захар – «пожилой человек в сером сюртуке, с прорехою подмышкой, откуда торчал клочок рубашки... с голым, как колено, черепом и с необъятно широкими и густыми бакенбардами, из которых каждой стало бы на три бороды. Захар не старался изменить не только данного ему Богом образа, но и своего костюма, в котором ходил в деревне... ливрея в воспоминаниях его была единственною представительницею достоинства дома Обломовых». «Только поседевшие слуги дома хранили и передавали друг другу верную память о минувшем, дорожа ею как святынею». Без Захара не может Обломов, молодой образованный дворянин, ни умыться, ни одеться, ни даже найти носовой платок. Так тесно сочетались барство и рабство.

Замечателен образ Савельича в романе Пушкина «Капитанская дочка», всей душой преданного своему воспитаннику молодому офицеру Петру Гриневу. Таковы же Тихон, слуга старого князя Болконского в «Войне и мире» Льва Толстого, слуга Печорина, еще более надменный, чем его барин, в «Герое нашего времени» Лермонтова, Прокофьич, слуга Кирсановых в романе Тургенева «Отцы и дети». Самый яркий женский образ – Лиза в комедии Грибоедова «Горе от ума». Она, в сущности, подруга Софьи, а не просто ее служанка. Лиза устраивает свидания молодой барышни с Молчалиным, выгораживает ее перед отцом и даже дает Софье советы и наставления.

В 40-е годы XIX века появляются рассказы Тургенева о крестьянах – «Записки охотника». Интерес к мужику здесь – из области этнографии. В то время русские писатели начали искать новые темы для очерков и рассказов среди обитателей чердаков и подвалов, в трущобах столицы, создавая так называемые физиологические очерки. Традиционно рассказы Тургенева трактуют как проявление его любви к народу, но писатель был далек от восторгов, значительно приукрашивая своих героев. Например, вспоминая о певцах в кабаке, которых он так трогательно описал в одноименном рассказе, он вздыхал: как скверно они пели. И в любимом всеми рассказе об утопленной собачке он изобразил Герасима протестующим, тогда как в жизни немой дворник не сбежал в деревню в знак протеста, а покорно вернулся в свой двор к барыне. Позже М. Горький описал босяков с такой же – экзотической – позиции.

Совсем иные крестьяне в произведениях И.С. Тургенева и Льва Толстого накануне и после отмены крепостного права. Теперь это сельские работники. Отныне они противостоят помещику как работодателю. Между ними идет борьба. Помещик Николай Петрович Кирсанов, владелец двух тысяч десятин земли, герой романа Тургенева «Отцы и дети», действие которого разворачивается накануне отмены крепостного права, говорит сыну: «Хлопоты у меня большие с мужиками в нынешнем году. Не платят оброка... Ну, и настоящего старания все еще нет. Сбрую портят. Пахали, впрочем, ничего. Перемелется – мука будет».

Николай Петрович говорит, что он всё делает, чтобы не отстать от века: «крестьян устроил, ферму завел, так что даже меня по всей губернии красным величают, читаю, учусь, вообще стараюсь стать в уровень с современными требованиями». Он размежевался с крестьянами, но... «Недавно заведенное на новый лад хозяйство скрипело, как намазанное колесо, трещало, как доделанная мебель из сырого дерева». Приехавший в гости Базаров говорит: «Видел я все заведения... Скот плохой, и лошади разбитые. Строения тоже подгуляли, и работники смотрят отъявленными ленивцами, а управляющий либо дурак, либо плут... Добрые мужички надуют твоего отца непременно. Знаешь поговорку: «Русский мужик Бога слопаёт».

В целом же Тургенев видел полную покорность народа своему царю. Он писал в письме: «...нет на свете правительства, которому было бы легче руководить своей страной. Прикажут – на стену полезем, скомандуют: отставь! – мы с полстены опять долой на землю».

В романе «Анна Каренина» Л. Толстого крестьянский вопрос поставлен остро. Свияжский, предводитель дворянства в своем уезде, человек «несомненно, не только очень умный и образованный, но очень образованный и необыкновенно просто носящий свое образование», «считал русского мужика стоящим по развитию на переходной ступени от обезьяны к человеку». Но в то же время «на земских выборах охотнее всего пожимал руку мужикам и выслушивал их мнения».

Гость Свяжского, старый помещик, рассказывает о крестьянах: «Рабочие не хотят работать хорошо и работать хорошими орудиями. Рабочий наш только одно знает – напиться, как свинья, пьяный и испортит все, что вы ему дадите. Лошадей опойт, сбрую хорошую оборвет, колесо шинованное сменит, пропьет, в молотилку шкворень пустить, чтобы ее сломать. Ему тошно видеть всё, что не по его. От этого и спустился весь уровень хозяйства. Земли заброшены, заросли полынями или розданы мужикам, и где производили миллион, производят сотни тысяч четвертей, общее богатство уменьшилось... русский мужик есть свинья и любит свинство, и чтобы вывести его из свинства, нужна власть, а ее нет, нужна палка, а мы стали так либеральны, что заменили тысячелетнюю палку какими-то адвокатами и заключениями, при которых негодных вонючих мужиков кормят хорошим супом и высчитывают им кубические футы воздуха». Его поддерживает Левин: «Я на что ни затрачивал деньги в хозяйстве, всё с убытком: скотина – убыток, машина – убыток». «И я не один, – продолжал Левин, – я сошлюсь на всех хозяев, ведущих рационально дело, все, за редким исключением, ведут дело в убыток». Позиция Левина в том, что «мы не хотим знать свойств, привычек нашего рабочего». Свяжский сам ведет свое хозяйство с убытком. Он считает крестьянскую общину с ее круговой порукой первобытной, остатком варварства. Он доволен, что она сама собой распадается после отмены крепостного права. «Остается только свободный труд». Но как его организовать, не знает никто. «Трудность состояла в непобедимом недоверии крестьян к тому, чтобы цель помещика могла состоять в чем-нибудь другом, кроме желания обобрать их сколько можно. Они были твердо уверены, что настоящая цель его (что бы он ни сказал им) будет всегда в том, чего он не скажет им. И сами они, высказываясь, говорили многое, но никогда не говорили того, в чем состояла их настоящая цель. Кроме того, крестьяне первым и неизменным условием какого бы то ни было соглашения ставили то, чтобы они не были принуждаемы к каким бы то ни было новым приемам хозяйства и к употреблению новых орудий».

Левин видел, что «хозяйство, которое он вел, была только упорная и жестокая борьба между им и работниками, в которой на одной стороне, на его стороне, было постоянное напряженное стремление переделать все на считаемый лучшим образец, на другой же стороне – естественный порядок вещей. И в этой борьбе он видел, что при величайшем напряжении сил с его стороны и безо всякого усилия и даже намерения с другой достигалось только то, что хозяйство шло ни в чью и совершенно портились прекрасные орудия, прекрасная скотина и земля». «Он стоял за каждый свой грош (и не мог не стоять, потому что стоило ему ослабить энергию, и ему бы не достало денег расплачиваться с рабочими), а они только стояли за то, чтобы работать спокойно и приятно, то есть так, как они привыкли. В его интересах было то, чтобы каждый работник сработал как можно больше, притом чтобы не забывался, чтобы старался не сломать веялки, конных граблей, молотилки, чтобы

он обдумывал то, что он делает, работнику же хотелось работать как можно приятнее, с отдыхом, и главное – беззаботно и забывшись, не размышляя».

Левин «видел, что Россия имеет прекрасные земли, прекрасных рабочих и что в некоторых случаях... рабочие и земля производят много, в большинстве же случаев, когда по-европейски прикладывается капитал, производят мало, и что происходит это только оттого, что рабочие хотят работать и работают хорошо одним им свойственным образом, и что это противодействие не случайное, а постоянное, имеющее основание в духе народа. Он думал, что русский народ, имеющий призвание заселять и обрабатывать огромные незанятые пространства, сознательно, до тех пор, пока все земли не заняты, держался нужных для этого приемов, и что эти приемы совсем не так дурны, как это обыкновенно думают». «Надо только идти к своей цели, и я добьюсь своего, – думал Левин, – а работать и трудиться есть из чего. Это дело не мое личное, а тут вопрос об общем благе. Всё хозяйство, главное – положение всего народа совершенно должно измениться. Вместо бедности – общее богатство, довольство, вместо вражды – согласие и связь интересов. Одним словом, революция бескровная, но величайшая революция, сначала в маленьком кругу нашего уезда, потом губернии, России, всего мира. Потому что мысль справедливая не может не быть плодотворной».

Л. Толстой указал на коренные противоречия между мужиком и баринном в эпизоде бунта крестьян в Богучарове, когда они решили сдать свою хозяйку княжну Марью приближавшейся французской армии ради улучшения своего положения. В этом же романе он описал подводные течения в жизни крестьян, когда они вдруг начинали переселяться на новые земли... Все это написано в «Войне и мире» в 60-е годы XIX века, когда уже шел процесс освобождения крестьян и размежевания земель, то есть процесс отторжения большей части народа от векового его состояния.

М.Е. Салтыков-Щедрин видит в народе невежество, апатию, суеверия и темноту. Писателя возмущает холопство народа и его неспособность к активному протесту. В «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» описывается жизнь этих трех мужчин на необитаемом острове, где на деревьях растут разные плоды, в лесу – зайцы, тетерева и рябчики, в реке – рыба, но все это надо поймать и приготовить. Генералы впервые видят, как эта пища летает, бегаёт и плавает! И только мужик смог накормить господ, а себе в награду взял яблоко маленькое и кислое. Сатирик возмущен не только неприспособленностью генералов, но и скромностью мужика.

В сказке «Коняга» символически изображен слишком терпеливый народ-труженик, вокруг которого увиваются «пустоплясы», то восхваляющие народ за покорность, то критикующие его за это, но успевающие при этом урвать свой кусок.

Щедрин считал, что идеализировать народ – значит вредить ему. «Система убаюкивания» вредна. Она мешает народу правильно взглянуть на самого себя и отдаляет на неопределенное время эпоху пробуждения в нем сознания, которое сделало бы для него самого настоятельною и не насиль-

ственной потребностью те качества, которыми мы заблаговременно и так легкомысленно его наделяем». Образ народа создан им в «Истории одного города». В этом образе Щедрина запечатлел, как он считал, отрицательные качества народа. Что же самого отрицательного здесь? Терпение. То самое терпение, которым в Евангелии предлагается спасти душу. Глуповцы говорят: «Мы люди привышные! Мы претерпеть можем. Ежели нас теперича всех в кучу сложить и с четырех концов запалить – мы и тогда противного слова не молвим». Это терпение и стало мишенью сатирика. В терпении он видит даже не глупость, а просто безумие. В ответ на критику он заявил: «Недоумение относительно глумления над народом, как кажется, происходит от того, что рецензент мой не отличает народа исторического, то есть действующего на поприще истории, от народа как воплотителя идеи демократизма. Первый оценивается и приобретает сочувствие по мере дел своих. Если он производит Бородавковых и Угрюм-Бурчеевых, то о сочувствии не может быть речи, если он выказывает стремление выйти из состояния бессознательности, тогда сочувствие к нему является вполне законным, но мера этого сочувствия все-таки обуславливается мерою усилий, делаемых народом на пути к сознательности». Считается, что в «Истории одного города» речь идет о народе «историческом».

Революционеры-демократы рассчитывали на народное восстание в 1859-1861 годах, но его не произошло, по мнению Щедрина, – из-за политической неразвитости масс: «вокруг нас кишит ликующая бессознательность». Он писал: «Главная и самая существенная причина бедности нашей народной массы заключается, по нашему мнению, в недостатке сознания этой бедности».

Н.Г.Чернышевский, писатель-революционер, так охарактеризовал терпеливый русский народ: «Жалкая нация, жалкая нация! – Нация рабов, – снизу доверху, все сплошь рабы». «Народники»-революционеры специально шли в крестьянские общины с пропагандой бунта. Их не принимали и сдавали полиции. Так родилась поговорка: он пошел в народ, но народ не признал его.

Н.А. Некрасов задался целью узнать, счастлив ли народ после отмены крепостного права в 1861 году. «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» – такова главная мысль поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Один из странников описан подробнее других: «Лука – мужик присадистый, С широкой бородищею, Упряма, речист и глуп». Названия деревень характеризуют, по Некрасову, пореформенную Русь: Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино, Горелово, Неелово, Неурожайка. Названия явно сатирические, обличительные. Уже по этим названиям понятно, что нет и не может быть счастливых в народной среде. Нет таких и в иной среде. Мужик увидели, что «счастье мужицкое дырявое – с заплатами, корявое – с мозолями». Одна из глав называется «Пьяная ночь». Поэт оправдывает народ: «Он до смерти работает, до полусмерти пьет». В портрете крестьянина Якима Нагого использованы сравнения, взятые из обихода пахаря:

И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука – кора древесная,
А волосы – песок.

Выразительная характеристика. Кажется, этот человек – лишь явление природы. Но именно в его уста вложены мятежные слова:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин.

Эти слова стали манифестом классовой розни. Бунтарь Савелий, закопавший живым в землю управляющего немца Фогеля, объявлен Некрасовым богатырем святорусским. Прославлен в поэме бунт крестьян деревни Столбняки: восставшие не выдали зачинщиков. Обличает Некрасов добровольное рабство крестьян. Отсюда такая противоречивая характеристика Руси:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

Бессильная – на бунт, на противоправные действия. «А потому терпели мы, что мы богатыри» – заявляет о себе Савелий. Так смешались понятия: богатырское терпение и – преступление. Это терпение раздражает революционеров и примкнувшего к ним Некрасова. «Мужчинам три дороженьки:// Кабак, острог да каторга», – заявляет Савелий о жизни русского крестьянина. В итоге Григорий Добросклонов произносит революционную проповедь.

В рассказах Чехова нет обобщенного образа народа. Он всматривается в народные лица и видит убогих, невежественных, грубых людей. Они крещены, в их жилищах присутствуют иконы, но это ничего не определяет в их существовании. В рассказе «Спать хочется» девочка-нянька задушила хозяйского ребенка, чтобы уснуть, а в углу теплилась лампада перед иконой. В самом поэтичном произведении Чехова «Степь» кучер Дениска жует так, что лошади оглядываются на него. Чернобородый подводчик так смеялся, что «в его голосе и смехе чувствовалась непроходимая глупость». «Дымов озорник, все убьет, что под руку попадется», у него «шаловой и насмешливый взгляд». Даже глаза Васи, обладавшего очень острым зрением, – это «мутные, серые глазки». Когда Вася ест живую рыбку, то становится «похожим на животное». Что уж говорить о героях рассказов «Унтер Пришибеев», где тупой унтер в отставке наводит свой порядок на улице, «Злоумышленник», где крестьянин для рыбной ловли отвинчивает гайки с рельсов на железной дороге, «Ванька», где мальчик адресует письмо «на деревню дедушке», и многих других. Прочитав рассказы Чехова, нельзя понять, где он – великий русский

народ. Напрашивается вывод, что к концу XIX века он растворился в неблагоприятных физиономиях и неприятных характерах.

Вследствие реформы 1861 г. крестьянство распалось. Оно разделилось на тех сельских тружеников, которые способны были стать сельским буржуа и которых потом называли кулаками, и тех, кто-либо стал сельским пролетарием (беднотой), либо покинул общину для заработка вне ее, в городе. Они перестали быть единым народом, как в свое время дворянство отделилось от крестьянства. В город хлынули не крестьяне, а люди из народа. Они вышли из народа в прямом и переносном смысле, и в их лица вглядывается Чехов. Что он увидел, о том читаем в его рассказах.

Чеховым не написан роман. После 1881 года, когда завершилась реформа и крестьянская община распалась окончательно, наблюдается кризис русского романа. Крупное художественное произведение требует сюжета, разворачивающегося во времени, и конфликта, имеющего общественное значение. Освобождение крестьян привело к буржуазной революции, вдруг обернувшейся пролетарской, к слому всей жизни России, как общественной, так и частной, то есть к тому, чего не мог ни предвидеть, ни описать ни Чехов и никто иной. Но он гениально описал «щепки» от великого предстоящего лесоповала.

Список литературы

1. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века. М., 2005.
2. Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М.: Просвещение, 1982.
3. Линков В.Я. История русской литературы (вторая половина XIX века). М., 2010.
4. Пустовойт П.Г. И.С.Тургенев – художник слова. М.: МГУ, 1980.

НАРОД В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

Веденяпина Э.А.

канд. филол. наук, Россия, г. Москва

Статья посвящена проблеме изображения народа, в частности крестьян, в произведениях А.С. Пушкина разных жанров.

Ключевые слова: народ, крестьяне, дворовые, толпа, слуга, природа.

Слово «народ» в произведениях А.С. Пушкина многозначно. Оно не имеет преимущественного обозначения крестьянства. «Словарь языка Пушкина» дает такие толкования слова «народ»: народность, нация, население, жители какой-н. страны, подданные какого-н. государства, основная масса трудового населения (в основном крестьянство и мещанство), люди, группа людей, толпа. Как видим, крестьянство здесь отнюдь не на первом месте. Вообще жизнь трудового крестьянства не нашла своего отражения в русской литературе первой половины XIX века. Крестьяне здесь явлены как дворовые, домашние слуги, в сущности, члены семьи. Таков, например, Савельич в

«Капитанской дочке» Пушкина. Офицер Гринев в глазах Савельича, идеального дядьки, остается ребенком. О нем тот говорит Пугачеву, еще бродяге: «Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать простоты его ради». Простотой тогда называли глупость. В ответ на грозное письмо отца Гринева после его дуэли со Швабриным Савельич пишет: «Милостивое послание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де мне не исполнять господских приказаний, – а я, не старый пес, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно всегда вам служил и дожил до седых волос. А изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски. Верный ваш холоп Архип Савельев». Ответ характерный: в нем и чувство собственного достоинства, и полная преданность воле господина. Свою верность он доказал тем, что во время казни офицеров гарнизона предложил Пугачеву повесить себя вместо Гринева, которого уже волокли к виселице. И его выходка возымела действие: Пугачев узнал в нем слугу господина, подарившего ему когда-то заячий тулуп на постоялом дворе, и не только не казнил тут же Савельича, но и сохранил жизнь Гриневу.

Пушкин мог познать такой характер вполне: у него самого был дядька Никита Козлов, который на руках внес домой своего барина после дуэли с Дантесом и потом ехал хоронить его в Псковскую губернию, обняв гроб, несмотря на мороз и ветер. Такой дядька был почти у каждого дворянина. Был такой у поэта Тютчева, у композитора Чайковского, как и у многих других. Преданность крепостных своему барину была так велика, что они встали на его сторону в борьбе с богатым и сильным противником. Такое восстание описано в повести Пушкина «Дубровский». Когда помещик уезжает за границу, бунт прекращается.

О романе Пушкина «Капитанская дочка» общеизвестно, что в нем описано крестьянское восстание под предводительством Пугачева. Но Пушкин указывает, что основной движущей силой бунта были «полудикие народы и казаки». Он пишет: «Оренбургская губерния в конце 1773 года ...обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными».

Загадкой может представляться позиция Пушкина, изобразившего в образе Пугачева замечательного русского человека: справедливого, милостивого, щедрого и снисходительного, широкого во всех проявлениях. В «Истории Пугачевского бунта» Пушкина он представлен совсем другим: жестоким и низким. Исторически восставшие вели себя как дикие, но в романе они иные.

Пугачев в романе «Капитанская дочка» – личность, яркая, самобытная, не культивированная образованием и воспитанием. Ему присущи особенные

способности: обостренное чутье, особенный взгляд, отмеченный не только испуганной попадшей при осмотре им больной Маши Мироновой, но и Гриневым, на постоялом дворе увидевшим «два сверкающие глаза», которые потом заморозили М. Цветаеву. В отношении Гринева он абсолютный благодетель: спас его во время бурана, пощадил во время казни в крепости, освободил Машу от Швабрина. При этом он искренен. Он смеется с «такою непритворной веселостью», что Гринев, переживший угрозу смерти и смерть коменданта и его жены, «стал смеяться, сам не зная чему». Молодой офицер не признал царя в беглом казаке, не обещал ему не воевать против него, но Пугачев ответил так: «Казнить, так казнить, миловать, так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь». Позже Пугачев узнает, что Гринев обманул его, скрыв происхождение Марьи Ивановны, дочери погибшего капитана, коменданта крепости, и все же простит и его и ее и захочет справить их свадьбу и стать посаженным отцом. Но и тут Гринев воспротивится и будет отпущен с любимой на свободу. Так последовательно исповедал Пугачев принцип «миловать, так миловать». Идеализированное изображение Пугачева является, несомненно, уступкой народной иллюзии относительно «мужицкого» царя, который должен быть именно таким – справедливым и великодушным. Объяснение может быть только одно: «И милость к падшим призывал». Всепрощающим Пугачевым Пушкин, в сущности, укорял царя Николая I за то, что не прощал дворян, сосланных в Сибирь. Однако назидание, нравоучение и наставление – черты классицизма, не реализма. Главарь разбойников в качестве резонера? Парадокс. И трагедия России.

Проблема народа в творчестве Пушкина решается на уровне всего его творчества, а не в рамках одного произведения. Первое упоминание о проблеме крепостного крестьянства находим в стихотворении 1819 года «Деревня», за которое царь Александр I велел благодарить поэта, – за пожелание отмены крепостного права, о чем думал и сам император. Поэт восклицает: «Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный? // И рабство, павшее по манию царя?» Стихотворение противоречивое. В нем сначала описан райский уголок, лоно «счастья и забвенья», дана реальная картина: сад, луг, ручей, «Вдали рассыпанные хаты, // На влажных берегах бродящие стада, // Овины дымные и мельницы крылаты; // Везде следы довольства и труда». Но перед мысленным взором поэта («мысль ужасная») почему-то возникает другое зрелище («позор»): «рабство тощее влачится по браздам // Неумолимого владельца». Это абстрактное видение ничем не подтверждено реальной обстановкой, но оно убеждает поэта в невежестве хозяина счастливой деревни. Таков искренний отклик поэта на вольнолюбивые веяния того времени. Мотив просвещения как условия раскрепощения крестьян – отзвук просветительских идей XVIII века.

Общепринято считать, что героем исторической драмы Пушкина «Борис Годунов» является народ. В самом деле – автором многих реплик, а также адресатом реплик других лиц часто назван народ. Словом «народ» обозначено действующее лицо, которое здесь представляет собой толпу со свой-

ственной ей психологией поведения. К «народу» – городской толпе обращаются бояре, желая привлечь ее на свою сторону, и преуспевают. Вначале весь народ стремится к монастырю вслед за патриархом убедить Бориса Годунова стать царем, потом народ «несется толпой» с криком: «Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий! Да гибнет род Бориса Годунова!» Этому соответствует та заключительная ремарка, которая находится в авторской белой рукописи пьесы 1825 года, – народ в ответ на боярский призыв возглашает: «Да здравствует царь Димитрий Иванович!» Это вполне соответствует логике поведения толпы, а также поведению «народа» в течение всех действий пьесы, когда он был послушен боярским призывам и сам призывал к насильственным действиям: «вязать», «топить». В этом свете шум во дворце не может испугать его и изменить настроение. Знаменитая заключительная ремарка «Народ безмолвствует» появилась в первом издании пьесы в конце 1830 г. (на обложке: 1831), которое осуществлялось «в отсутствие Пушкина под наблюдением Жуковского, которому принадлежат некоторые переделки и сокращения цензурного порядка» [Комментарий к «Борису Годунову» в издании: Полное собр. соч. в 10 т. «Наука», М, 1964, т. 5. С. 612]. Хотя М.П. Алексеев считает, что эта ремарка принадлежит Пушкину, доказательств нет, так как авторский оригинал отсутствует. Логика описанных событий и отзывы о народе говорят в пользу именно здравицы, а не молчания. Так, Шуйский говорит о народе: «... бессмысленная чернь // Изменчива, мятежна, суеверна, // Легко пустой надежде предана, // Мгновенному внушению послушна, // Для истины глуха и равнодушна, // А баснями питается она», «Всегда народ к смятенью тайно склонен: // Так борзый конь грызет свои бразды...» – говорит Басманов. Все эти характеристики справедливы в отношении толпы, заражающей своим настроением каждого ее участника. Толпа подчиняется влиянию и сама подавляет и втягивает не только рядовых граждан, но и именитых, вплоть до вельмож, реально оценивающих силу народной массы: «...знаешь, чем сильны мы? // ... мнением народным» – говорит Гаврила Пушкин полководцу Басманову, привлекая его на свою сторону. Мнение – это и есть настроение толпы, которую царь Борис в свое время «умел и страхом, и любовью, // И славою ... очаровать» и в которой разочаровался: «Живая власть для черни ненавистна, // Они любить умеют только мертвых».

В драме «Борис Годунов» народ представлен в виде толпы – и это является художественным открытием поэта накануне дворянского восстания против царя, которое готовилось в форме защиты народа от произвола. Пушкин увидел в народной массе толпу – внушаемую, легко поддающуюся на любую провокацию и не способную на анализ происходящего.

В стихотворениях и в романе «Евгений Онегин» рассыпаны зарисовки народного быта. Обычно это связано с описанием природы, в котором фигуры крестьян возникают как подвижная часть пейзажа, чаще в связи с погодой. В романе «Евгений Онегин»: «Зима!..Крестьянин, торжествуя, // На дровнях обновляет путь; // Его лошадка, снег почуя, // Плетется рысью как-

нибудь; // Бразды пушистые взрывая, // Летит кибитка удалая; // Ямщик сидит на облучке // В тулупе, в красном кушаке». Вот мальчик резвится во дворе, «В салазки жучку посадив, // Себя в коня преобразив» [«Евгений Онегин», гл. 5, 11]. В саду служанки «Сбирали ягоду в кустах // И хором по наказу пели [«Евгений Онегин», гл.3, XXXIX]. Там же: [гл. 4, XLI] о наступлении зимы: «Встает заря во мгле холодной» – голодный волк, путник в конном экипаже, девушка с лучиной – единая картина, как и в такой сцене: «Мальчишек радостный народ // Коньками звучно режет лед; // На красных лапках гусь тяжелый» [гл. 4, XLII].

Можно увидеть парадокс в употреблении слова «народ» в разных контекстах. Например, в стихотворении «Поэту» читаем такой призыв: «Поэт! Не дорожи любовью народной». Далее пояснение: «Восторженных похвал пройдет минутный шум, // Услышишь суд глупца и смех толпы холодной...» С.М. Бонди поясняет: «Под словом «народ» Пушкин здесь не подразумевает крестьян, рабочих, трудящиеся классы – ведь они были в то время неграмотны. «Любовию народной» здесь значит просто популярностью среди читателей» [А.С.Пушкин. Стихотворения. Евгений Онегин. М., Детская литература, 1969. С.44].

В стихотворении «Из Пиндемонти»: «Зависеть от царя, зависеть от народа – не все ли нам равно?» – поэт возглашает: «Иная, лучшая потребна мне свобода». Здесь, очевидно, тоже имеются в виду просто читатели, а не крестьяне. Однако в итоговом стихотворении о памятнике читаем: «К нему не зарастет народная тропа». Здесь, конечно, о народе как нации.

Сегодня слово «народ» для нас имеет только положительный смысл. Мы привыкли под словом «народ» понимать производительную силу нации, в XIX веке ею было крестьянство. В парадоксальном, с точки зрения современности, употреблении Пушкиным слова «народ» отразилось бытование в то время неоднозначного значения этого слова. Ярким примером может быть цитата из стихотворения Пушкина «Клеветникам России»: «О чем шумите вы, народные витии? // Зачем анафемой грозите вы России?» «Народные» (витии) здесь – общественные (деятели). Они нападают на Россию. Это побуждает Пушкина воскликнуть: «Иль русский от побед отвык?» В отношениях между Россией и Польшей он видит спор славян и предсказывает: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? // Оно ль иссякнет? вот вопрос» – гениальное прозрение поэта в отношении русского народа как объединяющей силы.

Народ как движущая сила присутствует в поэзии Пушкина, хотя и без понятия «народ». Это не рабы (как в «Деревне»), не толпа (как в «Борисе Годунове») и не злодеи (как в «Капитанской дочке»). Это вся Русская земля. Образ России возникает в стихотворении «Клеветникам России»: «Иль мало нас? // Или от Перми до Тавриды, // От финских хладных скал до пламенной Колхиды, // От потрясенного Кремля // До стен недвижного Китая, // Стальной щетиною сверкая, // Не встанет русская земля?...» Единство и цельность народа проявляются в отечественной войне, что подтвердила вся наша история.

Список литературы

1. Бонди С.М. О Пушкине. М.: Худ. лит., 1978.
2. Волков Г.Н. Мир Пушкина. М.: Молодая гвардия, 1989.
3. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1979.
4. Филиппова Н.Ф. «Борис Годунов» А.С. Пушкина. М.: Просвещение. 1984.
5. Цветаева М. Пушкин и Пугачев. «Сочинения» в 2 т., т.2. М.: Худ. Лит., 1984.

ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ**(О СТИХОТВОРЕНИИ ФИЛИПА ЛАРКИНА «ДИКИЙ ОВЕС»)*****Ганин В.Н.***

профессор кафедры всемирной литературы, д-р. филол. наук, профессор,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва

Статья посвящена стихотворению «Дикий овес» известного английского поэта Филиппа Ларкина. Анализ демонстрирует как реальная ситуация из жизни автора трансформируется в поэтический текст. Поэт придает содержанию многозначность и неопределенность настроения, и выводит частные вопросы, которые затрагиваются в стихотворении, в более общую философскую перспективу.

Ключевые слова: современная английская поэзия, творчество Ф. Ларкина, стихотворение «Дикий овес».

Филиппу Ларкину (Larkin, Philip, 1922 – 1985) удалось еще при жизни войти в число классиков английской литературы. У.Х. Оден в одном из интервью для радио назвал его «мастером английского языка» [Цит. по 8, р. 2], а Д. Джиоуя заявила, что он «бесспорно один из величайших поэтов столетия, чьи сочинения могут выдержать сравнение с произведениями Томаса Харди, У.Б. Йейтса и У.Х. Одена» [3, р.1]. Это тем более удивительно, если учесть, что Ларкин не отличался высокой творческой активностью. Его поэтическое наследие состоит всего из четырех тоненьких книжечек, четырех сборников: «The North Ship» (1945), «The Less Deceived» (1955), «Whitsun Weddings» (1964), «High Windows» (1974).

Однако несмотря на литературное признание, в личной жизни Ларкин был человеком одиноким. В какой-то мере этому способствовала его чрезвычайная застенчивость, которая усугублялась заиканием. Все это осложняло отношения Ларкина с женщинами. В годы учебы в Оксфорде он делал несколько попыток сближения с противоположным полом, но все они заканчивались неудачей и чаще по его вине. Так однажды он решился на свидание и пришел к двери своей избранницы. Когда же девушка на стук открыла дверь, Филип судорожно сунул ей в руку букет и убежал [см. 6].

Первые серьезные отношения завязались у Ларкина, когда ему был уже 21 год. Он работал библиотекарем в маленьком городке Веллингтон. Шла война, Ларкин из-за близорукости не был мобилизован в армию, но по закону военного времени обязательно должен был трудоустроиться. Наиболее под-

ходящей ему показалась вакансия библиотекаря в Веллингтоне. Именно в библиотеке он и познакомился с Рут Боумэн, шестнадцатилетней школьницей, которая вместе с подругой Джейн Эксалл пришла однажды за книгами. Дружба Филипа и Рут породила много слухов в городке. В школе Рут даже сделали внушение, чтобы «она прекратила приставать к новому библиотекарю» [1, р. 83], но их встречи были совершенно невинны в этот период. Они разговаривали в основном о литературе и о творческих планах Ларкина. Любовниками они стали, когда Рут закончила школу и поступила в Лондонский университет. Три года спустя Филип даже сделал ей предложение, но, как полагают биографы, решился он на этот шаг, находясь в неадекватном эмоциональном состоянии: за шесть недель до этого умер его отец. Поэт и сам в письме к одному из приятелей назвал свой поступок «странным» [1, р. 134-135]. Придя в себя, Ларкин не спешил завершить помолвку браком, он всегда испытывал внутреннее сопротивление семейной жизни. Отношения с Рут вяло тянулись еще несколько лет, а затем все-таки завершились разрывом.

Эта история и стала биографической основой стихотворения «Дикий овес» (*Wild Oats*), которое вошло в сборник «*Whitsun Weddings*». Стихотворение открывается строкой:

About twenty years ago [4, p. 143]

Лирический герой не стремится к точности в обозначении времени события, на что указывает первое слово *about*. Это наречие во многом задает строй всего стихотворения: разговорность интонаций, затуманенность значений, которая усиливается тем обстоятельством, что мы не всегда можем понять, в каком случае речь идет о чувствах и оценках молодого героя, а в каком – рассказчика, отделенного от событий значительной временной дистанцией.

Two girls came in where I worked –
A bosomy English Rose
And her friend in specs I could talk to.
Faces in those days sparked
The shooting-match off, and I doubt
If one had like hers:
But it was the friend I took out... [4, p. 143]

Очевидно, что больший интерес у библиотекаря вызвала *A bosomy English Rose* («полногрудая английская роза») – ей он уделяет четыре строки в первой строфе, тогда как ее спутнице – только две. «Английской розой» в Англии называют красивых девушек с типичной «английской» внешностью. С возвышенной тональностью этого образа несколько диссонирует определение *bosomy*. Оно идет первым и намекает, какого рода влечение мог пережить молодой человек. Однако взгляд героя словно мимоходом касается этой волнующей анатомической детали юной читательницы и сосредоточивается на ее лице. Не ясно, то ли он слишком застенчив, чтобы подчиниться сексуальному импульсу, то ли слишком романтичен. Впрочем, в ситуации просматриваются и реалии военного времени: девушки и женщины в ту пору

вынуждены были одеваться скромно и непритязательно, и потому им сложно было привлечь внимание мужчины своим нарядом. Можно подумать, что перенос внимания на лицо девушки должен помочь лирическому субъекту подавить плотские желания, но глагол *to spark* нередко используется в поэзии Ларкина с эротической коннотацией (например, в стихотворении «Dry-Point»: *The wet spark comes, the bright blown walls collapse...* [4, p. 87]. Выражение *The shooting-match off* комментатор стихотворения Д. Пантер считает «архаическим речевым оборотом с неясным смыслом» [7, p. 44], а исследователь творчества Ларкина Н. Марш – «эвфемизмом, предполагающим сильное сексуальное возбуждение» [5, p. 53].

Библиотекарь же решился на разговор лишь с подругой красавицы (*her friend in specs I could talk to*). Почему именно с ней, а не с «английской розой»? То ли потому, что она была лишена сексуальной привлекательности, и это позволило герою преодолеть свою застенчивость, то ли потому, что с ней было о чем поговорить в отличие от красавицы, но именно ее он и пригласил на свидание (*it was the friend I took out*).

Следующая строфа рассказывает о том, как развивались отношения библиотекаря с подругой красавицы:

And in seven years after that
Wrote over four hundred letters,
Gave a ten-guinea ring
I got back in the end, and met
At numerous cathedral cities
Unknown to the clergy. I believe
I met beautiful twice. She was trying
Both times (so I thought) not to laugh [4, p. 143].

Рассказ полон чисел: «семь лет» (*seven years*), «четыреста писем» (*four hundred letters*), «кольцо за десять гиней» (*a ten-guinea ring*), «многочисленные... города» (*numerous... cities*). Возникает ощущение, что герой пытается компенсировать качество отношений количеством или заменить иррациональность истинного любовного чувства числовым суррогатом. Указание на цену кольца, которое должно символизировать первый шаг к будущему браку, также разрушает всякую романтическую мотивацию этого действия. Пара встречалась «в многочисленных городах с соборами» (*At numerous cathedral cities*). Должны ли были посещения соборов как-то заполнить пустоту, которая возникала в их общении или приподнять их отношения? Вместе с тем, эта строка заставляет вспомнить стихотворение «In a Cathedral City» Томаса Гарди, творчество которого хорошо знал и любил Ларкин. Стихотворение посвящено жене поэта, с которой у Гарди были очень сложные отношения при ее жизни, и лишь после ее смерти он осознал, как сильно любил эту женщину. Ее памяти поэт посвятил цикл стихов, который приобрел необычайную популярность. «In a Cathedral City» проникнуто печальными размышлениями о том, что часто мы отказываемся от настоящей любви, а потом горько сожалеем о ее потере. Аллюзия на текст Гарди усиливает «романтический» вари-

ант развития лирического сюжета в стихотворении Ларкина. Продолжение предложения *Unknown to the clergy* может также быть истолковано двояко. Оно может отсылать к реалиям эпохи, в которую развивался роман лирического героя с его возлюбленной: согласно нравственным нормам того времени, не обвенчанная пара не могла появляться в церкви вместе. Здесь же они нарушали это правило, и служителям церкви ничего об этом не было известно. Но выражение *Unknown to the clergy* обладает и другим смыслом: его нередко использовали, когда речь шла о сожителе мужнины и женщины вне официального брака.

За все это время герой лишь дважды встречался с «английской розой», и каждый раз ему казалось, хотя он не был в этом твердо уверен (*so I thought*), что она сдерживала себя, чтобы не рассмеяться. Можно предположить, что одна из причин, удержавшая молодого библиотекаря от попыток завязать отношения с красавицей, – страх быть отвергнутым. Подобную ситуацию можно определить как «комплекс Пруфрока», названную так по имени героя Т.С. Элиота из стихотворения «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» (*The Love Song of J. Alfred Prufrock*), который никак не может решиться на признание из-за опасения получить отказ.

Третья строфа знакомит нас с финалом романа между библиотекарем и «читательницей в очках»:

Parting, after about five
Rehearsals, was an agreement
That I was too selfish, withdrawn,
And easily bored to love.
Well, useful to get that learnt [4, p. 143].

После нескольких кризисов окончательное расставание все же произошло. Поэт использует слово *rehearsal* («репетиция»), выбор которого должен подчеркнуть искусственность, театральность всего происшедшего между героем и его партнершей. Всю вину герой берет на себя (*I was too selfish, withdrawn, / And easily bored to love*), очевидно только при таком условии подруга согласилась на мирный разрыв. Он с иронией замечает, что весьма полезно узнать о себе подобное. Ирония усиливается еще и тем обстоятельством, что к этому заключению по сути сводится все положительное, что получил он от столь длительного романа.

В последних строках стихотворения лирический герой от воспоминаний обращается к настоящему:

In my wallet are still two snaps
Of bosomy rose with fur gloves on.
Unlucky charms, perhaps [4, p. 143].

Он по-прежнему носит в бумажнике две фотографии «полногрудой красавицы в меховых перчатках». Зачем? С. Кларк высказывает предположение, что на фотографии обнаженная натура: на красавице нет ничего кроме меховых перчаток. Изображения нужны рассказчику для стимуляции сексу-

ального возбуждения и самоудовлетворения [2, p. 109]. Обладание фотографиями опять же предстает здесь как суррогатная замена реальных отношений с девушкой, которая притягивала и пугала одновременно.

Однако, Ларкин, всегда тяготевший к философскому осмыслению самых разных жизненных ситуаций, вряд ли смог бы удовлетвориться столь банальным финалом, хотя сексуальное влечение и неготовность на решительные действия в немалой степени определяют логику развития лирического сюжета. С этим мотивом связано и название стихотворения, оно отсылает к идиоматическому выражению *to sow one's wild oats*. Это выражение переводится как «вести разгульную жизнь», «вступать в беспорядочные сексуальные отношения». Считается, что, если молодой человек «посеял свой дикий овес», то, возмужав, он успокоится и в браке будет примерным семьянином. Но «дикий овес» героя Ларкина так и остался не посеянным.

И все же идея, которой проникнуто это стихотворение, гораздо шире. Речь идет не только об упущенной возможности завязать отношения с красивой девушкой, но об идеалах вообще. Они присутствуют в жизни почти любого человека, и если человек заранее убеждает себя в их недостижимости, и склонен довольствоваться малым, то часто это оказывает разрушительное влияние на его жизнь. Чувство неудовлетворенности подспудно копится и отравляет радость существования.

Стихотворение «Дикий овес» очень показательное для творчества Филиппа Ларкина. Оно наглядно демонстрирует механизм превращения биографического материала в поэтический текст. Однозначность жизненного факта размывается, содержание предлагает несколько вариантов интерпретации, расширяется и эмоциональный диапазон его восприятия для читателя. Он колеблется, пытаясь определить подлинное настроение лирического субъекта. Что это? Насмешка и ирония над своей юношеской застенчивостью и неопытностью? Или искренняя печаль по поводу неосуществленных возможностей? В любом случае частная жизненная ситуация выносится автором в более широкую философскую перспективу и подталкивает читателя к размышлению над вечными вопросами человеческого бытия.

Список литературы

1. Booth J. Philip Larkin: Life, Art and Love. L.: Bloomsbury, 1992. 545 p.
2. Clark S. 'Get Out As You Can': Larkin's Sexual Politics // Philip Larkin / Ed. by Regan St. L.: Macmillan Press, 1997. P. 94-134.
3. Gioia D. The Still, Sad Music of Philip Larkin // Washington Post Book World, 19 August 1993.
4. Larkin Ph. Collected Poems. L.: Faber and Faber, 1988. 330 p.
5. Marsh N. Philip Larkin. N.Y.: Palgrave, 2007. 233 p.
6. Motion A. Philip Larkin. A Writer's Life. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1993. 457 p.
7. Punter D. Philip Larkin. The Whitsun Weddings. L.: York Press, 2003. 120 p.
8. Timms D. Philip Larkin. Edinburgh: Oliver & Boyd, 1973. 138 p.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ СМЫСЛ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКСПРЕССИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Горчанова Х.Б.

студентка специальности «Перевод и переводоведение»,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Данная статья представляет большой интерес для лингвистов и переводчиков. В статье приведено определение художественного текста, данное известными лингвистами, и сделан вывод о том, что основной задачей текста художественной литературы является оказание на читателя художественно-эстетического воздействия текста оригинала. Также в статье приведено определение понятия «экспрессия», и примеры использования автором Энн Тайлер средств выразительности в романе «The Tin Can Tree».

Ключевые слова: художественный текст, эстетическая функция, эстетическое воздействие, экспрессия, контекстуальный смысл.

В современной литературе существует ряд возможностей для восприятия действительности посредством экспрессии. Процесс создания произведений несет индивидуальный и специфичный характер. Для автора произведения огромный смысл несет тот стимул, благодаря которому он начал творить, и при этом необходимо уделять внимание таким факторам, как: жизненные ситуации, поведение и поступки героев, а также духовное состояние. В текстах художественных произведений автор описывает судьбы героев, их образы и душевное состояние, при этом эксплицирует это при помощи различных выразительных средств языка. Однако, зачастую «при актуализации периферийных нозем личностного смысла и применении трансформаций суперструктуры продуцент в угоду неузуальности и многомерности смысла может нивелировать закрепленные категориальные признаки и сосредоточивать свое внимание и внимание реципиента на релевантных в конкретной ситуации семиозиса признаках» [3, с. 186].

Понятие «художественный текст» многомерное, однако зачастую используется в нестрогом, общеизвестном значении. Данному типу текста можно дать характеристику как сложного или комплексного текста. Также необходимо отметить, что это произведение художественного стиля, которому характерны эмоциональные и экспрессивные свойства речи. Выявляя характерологические признаки художественных текстов в рамках и терминах теории коммуникации, такие исследователи, как В.А. Пищальникова, В.А. Маслова, В.Г. Адмони, делимитируют в них, не только субъективные, индивидуально-личностные аспекты, но и интралингвистические, связанные с процессами вербализации, что означает описание переживаний, чувств, мыслей и поведения в произведениях. Все это дает возможность определять художественный текст в качестве возникающего на основе специфического психо-эмоционального состояния автора некое душевное чувственно-ментальное, концептуальное мировидение в форме высказывания, художественного коммуникативного акта, «коммуникативно-направленное вербаль-

ное произведение» [1, с. 209-210]. В текстах художественной литературы очень часто используются языковые средства, усиливающие эстетическую функцию высказывания, такие как метафора, метонимия, синекдоха, гиперболола, литота, перифраза, эпитет, сравнение, олицетворение, аллегория, ирония и др.

Примером может послужить выборка из произведения Энн Тайлер «The Tin Can Tree»: *When he was a few steps away he heard her say, «We have to go home now, Aunt Lou. We have to go down». But Mrs Pike was silent, and all James heard for an answer was **the roaring of the wind*** [7, с. 14]. – Когда он был в нескольких шагах от нее, он услышал, как она сказала: «Мы должны пойти домой, тетя Лу. Нам надо спуститься с холма». Но госпожа Пайк молчала, и единственным ответом был – **рев ветра** (перевод автора).

Данное выражение «*the roaring of the wind*» является особым видом олицетворения – прозопопея, т.е. способ художественного изображения, при котором явления природы наделяются качествами живых существ.

Важным и значительным отличием художественного произведения от текста заключается в том, что художественный текст в первую очередь является замыслом автора, и имеет множество различных идей. И рассматривая данную теорию с текстологической точки зрения, художественным текстом называется «текст, объединённый единым замыслом и изменяющийся как единое целое...» [4, с. 130]. Следовательно, целостное произведение можно определить как осложненное содержательное единство, базирующееся непосредственно на текстовой форме.

Несомненно, тексты художественной литературы прежде всего отражают мысли и чувства автора, здесь справедливо высказывание М.М. Бахтина: «язык – живая конкретная среда, в которой живёт сознание художника слова» [2, с. 104].

Эмоциональное состояние человека является частью объективной действительности. В художественном тексте мысли, чувства, эмоции передаются при помощи средств создания образности. В процессе как непосредственного, так и опосредованного коммуникативного акта эмотивность текста находит свою экспликацию как в интра-, так и в экстралингвистических феноменах. Экспрессивность и является той призмой, «сквозь которую воспринимается смысл, связанный с данным звуковым комплексом» [5, с. 11].

В основе художественного текста лежит художественный образ. Психо-эмоциональная сфера человеческой деятельности находит отражение в пространстве художественного текста. Однако необходимо отметить, что это не зеркальное отражение, оно гармонично соединяет в структуре текста художественный вымысел и отношение художника к объективной реальности, создавая тем самым новый художественный мир, особый хронотоп, в котором реципиент видит преломление реального мира вещей, событий, явлений, и, не в последнюю очередь, чувственной, эмоциональной стороны жизни. Экспликация эмоциосферы в языке базируется на лексической полисеман-

тичности, которая в свою очередь есть результат вариативности внутренней формы.

Бредихин С.Н. в своей работе пишет: «...функциональный приоритет доминантных ноэм и ноэм-культурных основ в ядерной зоне смысла заставляет как продуцента, так и реципиента при категоризации того или иного понятия, релевантного для понимания смысла всего текста или же для закрепления конструкта именно в конкретном значении, прибегать к феноменологической рефлексии над компонентами смысла» [3, с. 186]. Иными словами, эмотивно-экспрессивные коннотативные обертона смысла лексеминапрямую связаны со способностью некоторых лексем воздействовать на нашу эмотивно-волюнтативную сферу, вызывать у реципиента различные эмоции. Когда читатель определяет эмотивно-экспрессивную коннотацию слова, он, прежде всего, подразумевает под этим перлокутивный эффект (воздействие этой лексеммы на человека).

Лингвистический энциклопедический словарь предлагает понимать экспрессивность как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [6, с. 148].

Понятие экспрессивности в языке не имеет четко определенных границ, так в зависимости от описываемого уровня языковой системы, или от избранного подхода экспрессия может предстать перед исследователем в рамках различных характерологических признаков. Если избрать этимологический подход к определению, то, в первую очередь, возникает мысль о выразительных потенциях речевого произведения, т.е. о некоем стилистическом приеме. Но для нас более приемлем подход, в котором органично сочетается экспрессивное и эмотивное начало в языке.

He had always worn Levi's and crumpled leather boots, but today someone had made him put his suit on [7, с.16]. – Он всегда носил брендовую одежду фирмы Levi и **помятые кожаные сапоги**, но сегодня кто-то заставил его надеть костюм (перевод автора).

Используя данный эпитет, автор показывает состоятельность семьи Пайк, которая могла позволить себе то, что было недоступно для других.

He had greased it down with something (it needed cutting, but Joan had been too busy with her aunt to see about that) and now it stood out wildly in every direction [7, с.16]. – Он смазал их чем-то вроде геля для волос (ему надо было постричься, но Джоан была слишком занята, заботясь о тете, чтобы уделить этому время), **ветер растрепал волосы во все стороны** (перевод автора).

Автор использовал данное высказывание для описания природы и условий, относительно ситуации, в которой находился главный герой.

Таким образом, экспрессивная лексика в художественном тексте выполняет несколько функций, основными из которых являются создание экспрессивного содержания и экспрессивной тональности текста, по сути экс-

пликация эмотивных обертонов смысла, их упорядочивание и генерализация, «категоризация элементов смысла есть процесс систематизации и распределения по категориям актуализированных ноем ядра, возможность объединения характерологических признаков в некое единое множество [3, с. 182]. В заключении стоит отметить, что экспрессия способствует созданию портрета персонажей, отражая все качества, как положительные, так и отрицательные, а также участвует в образовании ассоциативных связей с образами других произведений.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. М.: Академия, 1994. 306 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Искусство, 1975. 257 с.
3. Бредихин С.Н. Элементы смысла и когниция на пути к значению // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 182-186.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. 144 с.
5. Кожина М. Н. Стилистика и некоторые ее категории (к постановке вопроса). Пермь: Пермский ун-т, 1961. 23 с.
6. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 162 с.
7. Tyler A. The Tin Can Tree. New York: Berkley Publishing Group, 1965. 567 с.

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Жуйкова А.В.

студентка, Северо-Осетинский государственный педагогический институт,
Россия, г. Владикавказ

В статье анализируется особенность использования языковых средств цветообозначений русскими и английскими поэтами, специфика символики цвета в их творчестве, а также связь между устным народным творчеством и творчеством великих поэтов в аспекте передачи цветов.

Ключевые слова: поэтика, символика цвета.

С древнейших времен наблюдается не только теснейшая связь цвета и человека, но способность цвета воздействовать на человека. Об этом говорят археологические, этнографические раскопки, мифология и фольклор всего мира. Цвет играет важную роль в культуре народов и в жизни личности, немаловажную роль играет языковая передача цвета в художественной литературе, и современный педагог, преподаватель словесности, должен быть разносторонен во всех областях, тонко чувствовать поэтику творчества изучаемого поэта или писателя, понимать составляющие возникающего образа, педагог должен обладать особой наблюдательностью, – и все это для того, чтобы помочь обучаемым раскрыть для себя прекрасный и многообразный мир литературы. И это он обязан привить детям.

Различия в семантической структуре цветообозначений в русском и английском языках обусловлены национально-культурными особенностями, символикой цвета в конкретном языке; сходства же, в свою очередь, также зависят от наличия общих черт в символике, восприятии цвета носителями русского и английского языков. В лингвистике символ определяется как «то, что служит условным знаком какого-нибудь понятия, чего-нибудь отвлеченного», таким образом, нас интересует «символическое значение, приписываемое чему-нибудь» или «совокупность каких-нибудь символов» [4, с. 511].

Исследовательский интерес вызывает сопоставление специфики цвето-восприятия мира и символики цвета в русской и английской поэзии на примере творчества нескольких поэтов. Среди анализируемых поэтов многие удивляют яркими цветами в своих произведениях, другие – скупым выражением цветового восприятия мира. Многие писатели в основу своей поэтики положили традиционный для народного творчества устойчивый символизм цвета [9, с. 12].

Сергей Есенин «схватив радугу», принёс в русскую поэзию русскую природу. Ведущей и любимой красочной тональностью Сергея Есенина были синий и голубой цвета.

*Не видать конца и края Только синь сосёт глаза»
По селу тропинкой кривенькой В летний вечер голубой*

Желто-золотым цветом поэт умело окрашивал свое поэтическое творчество: «Луна под крышей, как злат бугор», «Мне снились реки златых долин», «Хвойная позолота». Также желтой палитрой поэт рисовал свой автопортрет: «Эти волосы взял я у ржи». Использование контраста белого и черного было очень характерно для древнерусской литературы. Так и Сергей Есенин применял этот контраст в своей поэзии. В этом стихотворении всё страшное, беспощадное, злое отношение к душевному миру человека, его переживаниям олицетворяется в чёрном, дьявольском подобии человека: «Чёрный человек! Ты прескверный гость».

Марине Цветаевой был близок интенсивно-тревожный триколор – красный, белый и черный. В её поэзии белое борется с красным. Но победителя в этой цветовой борьбе у Марины Цветаевой нет.

Белый был – красным стал:

Кровь обагрила.

Красным был – белый стал:

Смерть побелила.

Красный цвет – цвет молнии, связанный с горением, символ энергии и жизни – основной цвет ее поэтического языка:

И справа и слева

Кровавые зевы,

И каждая рана:

- Мама

Из рая детского житья

Вы мне привет прощальный шлете,

Неизменившие друзья

В потертом, красном переплете

В очерке Марины Ивановны белый – пустой, неинтересный, явный, а Чёрный ассоциируется с тьмой, ночью, бунтом, разрушением и смертью:

*Быть может, я в тот черный день
Черным вихрем летя беззвучным
Очнусь – белей тебя!
Не подругою быть – сподручным*

Самый яркий представитель символизма в русской литературе – А. Блок. Белый цвет характерен для мира Блока. Белый цвет сочетается с такими существительными, как птицы, церковь, ангел Бога:

*Белый, белый ангел Бога
Сеет розы на пути.*

Синему цвету принадлежит особое место в его поэтике. «Синий» передает эмоциональное осмысление контекста. Для Блока синий цвет – символ непорочности и первозданности: она – «голубая царица земли», пришедшая «голубыми путями», живущая в «лазурном чертоге» (цикл «Стихи о Прекрасной Даме»).

Красный цвет А. Блок считает, с одной стороны, оттенком угрожающего, страшного, а с другой стороны, – праздничного: это знак любви, это праздник ожидания.

<i>Ты в поля отошла без возврата. Да святится Имя Твое!</i>	<i>Ты, в алом сумраке, Ликуя</i>
<i>Снова красные копыя заката Протянули ко мне острие.</i>	

Мы так же проанализировали цветовые обозначения в поэзии английского драматурга и поэта Уильяма Шекспира. Уильям Шекспир обладал способностью воспринимать огромное количество цветовых различий. Красный, белый, зеленый, желтый и чёрный, как знак отсутствия, уничтожения цвета вообще. Шекспир другие цвета практически не называет.

Чёрный цвет символизировал гибель, трагический конец.
*В тот черный день (пусть он минует нас!),
Когда увидишь все мои пороки,
Когда терпенье истощишь запас
И мне объявишь приговор жестокий,*

Белый цвет во времена Шекспира означал: Духовность и Духовный свет, Целомудрие, Простоту, Невинность, Ясность души, Девственность, Истину. Белый цвет для Шекспира-цвет, ясный, а потому именно такого цвета одежда у неприступной Розалины и у Джульетты

*Лорд Архиепископ
Вы, чей престол храним гражданским миром
Чья борода в дни мира поседела
Чью мудрость и ученость мир вскормил
Чьё облачение белое – эмблем
И голубиной чистоты и мира...*

Красный цвет означал солнце, огонь, свет, этот цвет символизирует могущество, так как он имел наибольшее влияние на людей.

*Но гомон птиц и запахи и краски
Бесчисленных цветов не помогли
Рождению моей весенней сказки.
Не рвал я пестрых первенцев земли.*

Желтый цвет у Шекспира был чаще всего носителем отрицательного (сумасшествие, измена, глупость и др.).

*Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.*

Зеленый цвет был любимым цветом драматурга, ведь в комплексе его символов верховенствуют влюбленность, нетленная юность, цветение.

*Как роза ни прекрасна, но и та
Прекраснее вдвойне от аромата.
Шиповник цветом с алой розой схож,
Шипы такие ж, тот же цвет зеленый.*

В поэзии С. Есенина, А. Блока, М. Цветаевой, У. Шекспира цветовая гамма яркая и разнообразная, имеющая свои особенности.

С. Есенин своей поэзии отличается свежестью восприятия и не поддельной, наивной ярко цветностью.

А. Блок в своих стихотворениях постоянно использует цвет, который отличается способностью порождать массу ассоциаций.

М. Цветаева в своей лирике использует символы для создания неповторимых образов.

У. Шекспир выделялся созданием новых вариантов цвета, соотнося их названия с языком цветовых символов, пытаясь довести сами символы до мировоззренческих понятий.

Цветовая картина мира поэтов имеет свои яркие индивидуальные особенности, что обусловлено неповторимостью цветовидения и художественного мировоззрения поэтов. Подробное изучение художественных произведений в аспекте цвета способствует более глубокому пониманию мировоззрения и особенностей творчества писателей.

Список литературы:

1. Алимпиева Р. В. Семантическая структура слова «белый» // Вопросы семантики. Вып. 2. Л., 2013. С. 17-27.
2. Антоненко П.П. Сравнение семантики прилагательных в русском и английском языках. М., 2010.
3. Борукаева З.Г. Художественное своеобразие поэтики г. Цаголова и к. Хетагурова. В сборнике: Социально-культурные аспекты взаимодействия русской и осетинской литератур Сборник научных трудов к 150-летию К.Л. Хетагурова. Федеральное агентство по образованию; ГОУ ВПО "Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова". Владикавказ, 2009. С. 23-35.
4. Гвоздарев Ю. А. Рассказы о русской фразеологии. М., 2012.
5. Келехсаева Л.Б., Бичегкуева О.Д. Некоторые особенности северо-кавказской полиментальности в культуре // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 2-3. С. 461

6. Лаенко Л. В. От семантики цвета к социальной семантике языка (на материале английских и русских прилагательных, обозначающих цвет): Саратов, 2014.

7. Таутиева И.Х., Цаликова М.А. Методика обучения речевой коммуникации студентов юридического факультета // Успехи современного естествознания. 2014. № 12. С. 185-186.

8. Тотиева А.Н. Современные тенденции в развитии литературы. Учебно-методическое пособие для студентов колледжей и вузов гуманитарного направления / Владикавказ, 2005.

9. Цаликова М.А. Изучение устойчивых сравнений в осетинской школе. Учебно-методическое пособие / Под редакцией кандидата педагогических наук, профессора З.Х. Тедтоевой. Владикавказ, 2011.

10. Цаликова М.А. Изучение русского языка в вузах как условие профессиональной подготовки. В сборнике: Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию профессора К.Е. Гагкаева. Под редакцией Р.П. Бибиловой. 2013. С. 68-71.

11. Цаликова М.А. Языковой изоморфизм в системе работы по развитию неродной речи. В сборнике: Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Р.П. Бибиловой. 2011. С. 143-146.

О КИТАЙСКО-РУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ

Зуллукаров К.З.

профессор кафедры русского и сопоставительного языкознания,
д-р филол. наук, профессор, Ошский государственный университет,
Киргизия, г. Ош

Сейитбекова С.С.

доцент кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций,
канд. филол. наук, доцент, Ошский государственный университет,
Киргизия, г. Ош

Амиралиев С.М.

доцент кафедры фонетики и грамматики английского языка,
канд. филол. наук, доцент, Ошский государственный университет,
Киргизия, г. Ош

Работа выполнена в русле ностратики. В ней сравниваются общие корневые морфемы русского и китайского языков. В традиционном языкознании эти два языка относятся к разным языковым семьям и определяются как разнотипные по строю и как разнородные по происхождению. Общность корневых морфем двух языков свидетельствует о том, что предки славян и ханзу имели тесные лингвоэтнокультурные связи. Обнаруженные и сравниваемые нами общие слова являются не заимствованиями, а рефлексиями древних слов ностратического праязыка.

Ключевые слова: ностратика, китайский язык (ханью), русский язык, общие корневые морфемы, лингвоэтнокультурные связи.

В 60-ые годы XX века в компаративистике появилась очень смелая лингвистическая идея. Суть ее заключалась в постулировании генетического родства целого ряда языковых семей Северной Африки и Евразии. К ним относились алтайские, дравидские, индоевропейские, картвельские, семито-хамитские и финно-угорские (уральские) языки. Эти языки стали именоваться ностратическими (по-латыни *noster* «наш»), а направление, изучающее их общие корни – ностратикой.

Ностратика впоследствии становится вполне определенной научной дисциплиной со своим объектом, научно-понятийным аппаратом, методологической базой и процедурами сравнительного анализа и обобщения. Наряду с термином «ностратические языки» используются обозначения «бореиские языки», «бореальные языки», «евроазиатские языки», которые не получили распространения. Вполне вероятно вхождение в эту макросемью эскимосо-алеутских, чукотско-камчатских, северо-кавказских, сино-тибетских и других групп языков [3, с. 16-114].

Генетическое родство ностратических языков обнаруживается в наличии в них обширного корпуса генетически тождественных морфем (свыше 900 общих корневых и аффиксальных морфем). При этом корпус корневых морфем включает в себя корни основного словарного фонда и покрывает круг основных элементарных понятий и реалий (части тела, родственные отношения, прономинативы, названия животных и растений, природные явления, элементарные движения и действия, пространственные отношения, основные качества и чувства). При этом **генетически родственными считаются морфемы языков разных семей, обладающие общими звуковыми и семантическими признаками.**

Возникновению ностратики предшествовал период попарного сравнения языковых семей – уральской и алтайской (В. Шот, М.А. Кастрен, О. Соважо, А.М. Рясенен, К.Г. Менгес), семитской и индоевропейской (Г. Мёллер, А. Кюни), индоевропейской и картвельской (Ф. Бопп), уральской и индоевропейской (Б.Коллиндер) и т.д. Впервые положение о родстве нескольких языковых семей было сформулировано Х. Педерсоном. Им же в 1903 году был предложен термин «ностратические языки» как общее наименование урало-алтайской, индоевропейской и афразийской (семито-хамитский) языковых семей.

В настоящее время под ностратикой понимается учение о макросемье языков, объединяющей алтайские, дравидские, индоевропейские, картвельские, уральские и семито-хамитские языки (В.М. Иллич-Свитыч, А.Б. Долгопольский, В.А. Дыбо, И.И. Пейрос, Н.А. Сыромятников, Е.А. Хелимский, С.А. Старостин и др.). Факты из других языков привлекаются нерегулярно, от случая к случаю. Нам неизвестны исследования по ностратике, в которых бы приводились и подвергались сравнению слова сино-тибетских языков [2, с. 120-123; 3, с. 14-120; 4, с. 307-312; 5, с. 284-293].

Мы считаем, что **сино-тибетские языки должны быть включены в состав ностратических языков.** Для этого есть достаточные основания. Мы

пока можем судить только по данным китайско-русских соответствий. В ханью и русском языке много таких корневых морфем с общим звуковым обликом и значением, которые позволяют высказать и обосновать гипотезу об отдаленных этногенетических и социокультурных связях ханзу и славян. Есть немало фактов, свидетельствующих о том, что материалы ханью обогащают наши представления о ностратических языках и расширяют состав и границы бореалистики. В настоящей статье сравниваются рефлексии некоторых ностратических наименований в китайском и русском языках, а также в киргизском языке, которые, на наш взгляд, не являются заимствованиями и восходят к исходным слогам праязыка.

Мы не будем обращаться к истории суперэтносов: славян, ханзу и тюрков. Это задача историков. Мы будем говорить только об их языках. Наблюдения показывают, что в ханью, русском и киргизском языках немало общих слов. Звуковые соответствия в словах двух языков подчиняются общим закономерностям. Например, возьмем китайский слог *lǎn* «лень, неохота, слабость, расслабленность; лениться, проявлять инертность; ленивый, инертный, нерадивый; лениво, неохотно», который, будучи полисемантическим, совмещает в себе субстантивные, процессульные, адъективные и адвербиальные значения. Это объясняется тем, что в ханью не дифференцируются части речи. Данный слог очень напоминает русскую корневую морфему, объединяющую слова: *лень, лениться, ленивый, лениво, лентяй* и т.д. Следует отметить, что китайско-русский слог-корень имеет прямое соответствие в киргизском и других тюркских языках. Например, киргизский корень *илең/ылаң* в сложном слове *илең-салаң* «еле-еле, плохо, слабо, пассивно, вяло, только-только, чуть-чуть», глаголе *ылаңда-/ылаңдоо* «подвергаться болезни (о скоте), болеть (о человеке в шутку)», существительном *ылаң* «повальная болезнь скота» и материально, и семантически сходен с китайско-русской корневой морфемой. Протетические звуки *и-* и *ы-* появились в киргизских словах потому, что киргиз не может артикулировать звук *л-* в абсолютном начале слова. В середине слова начальный звук *л-* не предполагает протезы. Что касается конечных звуков: кит. *-н*, рус. *-нь* и кирг. *-ң*, то они в таком же соотношении встречаются в других словах. Китайское *dàn* «утро, рассвет, на рассвете, рано утром, утренний, день, днём, рассветать» соответствует русскому *день*, которое в свою очередь очень напоминает киргизское *таң* «рассвет, утро, утренняя заря», *таң атты* «рассвело». Регулярность подобных звуковых соответствий подтверждается и другими примерами. Мы далеки от мысли о том, что какое-либо из сравниваемых слов является заимствованием из другого языка. Считаю, что они представляют собой рефлексии древнего корня ностратического праязыка [3, с. 86, 368-369, 372].

Мы ниже бегло охарактеризуем лексико-семантические соответствия в русском и китайском языках.

Звук *j* в анлауте соответствует русскому звуку *ж*. Это видно в примерах: 1) *jū/jī* «жить, проживать, пребывать, местопребывание, местожительство; проживающий, живущий; жить в покое, быть в живых; сидеть непо-

движно, жить где, занимать место, располагаться; жилище, квартира, место проживания; приют, обиталище, прибежище»; все эти значения способны передавать дериваты пракорня жи- во всех славянских языках; 2) *jīāo* «гореть, обгореть, обгорелый, подгорелый; поджаренный, подрумяненный; поджигать, сжигать, печь, жарить, поджаривать»; ключевое значение этих слов можно связать с русским корнем же-/жи-/жо-/жечь/жиг/жог/жг-; 3) *jǐ/jū* «жевать, пережевывать, разжевывать, смаковать, вкушать, разжевывать»; этому слогу в русском языке соответствует корень жев-/жуи-; Ср. *jīào* «жвачка»; *jíáo/jié/jiào* «жевать, пережевывать, разъедать, смаковать, вкушать, отведывать».

Русские слова *канава, канал* (лат. *canalis* «труба, желоб») сходны с китайским *kēng* «канава, ров, яма, траншея, тоннель, шахта, рудник», киргизским *кандек* «канава, ров, яма, траншея» (часть *-дек* соответствует самостоятельному слову *тек* «основа, корень, низ, под»).

Финальный компонент китайского дифтонга в виде *й* и *и* соответствует звукам *с* и *з* в русском и киргизском языках. Например, кит. *kuì/kuì* «кусок, ком (земли), глыбы; кусковой, глыбовый, кусок (материи), участок» – рус. *кусок* – кирг. *кесек* «ком земли», *косек* «коробочка хлопка», *кесим* «отрезок, часть»; кит. *kuī* «шлем, каска» – рус. *каска*; кит. *kuī* «смотреть, наблюдать, подглядывать, высматривать, шпионить» – рус. *казаться/кажется, касаться/коснуться* – кирг. *көз* «глаз, глаза», *күзөтүү* «наблюдать, смотреть, высматривать»; кит. *kuí* «промежуток между бедрами, ляжки, бедра» – рус. *гуз* «хвост» (*трясогузка, подгузник*) – кирг. *куйрук* «хвост, курдюк», *куюшкан* «подхвостник» [8, с. 28-30].

Китайское *lái* «марь белая, лебеда» – рус. *лебеда* – кирг. *алабата* «лебеда». Как видим, китайские дифтонги преобразуются в сочетания гласных и согласных. Здесь *ái* = *еб* = *аб*, выше трифтонг и дифтонг *láo/ié* = *ев* в слове *жевать*. Есть и другие слова с инициальной на *л*-, имеющие соответствия в русском языке: кит. *lái* «свирель, флейта, звуки (вообще), вопль, голос» – рус. *лай*; кит. *liè* «охотиться, ловить (зверей), ловить рыбу; охота, ловля», *lāo/láo* «вылавливать (из воды), черпать (воду), загребать, хватать, брать» – рус. *ловить, вылавливать*; кит. *lì* «стремительно течь, бурно катиться», *lǎo* «ливень, ливневая вода, проливной дождь, затяжной дождь, ливни, паводок», *lǐ* «капать, накрапывать (о дожде), просачиваться, увлажнять; жидкий»; *lín* «затяжной дождь» – рус. *ли-/ль-/лив-*; кит. *lǐ* «деревенский, простой, народный, грубый, он/она», *lí* «черный человек, черноволосый, народ, масса» – рус. *лик/лицо, люд* – узб. *-лик* (*шахарлик* «горожанин», *бухоралик* «житель Бухары»), кирг. *-лик, -лык, -лук, -лик...* (*шаарлык* «горожанин»); кит. *liáo* «лечить, врачевать, исцелять; лечение, врачевание, исцеление» – рус. *лечить, лекарь (леч-/лек-)*; кит. *liè* «еле-еле, едва-едва; хилый, слабый, плохой, худший, немощный» – рус. *еле, еле-еле* – кирг. *илең-салаң* «еле-еле, едва-едва, вяло, спустя рукава»; кит. *lín* «чешуя, чешуйка, чешуйчатые (рыбы, земноводные)» – рус. *линь* (вид рыбы), *линька, линять* «линять чешую, наружный покров»; кит. *líng* «легкий, легко; нежный, нежно, мелодичный, мелодично» – рус. *лег-*

кий, легко ($ng = g$) – кирг. *өлөң*, казах. *өлең* «песня»; кит. *kǎ* «кашлять, харкать» – рус. *кашлять, харкать* – кирг. *какыруу* «харкать, отхаркивать»; кит. *lōng* «горло» – евразийск. яз. *лингва* «язык», греч. *logos* «слово, разум, теория».

К китайско-русским лексемам могут быть отнесены и такие: кит. *lú/lǔ* «хижина, шалаш, жилище отшельника; беседка; жить в шалаше» – рус. *лачуга* – кирг. *алачык* «лачуга, шалаш, убогая юрта»; кит. *lú* «осел», *lao* «мул» – рус. *лошак* – кирг. *улоо/ылоо* «верховое животное»; кит. *lù/liù* «дорога, улица, проспект; дорожный, уличный, в пути, путь, маршрут» – рус. *улица*; кит. *lín* «сученая нить, леса, леска, струна; шелковый шнурок, плетеная тесьма, лента» – рус. *лента*; кит. *lún* «колесо, колесный, обод (колеса), диск, круг, окружность, обвод, округлый, дискообразный, цикл, кругооборот» – рус. *луна*; кит. *lió* «улитка, спиральная (одностворчатая) раковина, моллюска, брюхоногий моллюск; винный рог из спиральной раковины, сигнальный рог из спиральной раковины; спираль, завиток; спиральная нарезка, винт, винтовой, спиральный» – рус. *улитка* – кирг. *үлүл* «улитка»; *liò* «замерзнуть, застыть (о воде)» – рус. *лёд, льдина*; кит. *liù* «белая лошадь с черной гривой» – рус. *лошадь, лошак*), венг. *lo* «лошадь» и др.

В слогах с инициальной на *m*- тоже обнаружены китайско-русские соответствия: кит. *mā* «мама, мать, няня», *māta* «мать, мамочка, матушка, кормилица» – рус. *ма-* (*мать*), *мама*; кит. *máo* «мех, меховой» – рус. *мех*; кит. *méng/mēng* «обманывать, дурачить, вводить в заблуждение, дезинформировать»; *méng/mēn* «обманывать, вводить в заблуждение, выманивать» – рус. *ман-* (*манить, обманывать*); кит. *mì* «мед, воск, медовый, восковой; сладкий, засахаренный, слащавый, льстивый» – рус. *мёд*; кит. *mǎo* «маленький, мелкий, мельчайший, ничтожный, тонкий, нежный» – рус. *мелкий, маленький, милый* (*мел-, мал-, мил-*); кит. *mǐn* «понятливый, умный, даровитый, прилежный, старательный, чуткий; ум, способный, талант» – рус. *мн-* (*мнение, помнить*); европ. *менталитет, ментальность*; кит. *míng* «имя, название, наименование, слово; именной, по имени» – рус. *имени* (в начальной форме *имя*, где *я* восходит к общеславянскому *-en*); кит. *mó/mí* «макет, модель, форма, шаблон, образец, правило» – рус. (европ.) *модель, макет*; кит. *mò* «молоть, размалывать, быть намолотым, размалываться, измельчаться; мельничный камень, жёрнов, мельница» – рус. *мол-, мел-, мал-*, кирг. *майда* «мелкий, мелочный»; кит. *māo* «мазать, намазывать, наносить (краску), натирать; замазывать, штукатурировать» – рус. *мазь, мазать, маляр* – кирг. *май* «масло, жир, мазь, крем, краска»; кит. *mò* «умереть, скончаться» – рус. *морить, умереть* – кирг. *мерт* «смерть, скоропостижная смерть, кончина», *морт* «хрупкий, ломкий»; кит. *mò* «молчать, безмолвствовать, молча, молчаливо; без слов, в уме, про себя, не подавать голоса, беззвучно, безгласно, тихо, без шума; молчание, безмолвие» – рус. *мол-* (*молчать*) – кирг. южн. *моо* «тихий, молчаливый»; кит. *mòtò* «молча, без слов, беззвучный» – кирг. *момойгон* «прикидывающийся смиренным, тихим, послушным»; кит. *móu* «мычать, мычание» – рус. *мычать* – кирг. *мөөрөө* (звукоподражание); кит. *mǐ* «мыть, обмывать, мыть

голову, купаться в, обливаться» – рус. *мы-, мой-*; кит. *тì* «могила, захоронение» – рус. *могила (мог-)*. Китайские инициальные слоги на *м-* открытые, за исключением двух случаев, и соответствуют русским слогам с конечными согласными *-х, -з, -л, -д, -р, -г* и т.д. Можно предположить **наличие этих звуков в древнем языке, которые исчезли, вероятно, под действием законов открытого слога и рифмования на почве китайского языка.**

В русском языке есть частицы-предложения. Они нередко образуют отдельные предложения. Это – слова *да* и *на*. Им соответствуют в ханью такие же простые слоги, как они сами. Китайское *ná* имеет значение «брать, получать, хватать, держать, ловить, покупать, владеть, держать в руках» и слог *nà* – значение «брать, получать, прятать, принимать, возвращать, взымать, собирать, пользоваться». Эти значения включает в себе и русская частица *на*, употребляемая всегда в повелительной форме с императивной интонацией.

Аналогичную функцию выполняет и частица *да*, произносимая всегда утвердительно с интонацией положительной реакции на тот или иной стимул. Китайский слог *dá*, такой же открытый и простой, как русская частица-предложение, употребляется в различных ситуациях общения, выполняя в речи номинативную функцию, и передает значения «отвечать, давать, отзываться, откликаться, отвечать согласием, соглашаться, соответствовать; ответ, ответный».

Эти и подобные примеры позволяют сделать вывод о том, что **славянские и сино-тибетские этносы тесно контактировались именно в тот период, когда первобытно-общинные их предки общались между собой преимущественно с помощью жестикულიции в сопровождении немногочисленных малоинформативных междометий.**

Славяно-синские соответствия могут быть обнаружены и в следующих параллелях: 1) кит. *chǎn* «рожать, метать (икру), класть (яйца), производить, породить, давать начало, быть источником, рождаться на свет, брать начало; роды, рождение, возникновение, родина» – рус. *жена*, др.-инд. *janis*, греч. *gune*, лат. *genus* «женский» [7, с. 145]; кит. *chǎo* «калить, сушить, поджаривать; поджаренный, каленый; жарить в масле, тушить, жареный, тушеный» – рус. *жар-* (*жар, жаровня, жаркое*); ср. также: кит. *chìrè* «жаркий, пылающий, раскаленный, горячий, пылкий, страстный»; кит. *chī* «есть, кушать, вкушать; пить, глотать; кормиться, питаться, получать пропитание, лакомиться, обжираться; пища, еда, съестное» – рус. *йэ-* (*ем, ешь...*), *жр-/жир-* (*жрать, обжираться*) – кирг. *ич-* «есть, пить», кирг., каз. *же-* «есть, кушать», узб. *ич-* «есть, пить», *йэ-* «есть, кушать»; кит. *соу* «собираться, сходиться, стекаться (вместе); собирать, накоплять» – рус. предлог *с/со* и префикс *с/со-*; кит. *dào/dǎo* «ступать, наступать на, ходить, идти по стопам, следовать; топтать, притопывать (в танце)»; *дио* «топать ногами» – рус. *топ-* (*топот*, др.-рус. *тепу* «ударяю ногой») – кирг. *теп-* «толкать ногой», *тебуу* «лягать, бить ногой», *тепки* «удар ногой, пинок»; кит. *dǎo* «доходить, доезжать, прибывать, достигать», *dào/dao* «к, до, в, на, под, перед, за, внутрь,

наружу; налево от, направо от, к востоку от, к западу от, к тому времени как, до конца, до предела» – рус. предлог *до*, приставка *до-* – кирг. *дей-* (*дейин*, *дейре* «до, до того»); кит. *dī* «дно, низ, основание» – рус. *дно* – кирг. *тун* «дно, низ, основа»; кит. *duì* [дуэй] «пара, чета, комплект из двух парных предметов, пополам» – рус. *два* (лат. *duo*, англ. *two* и т.д.) – кирг. *түгөй* «пара, чета»; кит. *dùn* «варить на пару, тушить» – рус. *том-* (*томить*, *томлёный*), *дым* – кирг. *дым/дем-* (*дымдоо/демдөө* «варить на пару, тушить, долго парить на медленном огне в закрытой посуде»).

Звуковые соответствия в этих примерах подчиняются общим межъязыковым фонетическим закономерностям, имея множество аналогий.

В китайском языке некоторые слоги имеют инициаль в виде звука *ф*-. Этому звуку в русском и киргизском языках в позиции анлаута соответствует звук *б*-: кит. *fá* «не хватать, доставать, не иметь, испытывать недостаток; отменять, аннулировать, уничтожать; недостаток, нехватка, отсутствие», *fěi* «не быть, не ест, это не, не являться, без, не, вне, не иметь, недостаток, отрицать, не-, без-, анти-, а-» – рус. предлог *без*, приставка *без-/бес-* (*fàwèi* «безвкусный, пресный, неинтересный, бесцветный, *wèi* «вкус, привкус, вкусовой»; *fěifǎ* «незаконный, неоправданный, вне закона, без закона», *fǎ* «закон» – кирг. *бей-* (*бейжай* «непутевый, неладный, беспорядочный, неприятный»; *бейжооп* «безответный, без ответа, без разрешения, без позволения»); кит. *fǒu* «нет! или нет! не, не ест, не являться; не иметь, быть без, отрицать» – рус. *без*, *без-/бес-* – кирг. *бей-* (при имени), *-ба*, *-бе*, *-бо*, *-бө*; *-на*, *-не*, *-но*, *-нө* (*айт-на* «не говори», *бар-ба* «не иди» и т.д.); кит. *fù* «богатый, состоятельный, зажиточный, содержательный; богатеть, жить в богатстве (в изобилии), обогащать, приносить богатство; богатство, изобилие, довольство, благополучие; источники богатства, ресурсы» – рус. *бог-* (*богатый*, *богатеть*, *обогащаться*) – кирг. *бай* «богатый, богач, зажиточный, состоятельный», *байлык* «богатство, зажиточность», *баюу* «обогащаться, становиться богатым».

Известно, что звук *ф* в русском и других славянских языках – это новообразование, в тюркских – тоже.

Сино-китайские соответствия мы находим и в лексемах с начальными заднеязычными, в частности в слогах на *г*-: кит. *gǎo* «говорить, объявлять, обращаться к, уведомлять, сообщать, доносить; обращение, сообщение, донесение, просьба» – рус. *гов-* (*говорить*, *говор*) – кирг. *кеп* «слово, речь, сообщение, разговор», *кеп салды* «говорил, сообщил»; кит. *gē* «резать, разрезать, отрезать, срезать, прирезать, косить, жать; урезать, скосить; делить, разделять», *gè* «кусок, часть, обрывок, обломок» – рус. *кос/кус-* (*коса*, *косить*, *кусок*), тохар. *kas* «резать», латин. *castro* «обрезаю» – кирг., тув., туркм., узб., каз. *кес* «режь, отрежь, разрежь», татар. *кис* тоже; чуваш. *кас-* «резать», в разных тюркских языках *кесек/кесим/кесик* «кусок, отрезок, комок», монг. *кесег* «кусок», монгол. *кизаг* «кусок» и др. [8, с. 28-30]; кит. *gōu/kòu* «канавы, арык, канал, ров; овраг, лощина, ложбина, проток; траншея, окоп, колея, вмятина; борозда, желоб; обвести рвом, отделить канавой/бороздой»; кит. *huò/hè* «пропасть, канава, кювет, городской ров» – рус. *коп-* (*копать*, *окоп*) – кирг.

коо «ложбина, ущелье, желоб», коол «желоб, колея, проток», көөлөө «рыть, копать, рыть траншеею, копать ров»; кит. *gòu* «покупать, скупать, подкупать; покупка, купля, закупка» – рус. *куп-* (*купить, купец, купля*); кит. *huàng/guàng* «бешеный, злой, свирепый, грубый, жестокий, варварский» – рус. *кабан* – кирг. *каман* «кабан, злой/грубый человек», *кабаанак (ит)* «злая (собака)»; кит. *guō* «котел, кастрюля, котелок; паровой котел, резервуар, вместилище» – рус. *кот-* (*котёл, котелок*), *казна* – кирг. *казан* «котел», *казына* «сокровищница, казна»; кит. *gōu* «крюк, крючок, крюкообразный; серп, серповидный, скрюченность» – рус. *кр-* (*крюк*) – кирг. *кайыр-* «гнуть» (*кайырмак* «крючок, удочка», *кайкач* «загнутый назад», *кайрылыш* «поворот»); кит. *gòu* «хватать, быть достаточным, иметь в полной мере, обладать полностью, достигать нужного количества, достаточно, довольно, вдоволь, сверх меры, в полной мере, вполне, совсем» – рус. *коп-* (*копить, накопление*) – кирг. *көп* «много», *көбөйтүү* «умножать, размножать, умножение, размножение», *көбүнчө* «во многом»).

В некоторых инициалах мы находим соответствия на $h = k$: кит. *hú* «кувшин, чайник, фляга, сосуд с горлышком, тыква» – рус. *кувшин* – кирг. *кумра/кумура* «глиняная корчага с узким горлом, бурдюк с горлышком из верблюжьей кожи (для приготовления кумыса или айрана)»; кит. *huǐ/huì* «раскаиваться, сожалеть, исправлять свои ошибки, испытывать угрызения совести, питать раскаяние (сожаление); раскаяние, сожаление, ошибка, небольшой проступок» – рус. *кай-* (*каяться, раскаяние*) – кирг. *кай-* (*кайгыруу* «печалиться, раскаиваться; печаль, раскаяние», *кайналактоо* «смущенно проводить глазами, смущаться, испытывать чувство неудобства и совести, вертеться виновато»).

В ряде примеров мы обнаруживаем в начале слов звуки $n = b$: кит. *páng* «бок, боковина, обочина, край, сторона, находящаяся сбоку, соседний, близлежащий, близкий сбоку, боком, по ходу дела; боковой, сбоку, со стороны, опора, поддержка», *bāng/páng* «близиться, приближаться к, дело идет к, около, вблизи, близко к»; *páng* «возле, около, у, при» – рус. *бок/боч-* (*бок, сбоку, боковой, бок о бок*); кит. *páo* «бегать, бежать, скакать, нестись, лететь, бешено мчаться, быстро вращаться, убегать, уходить, обращаться в бегство, пускать в бег, мчать, гнать, катить, разносить, развозить» – рус. *бег-/беж-* (*бег, бежать, бегу*); кит. *pí* «подходящая пара, чета, быть равным, быть в одном ряду» – европ. *би-* «два, пара» (*билингвизм, бином*); кит. *pī* «бить, биться, ударять»; *pī* «бить, ударять, побить, хлопать, похлопывать, прихлопнуть, резко, рывком» – рус. *би-/бей-* (*бить, побей*). В некоторых случаях мы имеем дело с соответствием $p = p = b$: кит. *pào* «пузыри, пена, пузырь; волдырь, альвеола; выпученность, вздутие, припухлость, разбухший (припухший); рыхлый, дряблый, неплотный, пористый, пышный, воздушный (о хлебе), ячеистый» – рус. *пуз-, бух-, пыш-* – кирг. *борпоң/порпоң* «пористый, неплотный, рыхлый»; *булчугуй* «вздувшийся, надутый», *булут* «облако, туча»; кит. *péi* «сопровождать, находиться при, прислуживать, обслуживать, занимать второе место, второй, второстепенный, дополнительный, составить компа-

нию в, помогать, сопровождать, помощник, ассистент» – рус. *най* в значении приложения (*най-мальчик* «помощник-мальчик, исполнитель-мальчик», *най* «доля отдельного участника», *на паях* «вместе с кем-либо») – кирг. *най* «второй, дублер, спутник, партнер, помощник»; ср. имя *Рыспай*: *ырыс* «счастье» + *най* «спутник».

Китайский звук *q* [*тс = ц*] соответствует русскому *ч* и *т/д/с*: кит. *qí* «необыкновенный, необычный, странный, причудливый, поразительный, чудесный, выдающийся; удивляться, поражаться, изумляться» – рус. *чуд-* (*чудо, чудесный*); кит. *qīān* «тысяча, тысячный, несметный» – рус. *тысяча*; кит. *qīān* «тянуть, тащить, притягивать, подтягивать, втягивать, тянуть назад, стягивать швом» – рус. *тян-, тяг-*; кит. *qián* «деньги, монета», *qiāng* «деньги» – рус. *деньги*; кит. *qiē* «резать, нарезать, разрезать, рассекать, резной» – рус. *сек/сеч-*; ср. *qiēkǎi* «отрезать, нарезать, разрезать, рассечка», *qí* «свой» – рус. *свой*. Как видим, звук *q* [*тс*] имеет соответствия в виде *ч* и дентальных.

Звук *s* в китайских слогах соответствует звуку *с* в русском: кит. *sēn* «лес, чаща, густой, во множестве, темный, в тени» – рус. *сень* «покров, полог; укрытие, образуемое кронами деревьев, их ветвями и листьями; навес, кров»; *siǒ* «сосать» – рус. *сос-* (*сосать, соска*); *sī* «разорвать, разодрать, рвать, порвать, вырвать», *sīlè* «разрывать, раздирать, отрыв, насильственное разъединение» – рус. *сил-* (*сила, сильный*); кит. *sūn* «внук, правнук, прямой потомок (по мужской линии)» – рус. *сын*; кит. *suǒ/cù* «сжимать, сжиматься» – рус. *сок* и *жа-/жим-* (*жать, сжимать, нажим*) – кирг. *сык* «сжимай», *сыгуу* «сжимать, выжимать», *сыгынды* «выжимки». Звук *sh* в начале слова соответствует русским *с, ц* и *ш*: кит. *shā* «царь, царский» – рус.-иран. *шах*; *shā* из *shah* по принципу открытого слога; *shāi* «просеивать, нацедить, сеяться, сыпаться, моросить; сито, решето грохот» – рус. *сей-, сын-, сит-*; в связи с соответствиями *sh* интересны некоторые другие примеры, например слог *chí/shí* «есть, принимать пищу, кушать». Начальному звуку в этом слоге в тюркских и славянских языках соответствует *й* и *ж*: узб. *йэ* «есть», рус. *йэ* «есть», кирг., кара-калп., каз. *же* «есть»; кирг., узб. *ич* «есть, пить», каз., кара-калп. *иш* «есть, пить». Местоименная связка *shì* в конструкциях связочного сказуемого часто не переводится и передается по-русски словами *это, есть, суть, быть, являться*. Она фонетически напоминает киргизское *ушу/шу* «это, эта, этот (ближайший)». В этом контексте сравнений внимания заслуживает и слово *shǐ* «жара, зной, жаркий, разгар лета, лето, летний» – рус. *жар* – кирг. *жай* «лето», казах. *жаз* «лето», узб. *йаз* «лето»; *shū/sū* «жидкий, редкий, неплотный, разреженный; жидко, мало» – рус. *жид-* (*жидкий, жидкость*) – кирг. *суй-, сай-, сей-, саяң* «жиденький, редкий (о растительности)», *сейрек* «единичный, редкий, нечастый», *суюк/суйдаң* «редкий, реденький, жидкий», русское *жид-* фонетически соответствует первому варианту, киргизские – второму. В другом примере мы имеем *sh = ш* и *sh = ч*: *shù* «быстрый, поспешный, мгновенный; быстро, поспешно, мгновенно» – рус. *шустрый* – кирг. *шып* «быстро, мгновенно, сразу». Ср. также: *sh = ч/ц* в примерах *shuā* «щетка, кисть, чистить, скрести, тереть (щеткой)» – рус. *чис/чищ-, щет-* (*щетина*,

щетка) – кирг. *шыба-* «штукатурить, мазать»; кит. *shàng* «подниматься, восходить на, вздыматься, залезать, влезать, направляться вверх, повышаться, отправляться к, пускаться в путь», *shēng* «подниматься, восходить на, продвигаться по служебной лестнице, получать повышение» – рус. *чин* (*чинно, чиновник*) – кирг. *чен* (*чендүү* «имеющий чин», *чен* «чин, погон, эполеты, знаки отличия»); последние примеры из русского и киргизского языков возможно заимствованы из ханью; кит. *shuāng* «два, оба, пара, ровня, достойный соперник, равный партнер; двойной, парный, удвоенный» – рус. *чёт* (*четный*) – кирг. *жуп* «чёт, пара, четное число», *жуп эмес* «не пара». Конечные согласные в последних примерах не имеют аналогов.

Анлаутное *m* также находит аналогии в ханью и русском языке: кит. *tā* «он, она, оно»; *tā/tiō* «оно, другое, остальное», *tā/taō/te* «он, оно, его» – рус. *m-* (*мол, ма, мо*), глагольное окончание *-m* «он, оно, она»; *tārén* «другие, другое место, другой человек; чужой, посторонний, незнакомый» – рус. *друг-* (*другой, друг, дружить*); кит. *tái* «ворох, охапка, ноша, бремя» – рус. *тюк* – кирг. *май* «кипа, тюк, связка, охапка, тюк ваты, кипа табака»; кит. *tǎng* «течь, стекать, капать, сочиться, лить, проливать (о слезах), мочить, промачивать» – рус. *ток-/тек-/теч-* (*ток, течёт, течение, течь*) – кирг. *төк* «выливай, сливай, высыпай», *жашын төгүп* «проливая слезы»; кит. *tóng* «медь, латунь, бронза, медный, латунный, бронзовый» – рус. *деньги* (см. также кит. *qiǎng* «деньги») – кирг. *теңге* «рубль, 20 копеек (южн.), серебряная монета в один рубль или 50 копеек»; кит. *tóu* «голова, прическа, вершина, верхушка, верх, головка» – рус. *темя-* (*темя, теменный*) – кирг. *төбө* «макушка (головы)», *төбө/дөбө* «холм, вершина, холма», *төпү/допу* «тюбетейка», *тебетей* «шапка с высокой тульей».

В ряде слогов инициально выступает звук *w*. Ему соответствует чаще всего звук *б-*: кит. *wéi/wēi* «опасный, угрожающий, гибельный; опасность, опасная угроза, опасное положение, беда, гибель, смерть; подвергаться опасности, быть в угрожающем положении; считать опасным, бояться, опасаться, остерегаться, беспокоиться» – рус. *бой-* (*боюсь, боязь*), *бед-* (*беда, бедность, бедствовать*), кит. *wài* «внешняя сторона, наружная сторона, место вне дома, место вне своей деревни; внешний, наружный, снаружи, на стороне, извне; чужой, посторонний, зарубежный, заграничный, внештатный, вне штата, побочный; вне, за, за пределами, сверх, кроме, не считая, вне-, эпи-, пери-, энто-, экзо-, экстра-» – рус. предлог *без*, приставка *без-/бес-* со значением отрицания – кирг. *бей-* со значением отрицания (*бейбак* «несчастный», *бейтартип* «недисциплинированный, без дисциплины»).

Сравнение *fei* «не, нет, без...» – *без* – *бей* подтверждает более отдаленные связи ханзу, славян и тюрков (киргизов).

Китайские *wáng* «князь, царь, король, император, государь, монарх; княжеский, царский, королевский; правитель, глава, главарь, вожак (у животных)» и *wàng* «царствовать, княжить, устанавливать власть (над территорией, возвыситься, возвеличиваться)» сравнимы со словами: рус. *вой-* (*воевода*) и кирг. *бек* «властитель (после хана), правитель, предводитель», тур. *бей*

«господин»; кит. *wēi* «престиж, авторитет, влияние, достойный уважения; авторитетный, внушительный; сила, мощь, величие, могущество; могущественный, величественный; угрожать, устрашать, угнетать, угнетание» – рус. *бог-* (*богатый, богатырь*) – кирг. *бай* «богатый», *баатыр* «богатырь»; монг. *батор* «богатырь»; ср. кит. *bǎ* частица в значении «бай, почтенный, господин»; кит. *wéi* «являться, быть, представлять собою, состоять/быть в качестве, служить, означать, значит, это; становиться, проявляться, делаться, заниматься, делать; в качестве, в роли, как», *wéi* «являться, быть, становиться»; *wò* «держат (в руке), носить (в руках), с предметом (в руках), хватать (рукой), брать (в руку), горсть пригоршня» – рус. *бы-* (*быть, был, бы*) – кирг. *бол-* (*бол* «становись», *болот* «является, есть, делается»); кит. *wǐ* «пять, пятый, в-пятых, пятикратный, в пять раз, пятью» – рус. *пять* – кирг. *беш*. Ср. в других языках, например, «пять» в дагестанских: рутул. *фуд*, лезг. *вад*, агул. *ифаьд* и др.; «рука» в этих языках: гун. *быцу*, гин. *мецу*, ботл. *реъа, реа*, анд. *рела*, ахв. *remla*, авар. *patla*, цез. *мецлу* и пр.; в авар. *рукъI* «рука» напоминает русское *рука*.

В ханью немало слогов с инициальной на *x* [с]. Им соответствуют русские и киргизские слова, начинающиеся с звука *с-*. Приведем отдельные примеры: кит. *xī* «колоть, разрубать, расщеплять, разламывать, делить, разделять, разлагать, разбирать на (части), анализировать; расходиться, рассыпаться, распадаться, делиться, расходиться, не иметь единства» – рус. *сек-/сеч-* (*секира, рассечь*) – кирг. *сок-* (*согуу* «рубить, разрубить», *согуш* «война, сражение», *согум* «убоина, животное, предназначенное на убой»); кит. *xí* «циновка, рогожа, мат; большой, широкий, просторный» – рус. *циновка*; кит. *xí* «новья, поднятая целина, низкая (заболоченная, сырая) местность, топь» – рус. *сыр-* (*сырой, сырость*) и *цел-* (*целый, целина*): *xī* «солнце, солнечный свет, светносный, лучезарный» – рус. *сол-* (*солнце, солнечный*); *све-* (*светить, рассвет*); кит. *xī* «рассветать, светить, сиять, рассвет; прожаривать, коптить» – рус. *све-, сий-* (*светит, сиять*); кит. *xīā* «слепой, кривой, одноглазый, вслепую; потерять (зрение, глаз), ослепнуть, окривить»; *xīāzī* «слепой, слепец» – рус. *слепой, слепец* – кирг. *сокур* «слепой, слепец, одноглазый»; возможно, последнее состоит из двух частей: *со* < *ся* «слепой» + *кур* < *көр* «видеть, смотреть»; кит. *xīāng* «звук, шум, тон, зонд; эхо, отголосок, подражатель, подражание; шумный, шумливый, галдящий, шумящий» – рус. *звон/звук* (-н и -к из -нг, з = с, во/ву из *iǎ*) – кирг. *заңк* подражательное слово; *заңк этти* «прозвенел (один раз)», *заңк-заңк этти* «прозвенел (многократно)»; кит. *xīào* «свистеть в, насвистывать в» – рус. *свист* (*iào = ви*); кит. *xiàn* «сиять, блестящий, сверкать, слепить; блестящий, сияющий, ослепительный» – рус. *сий-, све-* (*сиять, свет, сверкать*); кит. *xīā* «широко раскрытый, разинутый (рот), разверстый, зияющий, широкий» – рус. *зий-, зев-* (*зиять, зияние, зевать*). Соответствие *iā = ий/ев* в финали слога отмечается в целом ряде примеров с другими инициалами.

Инициальный звук *й-* тоже находит соответствие в русском языке: *yào/уиè* «солнечный свет, блеск, отсвет; светило, озарять, сверкать, ослеп-

лять, светлый, яркий»; *yào/yuè* «сияющий, сверкающий, блестящий, яркий, ясный; сверкание, блеск, яркость; сверкать, сиять, блестеть, освещаться, озаряться; быть ослепленным ярким светом, слепить, ослеплять (о свете)» – рус. *ярк-* (*яркий, яркость*) – кирг. *жарк* светоподражательное слово, выражающее мгновенность неожиданно появившегося света, блеска; *жарк этти* «вдруг блеснуло», *жаркын* «светлый, лучезарный»; кит. *yí* «ранить, страдать от раны» – рус. *яз-* (*язва, язвить*) – кирг. *жара* «рана, язва, болячка», *жаруу* «колоть, раскалывать, резать, задрать, загрызть»; *yí* «ярко освещающий, яркий» – рус. *ярк-* – кирг. *жарк* (см. выше); рус. *yīng* «младенец, новорожденный, грудной ребенок», *yīngér* «младенец, новорожденный, дитя, детский» – рус. *юн-* (*юный, юность*), латин. *junior* «младший», нем. *junge* «мальчик» и др. Кит. *yǒu* «союзник, сторонник, друг; компания, содружество, союз; дружественный, союзник; связь, отношение, причастность, участие, касательство; вступать в союз с, присоединяться к, примыкать к, завязывать (иметь) дружбу с, быть союзником, быть заодно с, солидаризироваться с, быть связанным с, участвовать в, принимать участие в, присутствовать на, совместно с, вместе с, вместо, в помощь, в пользу, с, к, для, ради» – рус. *йуз-* (*союз, союзник*) – кирг. *йуз/жуз-* «сторона, берег, лицо» (*өйүз-бүйүз* «и та, и другая сторона чего-либо, оба берега реки, обе стороны дороги»), *жак* «сторона» (*жактоо* «держат чью-либо сторону, быть сторонником», *жактык* «находящийся на чьей-либо стороне, сторонник, союзник»); кит. *yǔ* «жить, проживать (временно), приютиться, найти пристанище (на чужбине), приютившийся, временно живущий; обитать, содержаться, заключаться, таиться; поселять, давать пристанище, содержать, таить в себе; жилище, квартира, помещение» – рус. *ют-* (*приютиться, приют*) – кирг. *жашоо* «жить, проживать, приютиться», *жашатуу* «позволить жить, проживать, временно поселять, давать пристанище»; кит. *yǔn* «вращать, вертеть, поворачивать, совершать кругооборот; вращаться, кружиться, поворачиваться; кругооборот, чередование» – рус. *йун* (*вьюн* [в'йун] «разновидность рыбы, непоседа, вертящийся человек»); *вьюга* [в'йугъ] «метель, буран» – кирг. *оюн* «игра, (в говорах) танец, пляска»; кирг. - *йун* (*ку-йун* «вихрь, смерч»; оно, вероятно, состоит из слов *кй* «мучиться, страдать, бояться, причинять страдания, мучить; мучение, муки, невзгоды, горе, несчастье, печали») плюс *yǔn* «вращать, вертеть...», т.е. мы склоняемся к выводу о том, что слово *куюн* «вихрь, смерч» имеет китайское происхождение, а корень *йу/йун* мы находим и в русских словах *вьюн* [в'йун] и *вьюга* [в'йугъ] в сочетании с приставкой в первом слове и между приставкой и суффиксом во втором.

Китайские слоги с инициальной *z-* имеют соответствия в виде дентальных *з* и *с* в русском языке: кит. *zé/zuò/zhà* «грызть, кусать, прикусить» – рус. *зуб*; кит. *zǐ* «сок, отличный вкус, смачность, смачный, наливать (соком), созревать, давать плоды» – рус. *сок/соч-* (*сочный, сок*); кит. *zāo* «гниться, портиться, гнилой, порченный, подвергать гниению, болезненный, трухлявый, непрочный» – рус. *сыр-* (*сырой, сырость*) – кирг. *зак* «сырой, сырость»; кит. *zǐ* «сын, детеныш, плод, семя», *zǐ/jì/cī* «быть сыном, являться потомком, вести себя как подобает сыну (потомку), считать сыном» – рус. *сын*; кит. *zì* «сам,

лично, самолично, по собственному желанию, сам из себя, самостоятельно, сам себя, себя, сам собою, сам по себе, особо» – рус. *сам, себ-/соб-*. А инициаль на *zh-* выступает эквивалентом звуков *й-, ж-, ш-* русского языка: кит. *zhāo* «яркий, светлый, ясный, сияющий, ясный, явный, очевидный, светить, сиять (о звездах, солнце, добродетелях), становиться очевидным, освещать, озарять, заливать светом», *zhào* «светиться, светить, отражаться, смотреться в, освещать, озарять, заливать светом» – рус. *зар-, яр-* – кирг. *жар-, жарк-* (*таң жарыды* «наступила заря»); кит. *zēn/zhēng* «добродетельный, целомудренный, чистый» (о женщине) – рус. *жен-* (*жена, женский, женщина*); *zhī/xié* «жидкость, сок, влага, отвар, соус, подлива, снег с дождем, мокрый снег» – рус. *жид-* (*жидкий, жидкость*); кит. *zhī* «смазывать жиром; жир, сало (животных); жирный, сальный, крем, помада, румяна, сок (растений), соки, довольство, роскошь» – рус. *жир-* (*жирный*) – кирг. *жак* южн. «масло, жир, крем», *бет жак* «крем для лица», узб. *йак* то же; кит. *zhì* «поджаривать, жарить (на вертеле мясо), подсушивать/сушить/греть у огня; поджаренное мясо, жаркое» – рус. *жар-* (*жарить, жаркое*); кит. *zhù* «проживать, обитать в, иметь постоянное жительство; проживать временно; поселять, заселять, расквартировать» – рус. *жи-/жив-* (*живу, жизнь*) – кирг. *жаши-* (*жаши* «год, жизнь, молодой», *жашоо* «жить, проживать, существовать»); кит. *zhī* «шило, толстая игла, пробойник; заостренный, острый, конический (заостренный) предмет, колоть, прокалывать» – рус. *ши-* (*шить, шило*) – кирг. *шибега* «шило», *шөкулө* «женская тибетейка конической формы».

Таким образом, мы видим, что славянские согласные в позиции анлаута находят различные соответствия в начальной части китайских слогов. Финальная часть в сино-русских слогах тоже имеет общие признаки, объяснимые при помощи основных тенденций ханью, приведших его к отдалению от прежде родственных языков.

Финальная часть слогов рассматриваемых языков тоже имеет много общих черт. Здесь только отметим, что открытые слоги китайского языка на русской почве соответствуют слогам с конечными дентальными *-з* и *-с*, на киргизской – с конечным *-й*: кит. *tò* – рус. *мазь* – кирг. *май*, кит. *wú* «нет, без, отсутствие, не» – рус. *без* – кирг. *бей-*, кит. *wéi* «высота» – рус. *выс-, вз/вс/воз/вос-* (*высота, взлет*) – кирг. *бий(ик)*, кит. *kuí* «промежуток между бедрами, лежки, бедра» – рус. *гуз* (*трясогузка, подгузник*) – кирг. *куй-рук* «хвост» и т.д. Ср. еще в дагест. яз.: табасаран. *къас-къас* «хвост», *къуцI-къуцI* «хвост козы» и рус. *куцый* «бесхвостый» [6, с. 44]. В данном случае мы имеем закономерные соответствия в трех языках, что само по себе подтверждает наше предположение о ностратической принадлежности сино-тибетской и тюркской семей языков.

Приведенный выше сравнительный материал позволяет нам с уверенностью говорить о том, что русский, китайский и киргизский языки как представители трех суперэтносов – индоевропейского (славянского), сино-тибетского и тюркского – имеют много общих корневых морфем. Многие из них, на наш взгляд, являются не заимствованиями, а рефлексиями и трансформами древнейших слов.

Список литературы

1. Большой китайско-русский и русско-китайский словарь / Сост. Левина О.В. – 2012. – 960 с.
2. Зулпукаров К.З. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии и некоторые проблемы ностратических этимологий // Внедрение новых технологий в учебный процесс как средство повышения качества обучения. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Ош, 1994. – 120-123 с.
3. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016. – 768 с.
4. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Протеза в киргизско-китайских лексических соответствиях // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. – М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307-312.
5. Зулпукаров К.З., Зулпукарова А.К. О генезисе и развитии личных местоимений в ностратических языках // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. – М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 284-293.
6. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. – М., 1981. – 381 с.
7. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка (совм. с др. авторами). – М., 1975. – 628 с.
8. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. – М., 1965. – 115 с.

**БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

Кожеевникова Л.П.

доцент кафедры междисциплинарных исследований
в области языков и литературы, канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье предлагается рассмотрение одной из знаковых русских грамматических категорий безличности в качестве одного из аспектов преподавания русского языка как иностранного. Автором приводится возможная схема подачи материала в иностранной аудитории, которая владеет языком на продвинутом уровне. Подробный список собственно безличных глаголов и глагольных форм, часто употребляемых в бессубъектных конструкциях, позволит преподавателям дополнить занятия по русскому языку новыми темами.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, продвинутый этап обучения, грамматика, безличность, глаголы.

Грамматика как аспект преподавания остаётся одним из важнейших в методике русского языка как иностранного, тем более что существует не так много учебных пособий для иностранных студентов-стажёров высокого уровня владения русским языком. Таким образом, за границами в изучении русского синтаксиса в преподавании остаётся большой пласт русской грамматики, а именно: так называемые предложения без подлежащего – опреде-

лённо-личные, неопределённо-личные, обобщённо-личные, безличные. Редкие учебники русского языка как иностранного обращаются к этим темам [2, с. 57].

Как известно, русский язык характеризуется наличием безличности, каковая по мнению Н.Д. Арутюновой, относится к «фонду свободной грамматики» [1, с. 794], это значит, что употребление конструкций с неизвестным субъектом выбирается говорящим, а не обязательно диктуется языковой системой. Активность бытования безличных конструкций в русском языке подтверждается большим количеством образований, основанных на употреблении личных глаголов в безличном качестве. Отметим хотя бы в таком выражении глагол *нести*, который может через словообразовательные модели представить большое многообразие безличных высказываний: Лодку отнесло ветром к берегу, Куда меня занесло, подождите, Куда вас несёт на эти рифы и подобные.

Системность преподавания диктует следующий порядок представления безличных конструкций: 1) рассмотрение списка имеющихся в русском языке безличных глаголов, 2) формирование безличных высказываний с различными актантами, 3) выделение «личных» глаголов, максимально часто участвующих в формировании безличных конструкций, 4) изучение инфинитивных предложений с различными значениями, а также с отрицательными местоимениями и наречиями (негде, некуда, не о чем и подобными, если принять инфинитивные предложения в «круг» безличных, хотя бы в целях преподавания).

В качестве языковых безличных глаголов студентам-стажёрам предлагаются следующие: 1) по отношению к природе, погоде: вечереть/свечереть/повечереть, светать/рассветать/рассвести, смеркаться, холодать/похолодать, теплеть/потеплеть, морозить, моросить, сквозить, парить, штормить, дождить; 2) по отношению к физическому или психологическому состоянию человека: тошнить/вытошнить, рвать/вырвать, знобить, першить, лихорадить, саднить, легчать/полегчать, разить, мутить, коробить; 3) по отношению к неконтролируемому состоянию человека: хотеться, верить-ся/повериться, думаться, дышаться, сидеться, спаться, работаться, писаться, читаться, нездоровиться и другие, 4) обособленные словоформы, маркированные различными модальными нюансами: удаваться/удаться, приходиться/прийтись, нравиться/понравиться, надоедать/надоесть, требоваться, следовать, стоить, разрешаться, позволяться, предстоять, понадобится, подлежать, подобать, пригодиться, полагаться, (не)годиться.

Не выявлено трудностей в составлении предложений с группами 1 и 2 после анализа моделей употребления и синтаксического рассмотрения актантов высказывания. Однако при изучении группы 3 появляется неверное истолкование контекста употребления: Мне не работается, Мне не думается и подобных. Студентами не оценивается и не воспринимается отрицание ситуации, в которой субъект не волен над своими действиями, а именно: возможно, деятель и хочет думать, но нечто не позволяет ему делать желаемое.

Наше русское мировоззренческое понимание не даёт нам ответа на вопрос, кто же не желает, чтобы субъект был деятельным или, наоборот, не производил какого-либо действия. Англоязычные студенты обычно истолковывают указанные высказывания как «субъект не хочет делать то или иное». Также необходимо в иноязычной аудитории акцентировать внимание на том, что обычно глаголы типа думаться, дышаться и подобные употребляются в ситуации негативного характера. Замечателен и тот факт, что с адвербиальными уточнениями: Здесь дышится хорошо, В твоём офисе отлично работается – высказывания отражают ту неконтролируемую ситуацию, которая обозначена введённым наречием, обычно последнее необходимо для обозначения позитивного отношения к реальности.

В группах студентов продвинутого уровня владения русским языком необходимо представить следующую группу безличных глаголов: вздуматься, заблагорассудиться, приводиться/привестись, угораздить, доводиться/довестись, приспичить, неможется, неймётся (2 последних указаны не в инфинитивной форме). Выявляются синонимические конструкции с указанными глаголами, а также их стилистическая маркировка.

Группа № 4 – глаголы, маркированные определёнными модальными нюансами – требуют объяснения с точки зрения стиля и сферы употребления, а также включения их в общие группы слов-связок со значениями: 1) необходимости, нужности, долженствования (Этой организации надлежит рекламировать новую продукцию, Часто детям не полагается знать, что делают их родители и др.), 2) возможности, умения, привычки (Тебе не надоело есть каждый день картошку? Как тебе удалось купить такие дешёвые билеты в Мариинский театр?! и др.).

Самыми трудными для восприятия и анализа являются высказывания с «личными» глаголами в безличной функции: Из окна тянуло сыростью, Молодого бойца ранило осколком бомбы и подобные. Грамматические правила формирования такого предложения усваиваются довольно быстро после рассмотрения большого количества различных моделей. Однако изучение подобных высказываний является трудоёмким собственно для преподавателя в том смысле, что выбор частотных глаголов занимает огромное количество времени. Возможно предложить студентам-стажёрам список таких глагольных слов с большим количеством моделей употребления, а также упражнения, которые позволят студентам самим сформировать безличные конструкции: пахнуть, нести, тянуть, лить, трясти, капать, качать, шуметь, колоть, ломить, плыть, размыть, достаться, укачивать, нагореть, влететь, сморить, веять и некоторые другие.

В аудитории студентов-стажёров с высоким уровнем владения русским языком преподаватель может воспользоваться примерами из литературных текстов или создать собственные модели употребления личных глаголов в безличных контекстах, являясь носителем языка.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.

2. Рогова К.А., Вознесенская И.М., Хорохордина О.В., Колесова Д.В. Русский язык. Учебник для продвинутых: в 4 вып. Вып. 2 / под ред. К.А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2015. 288 с.

О ПОНЯТИЙНОМ И ОЦЕНОЧНОМ СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА «ОБЫЧАЙ/САЛТ» В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Мадаминова Д.П.

преподаватель секции русского языка,
Ошский юридико-экономический колледж, Киргизия, г. Ош

Абдувалиева Э.А.

преподаватель секции русского языка,
Ошский медицинский колледж, Киргизия, г. Ош

В статье раскрываются понятийно-денотативные и эмоционально-оценочные свойства концепта «обычай/салт» на материале русского и киргизского языков.

Ключевые слова: концепт, семантические слои концепта, обычай, русско-киргизское двуязычие.

Концепт – когнитивное образование. Он существует в уме, в памяти человека, материализуется в языковых знаках. Концепт имеет сложную структуру и выступает как многослойное, многоплановое и полиаспектное мыслительное явление. Его разновидностями являются представление, понятие, образ, фрейм, пропозиция, когнитема, гештальт и т.д., которые отдельно или в различных комбинациях действуют в сознании человека [6, с. 13-24; 5, с. 29-34; 2, с. 38-43; 7, с. 166-187].

Концепт «обычай/салт» в сознании носителя русско-киргизского двуязычия имеет сложное когнитивно-языковое содержание, включая в себя различные слои:

- 1) понятийный слой;
- 2) эмотивно-оценочный слой;
- 3) лексикографический слой;
- 4) этимологический слой;
- 5) словообразовательный слой;
- 6) мифологический слой;
- 7) религиозно-теологический слой;
- 8) ритуально-культурный слой;
- 9) морально-этический слой;
- 10) символический слой;
- 11) правовой слой и т.д. [4, с. 5-6; 1, с. 8-9].

В отличие от монолингва, билингв актуально держит в уме рассматриваемый концепт в виде сложного многокомпонентного ментального образования, синтезирующего опыт и мировоззрение двух этносов, представителей

двух (хотя и исторически взаимосвязанных) культур, языков, ментальностей и религий [4, с.4-5].

Описание всех составляющих концепта, конечно, требует специального исследования. Мы выделим только два слоя – понятийный и оценочный и охарактеризуем их с точки зрения теории русско-киргизского двуязычия.

Понятийное содержание концепта «обычай/салт» в наиболее полном виде представлено в научном сознании. Все признаки концепта в полном объеме известны специалистам по этнологии, социологии, социальной психологии, философии, этнической когнитологии и другим отраслям знания. В обыденном сознании концепт обычая носит расплывчатый характер, имеет приблизительный и нечеткий контур, хотя он формировался, развивался и расширялся на протяжении многих веков, становясь важной частью культуры, психологии и морали этноса.

Научное понятие «обычай/салт» в сознании русских и киргизов имеет идентичное содержание, поскольку представители двух этносов пользовались и пользуются одними и теми же источниками информации на русском языке без перевода или в переводе с русского языка на киргизский (интернет, газеты, теле- и радиопередачи, учебники, труды по этнографии, словари, энциклопедии и т.д.).

Понятие обычая раскрывается в учебной литературе по социологии и этнографии, в научно-популярных изданиях, в энциклопедических, философских, географических, социологических, этнологических и других словарях, в научных сочинениях. Сравнительный анализ существующих определений данного концепта – интересная задача. Мы приведем и прокомментируем его научное определение в известном словаре, где развернуто раскрывается сущность обычая. В «Советском энциклопедическом словаре» мы читаем: обычай – это «стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычным для их членов. Устаревшие обычаи сменяются в процессе исторического развития новыми, способствующими становлению новых, прогрессивных общественных отношений» [8, с. 911]. Это издание переведено на киргизский язык, носителям которого понятно и известно данное определение. В этом определении ключевым является слово *поведение*, потому что без денотатов, без тех реальных действий, в которых проявляется поведение, не может быть речи об обычаях. Но поведение само по себе не является предметом или признаком обычая. Поэтому особо подчеркиваются *стереотипность, привычность и воспроизводимость поведения* в определенных типах общества и социальных групп, а также *сменяемость* устаревших, изживших себя стереотипов и привычек новыми, прогрессивными.

Известно, что понятие – это форма мышления, отражающая наиболее общие, существенные и необходимые свойства, связи и отношения предметов и явлений окружающего мира. В приведенном определении даны именно такие признаки характеризующего социального явления.

Понятийное содержание концепта выступает как исходный слой. Все

прочие слои так или иначе связаны с ним и базируются на нем. Эмоционально-оценочное употребление наименования изучаемого концепта предполагает присутствие понятийного смысла в сознании говорящего. В пословице *У Сидора обычай, у Карпа свой* [2, с. 685] номинант концепта присутствует дважды: эксплицитно – в первой части, имплицитно – во второй части. В паремии содержится мысль о том, что несовпадение взглядов на вещи и события нередко приводит к разногласиям, вражде и противостоянию, вызывает недоразумение у тех, кто является свидетелем «столкновения» противоположных мнений и норм поведения и приверженцем общенародности обычая. В пословице осуждается несоблюдение традиционных правил общежития отдельными людьми или социальными группами.

Рассматриваемая пословица имеет эллиптическое строение. Она может быть развернута путем вставки в нее связки *есть* перед словами *обычай* и *свой*, местоимения *свой* после связки *есть*, существительного *обычай* во второе предложение. В этом случае мы имели бы громоздкую фразу: *У Сидора есть свой обычай, у Карпа есть свой обычай*.

Восстановленный вариант, конечно, лишен лаконичности и образности, воспринимается как искусственное «книжное» образование, но очень понятен носителю киргизского языка. Киргизский язык предполагает перевод, идентичный по составу с реконструированным вариантом русского изречения. В этом языке эллиптические образования почти не встречаются. Киргиз хорошо понимает фразу: *Сидордун өз салты бар, Карптын өз салты бар*, которая доступна его речевосприятию не только по структуре, но и по параллелизму частей предложения: *Сидордун/Карптын* «У Сидора/Карпа», *өз* «свой», *салты/адаты* «обычай», *бар* «есть, имеется». Буквальный перевод пословицы в виде *Сидордо салт, Карпта өзү* сохраняет состав русского изречения, но не соответствует нормам киргизского пословичного синтаксиса, поэтому адекватно не воспринимается носителем этого языка.

В русской пословице возвратно-определяющее местоимение играет важную смысловую функцию, обеспечивая сокращение объема языковых знаков и увеличивая их семантическую нагрузку. Субстантивируясь, оно вбирает в свою семантику значение существительного *обычай*, употребленного в первой части фразы, и выступает как лексическая единица с плотной семантической функцией. Это говорит о том, что местоимение *свой* в пословичном контексте приобрело качество многозначности, обеспечивая лаконизм, смысловую емкость и образность фразы.

Таким образом, понятийное содержание концепта является первичным, исходным по отношению к производным семам. Оно свойственно научному стилю речи. В пословично-поговорочных изречениях доминирует оценочная семантика. Русские эллиптические конструкции переводятся на киргизский язык посредством развернутых синтаксических образований.

Список литературы

1. Айылчиева Д.Т. Константы переменные в провербальном пространстве языка: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Бишкек, 2015. – 22 с.

2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1957. – 991 с.
3. Дрофа Л.И. Ключевые понятия когнитивной лингвистики. – Ош, 2011. – 98 с.
4. Зулпукаров К.З., Дрофа Л.И., Калмурзаева А.А. Концепт Бог в религиозном дискурсе // Вестник Ошского государственного университета. – Ош, 2012. – С. 5-8.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2010. – 314 с.
6. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. Изд. 2-е. – М., 2008. – 176 с.
7. Сабитова З.К. Лингвокультурология. – М., 2013. – 528 с.
8. Советский энциклопедический словарь. Изд. 3-е. – М., 1985. – 1600 с.

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ МИКРОПОЛЯ «СЧАСТЬЕ» (НА КОНКРЕТНЫХ ПРИМЕРАХ)

Савельева А.К.

студентка Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Архангельск

В статье рассматриваются фразеологические единицы, входящие в семантическое микрополе «счастье». Выявление частоты употребления фразеологических единиц с эмоциональным компонентом позволяет определить популярность использования данных лексических единиц с микрополем «счастье» в английском языке, что имеет ценность для лексической системы языка.

Ключевые слова: английский язык, фразеологическая единица, частотность употребления, микрополе.

Английский язык, как и любой другой, наполнен выражениями, которые не следует переводить и понимать буквально. Особенно важно правильное понимание значения для устойчивых выражений, передающих эмоциональное состояние человека. Изучение фразеологических единиц английского помогает почувствовать язык с точки зрения его носителя, позволяет получить новые сведения о стране, из которой они произошли, и, следовательно, способствует более глубокому знакомству с языковыми реалиями. Таким образом, актуальность исследования заключается в том, что фразеологические единицы микрополя «счастье» относятся к эмоциональной сфере, в отдельности от которой невозможно представить язык как целостную систему, поэтому исследование частотности их использования представляет важность для английского языка. Целью исследования является определение частотности употребления фразеологических единиц с микрополем «счастье» в письменном и разговорном языке на примере 13 отобранных нами единиц языка.

Частотность употребления ФЕ (далее – ФЕ) в современном английском языке была проанализирована по данным «British National Corpus» (далее – BNC) и обуславливается объемом корпуса текстов – около 100 миллионов слов из широкого круга источников.

Таким образом, нами было проанализировано 13 ФЕ.

Частотность употребления ФЕ **happy hunting ground** [ODI: 136] (рай, счастливая загробная жизнь) составляет 11 случаев, в основном это материалы газет, журналов и художественная литература. Такая частотность употребления отличается промежуточным положением среди выбранных нами ФЕ.

Другая ФЕ, **happy as a sandboy** [ODI: 136] (жизнерадостный, наслаждающийся жизнью, беззаботный), частотность употребления которой в Британском корпусе составляет 2 случая (художественная литература), используется носителями редко. Этот факт говорит о нахождении данной единицы на периферии семантического микрополя. Однако существуют и другие ФЕ данного микрополя со сравнительным элементом, которые могут употребляться наравне с этим устойчивым сочетанием. Например, *as happy as I (you, he, they и т.д)*, *as happy as a lark (a clam)*. Также на месте изменяемой части может стоять имя собственное – *as happy as Larry*.

Set the heather on fire [ODI: 141] (не находить себе места от счастливо-го возбуждения) Частотность употребления этой ФЕ довольно низкая, 3 случая (художественная литература) (BNC).

ФЕ **in seventh heaven** [ODI: 142] («на седьмом небе от счастья», «опьяненный счастьем») отражена в 9 случаях, в биографиях, новостных отчетах и газетах (BNC), поэтому мы можем сделать вывод, что ее применимость в речи также невысока.

Как и предыдущая ФЕ, единица языка **kick up your heels** [ODI: 142] («отжечь», хорошо проводить время на вечеринке с музыкой и танцами) в Британском корпусе указана в 2-х случаях использования, а именно в художественной литературе, журнале.

Частотность употребления ФЕ **cakes and ale** [ODI: 44] (веселье, беззаботная жизнь) в контексте художественной литературы и критических статей составляет 3 случая (BNC), что говорит о ее периферийном положении.

Следующая ФЕ, **of good cheer** [ODI: 51] (в хорошем настроении, смотреть на жизнь с оптимизмом), отличается средней частотой употребления, по сравнению с другими перечисленными здесь единицами, и составляет – 13 случаев, найденных в художественной литературе, пособиях по изучению английского языка и в научных журналах (BNC).

Устойчивая единица языка **a bowl of cherries** [ODI: 51] (что-то прекрасное, приятное) составляет периферию микрополя, поскольку частотность ее употребления составляет 2 случая (биографии) (BNC).

Несмотря на универсальность значения ФЕ **grin like a Cheshire cat** [ODI: 51] («улыбка до ушей»), частотность употребления этой ФЕ составляет 2 случая, среди которых биография и критическая статья (BNC).

ФЕ, употребляющаяся в неформальном стиле общения – **happy as a flea in a doghouse** [LDCE] («как блоха в собачьей конуре») составляет периферию микрополя, поскольку частотность ее употребления составляет 2 случая (художественная литература, критические статьи) (BNC).

On cloud nine [LDCE] – это ФЕ со значением «на седьмом небе от счастья». Мы можем встретить эту единицу языка в 18 случаях в BNC, а именно

в художественной литературе, в рекламных объявлениях, биографиях и новостных скриптах.

Русский эквивалент ФЕ **walk on air** [CED] – это «не чувствовать под собой ног от радости», «порхать от счастья». По материалам BNC, частотность употребления данной идиомы – 7 случаев – интервью, новостные скрипты, художественная литература.

И, наконец, английская ФЕ **out of this world** [ODI: 318] («нереальное», «невообразимое», «не из этого мира»). Частотность употребления этой ФЕ составляет 50 случаев в художественной литературе, интервью, биографиях, новостных скриптах и журналах (BNC), что говорит о популярности данной единицы как в письменной, так и устной речи.

Выделив частотность употребления ФЕ с микрополем «счастье», покажем на графике наглядные результаты в виде диаграммы (рисунок).

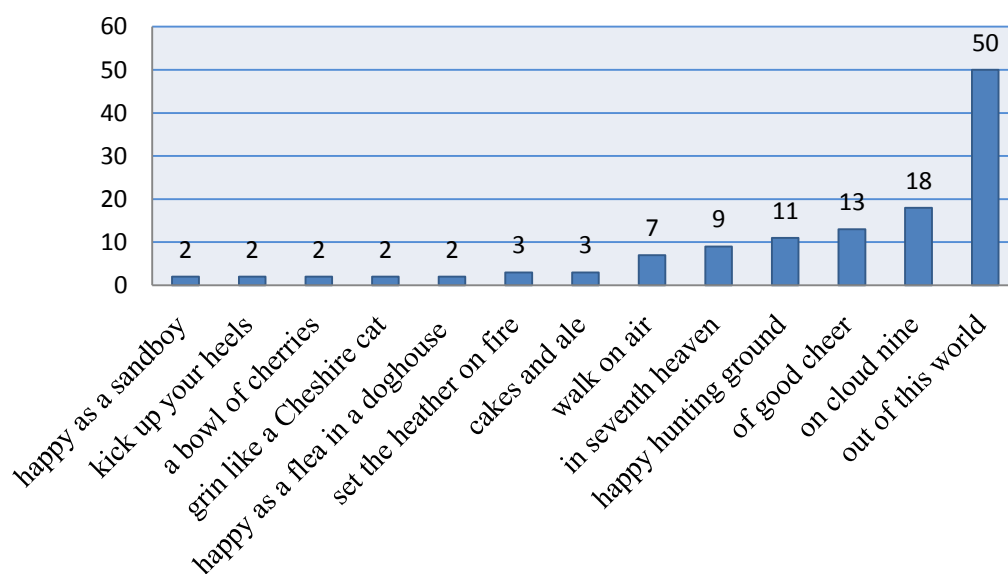

Рис. Частотность употребления ФЕ микрополя «счастье»

Суммируя полученные результаты, следует отметить несколько важных фактов, выявленных в ходе исследования. Во-первых, часть отобранных ФЕ отличаются периферийным положением в микрополе «счастье» английского языка в силу определенной сферы использования (к примеру, *happy as a flea in a doghouse*) или в силу этимологии. Например, *happy hunting ground* – данная ФЕ использовалась американскими индейцами. С другой стороны, это можно объяснить использованием подобных устойчивых воспроизводимых сочетаний с тем же значением, как мы это обозначили ранее в примере с ФЕ *happy as a sandboy*. Во-вторых, в тройке наиболее частых по употреблению ФЕ, оказались устойчивые языковые сочетания, которые в своей сущности являются стилистически неформальными. В-третьих, ФЕ, занимающие промежуточные позиции по частотности употребления в нашем исследовании, имеют, по большей части, дополнительные оттенки значений, чем и обуславливают свое положение в микрополе «счастье». В-четвертых, полученные результаты частотности употребления ФЕ свидетельствуют о том,

что, данные ФЕ используются чаще в письменных источниках, чем в устных. Среди них самым распространенным источником ФЕ с микрополем «счастье» является художественная литература.

Список литературы

1. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc> (Дата обращения: 25.12.2016).
2. Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org> (Дата обращения: 26.12.2016).
3. Della Summers. Longman Dictionary of Contemporary English. – England: Pearson Education Limited, 2003. – 1950 p.
4. Jennifer Toby. The Oxford Dictionary of Idioms Oxford University Press. Second edition. – New York: Oxford University Press Inc., 2004. – 340 p.

ФУНКЦИИ ФИГУР НАРОЧИТОГО АЛОГИЗМА В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.П. ПЛАТОНОВА

Садовников С.А.

преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи, канд. филол. наук,
Нижегородская академия МВД России, Россия, г. Нижний Новгород

Статья посвящена проблеме функционирования фигур алогизма в публицистических произведениях А.П. Платонова. Анализ данных фигур позволяет не только обозначить индивидуальные авторские черты, но и понять общую языковую ситуацию в постреволюционное время. В статье показано, что фигуры нарочитого алогизма имеют как стилистическую, так и когнитивную функцию.

Ключевые слова: алогизм, А.П. Платонов, фигуры нарочитого алогизма, метафора-определение.

Предметом нашего исследования являются фигуры нарочитого алогизма и их функции в текстах А.П. Платонова. В данной статье мы рассмотрим публицистику А.П. Платонова, которая до сегодняшнего времени практически не изучена лингвистами.

Анализ алогизмов в публицистических произведениях А.П. Платонова не возможен без учёта характера литературной и языковой ситуации в постреволюционное время, поскольку публицистика быстро и остро реагирует на социально-политические изменения. С 1917 г. было закрыто множество дореволюционных газет, вместо них образованы революционные издательства («Декрет о печати» 1917 г., «Декрет о Революционном трибунале печати» 1918 г.). В начале 20-х годов М.М. Пришвин пишет о литературной ситуации: *«В Москве и Петербурге арестовано и высылается за границу около 200 литераторов, профессоров, инженеров. И все наркомы занимаются литературой. Даются громадные средства на литературу. Время садического совокупления власти с литературой»* [3, с. 260].

Система фигур алогизма в публицистических произведениях Платонова не столь разнообразна, как в его художественных текстах. Это обусловли-

вается, во-первых, спецификой публицистического стиля, ориентированного на передачу информации. Во-вторых, это связано с интенцией самого автора логично, аргументировано и ясно излагать свои идеи.

Ярким примером может послужить полемическая статья А.П. Платонова «Против халтурных судей» (ответ В. Стрельниковой) [2, с. 56-61] 1929 г., в которой автор аргументированно, логично доказывает неправоту и некомпетентность суждений Стрельниковой, назвавшей его «врагом социализма» [2, с. 56]. Последовательность суждений в статье выражается вводными компонентами, указывающими на связь мыслей: *надо думать, следовательно, стало быть, итак*. Надо отметить и последовательность изложения: как правило, автор сначала представляет высказывание В. Стрельниковой («*Платонов смотрит на бюрократизм с полной безнадёжностью*»), а затем свои контраргументы: «*Безнадёжность эта, надо думать, в том, что в моём рассказе старый чиновник Бормотов увольняется инспектором РКИ за волокиту (стр. 167), а губерния постановляет: «город Градов, как не имеющий никакого промышленного значения, перечислить в заштатные города, учредить в нём сельсовет» (стр. 168). Следовательно, бюрократизм ликвидируется радикально. Стрельникова же утверждает прямо противоположное...*» [2, с. 57].

Алогизмы более частотны в ранних публицистических статьях А.П. Платонова революционной тематики, в которых усилена пропагандистская составляющая. Функционируя в текстах как приемы, алогизмы также представляют собой значимые элементы когнитивных процессов категоризации и концептуализации. Фигуры алогизма необходимы для установления связей между реалиями действительности. Именно поэтому наиболее часто встречающимся приёмом алогизма является метафора-определение, которая, с одной стороны, искажает адекватное представление предмета или явления, а с другой – даёт ему иное понятийное содержание.

Логически метафоры-определения у А.П. Платонова являются так называемыми явными определениями, которые, в отличие от неявных, имеют форму «равенства двух понятий» [1, с. 251]: «*Машины – наши стихи*» [2, с. 35]. Метафоризация определяемого понятия мешает однозначному и ясному толкованию предмета, что ведёт к алогичности речи.

Метафора-определение помещает понятие в нетипичную для него систему парадигматических связей. В приведённом выше примере определяемое и определяющее понятия соединены лишь посредством широкого контекста статьи «Пролетарская поэзия», в которой проводится мысль о «вещественности» искусства: словесное творчество перестаёт быть самостоятельным процессом и начинает пониматься как вид производственной деятельности. Более того, А.П. Платонов видит опасность в искусстве «ради самого искусства»: «*Величайшая опасность для нашего искусства – это превращение труда – творчества в песни о труде*» [2, с. 35]. Понятийная связь *машины – стихи* проявляется в общем значении 'результата творчества'. Приведём ещё несколько похожих примеров из статьи «Пролетарская поэзия» (1922 г.):

«Изобретение машин, творчество новых железных, работающих конструкций, – вот пролетарская поэзия» [2, с. 35], *Каждая новая машина – это настоящая пролетарская поэма* [2, с. 35].

Понятие *машина* как механизм, оптимизирующий труд человека, включено в публицистике А.П. Платонова в целый комплекс метафор-определений. Конечно, более полный понятийный анализ образа машины, механизма возможен и на языковой базе непублицистических произведений писателя, однако в рамках анализа фигур алогизма примеры из публицистических произведений являются более показательными.

В статье «Да святится имя твоё» (1920 г.) содержание понятия *машина* представлено как механизм для создания чего-либо и как результат труда:

«Машина трудом создана и труд производит. Она не только брат наш – она равна человеку, она его живой удивительный и точный образ. Часто машина даже выше человека, так как она не знает утомленности, перебоев работы (а скоро забудет и износ), этих чисто природных признаков, доказательств её немощи и падения пред человеком» [2, с. 594].

В тексте понятия *человек* и *машина* отождествляются: *машина не только брат человека, но и сама человек, его образ*. Три метафоры, включённые в высказывание, синтаксически делятся на две группы с противительнo-уступительным значением. Усечённый градиационный союз *не только... но и* указывает, что второй компонент высказывания более важен, однако первый, в свою очередь, не отрицается. Значения метафор-определений в данных синтаксических условиях порождают противоречие: метафора *машина – человек* («...она [машина – С.С.] равна человеку») подразумевает полное равенство, метафоры *машина – брат человека, машина – точный образ человека* полного уподобления не предполагают. Алогичность в данном случае вызвана не только метафорами-определениями, но и структурно-семантическим оформлением.

Итак, для публицистики А.П. Платонова метафора-определение является наиболее стилистически значимым средством среди фигур нарочитого алогизма. Как правило, данный приём сопровождается такими сигналами алогичности, как противоречие и двусмысленность. Функции метафоры-определения касаются не только стилистической сферы, но и когнитивной: она служит для создания неожиданных связей между понятиями, что обусловлено новой социально-политической ситуацией.

Список литературы

1. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. 384 с.
2. Платонов А.П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / Сост., комментарии Н.В. Корниенко. Подготовка текста Н.В. Корниенко и Е.В. Антоновой. – М.: Время, 2011. 720 с.
3. Пришвин М.М. Дневники 1920-1922. – М., 1995. 334. с.

АНАЛИЗ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В КОЛЛЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ)

Таджибова З.Т.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
Россия, г. Махачкала

В статье анализируются фразеологические единицы лезгинского, русского, английского и немецкого языков, характеризующие взаимоотношения в коллективе с точки зрения антропоцентрического подхода. Выявляется общее и различное в языковой картине мира исследуемых языков.

Ключевые слова: антропоцентризм, антропоцентрические фразеологизмы, взаимоотношения в коллективе, поведение человека в обществе.

Как известно, язык рефлектирует весь окружающий мир человека: его обычаи и традиции, культуру, менталитет, историю и географию. Все это как бы хранится в языке, передается и переходит из поколения в поколение [3, с.29]. Мы провели комплексный анализ идиом, с целью сопоставления фразеологизмов лезгинского, русского, английского и немецкого языков с оценкой человека в рамках различных тематических групп. В частности, анализ показал, что возможно выявление групп фразеологизмов, характеризующих взаимоотношения человека в коллективе.

Рассмотрим семантическую группу «взаимоотношения в коллективе». О человеке, с которым бывает нелегко ужиться, кого непросто понять, или тот, кто с трудом поддается влиянию коллектива, говорят *твердый орешек*. В русском языке этот фразеологизм часто употребляется для характеристики людей. В немецком языке фразеологический оборот *eine harte Nuß* (букв.: «твердый орех») обозначает трудную задачу, трудное положение или обстоятельства. В английском языке есть оборот *a hard (tough) nut to crack* «крепкий орешек», который можно использовать, говоря как о человеке, с которым трудно справиться, так и о трудной задаче.

Невозможно не обратить внимания на человека, который выделяется в коллективе, резко отличаясь по своему характеру, взглядам, привычкам от окружающих. Такой человек выглядит как *белая ворона* среди черных ворон, как *черная овца* в стаде белых овец, как *баран на пяти ногах*. Сравнения эти не придуманы, данные фразеологизмы, уподобляющие человека птицам и животным, существуют во фразеологии разных народов (Французы о таком человеке говорят «*баран на пяти ногах*», немцы, англичане, венгры такого человека называют «*черной овцой*», наконец, во многих языках человек, резко выделяющийся из окружающей среды, именуется «*белой вороной или белым вороном*»). Русскому фразеологизму «*белая ворона*» в смысловом отношении близки следующие лезгинские, английские и немецкие фразеологизмы: *данайрик квай кьун* (букв.: «козел среди телят»), *ein weißer Rabe* и *ein*

schwarzes Schaf, a white crow и *a black sheep*. Фразеологизмы *ein weißer Rabe, a white crow* употребляется преимущественно в тех случаях, когда характеристика носит положительный характер, то есть данный человек много лучше всех окружающих. Фразеологизмы *данайрик квай кьун, ein schwarzes Schaf, a black sheep* – средство отрицательной оценки человека, указание на то, что он резко отличается от окружающих по каким-то отрицательным качествам.

В фразеологии часто встречается ирония, юмор и насмешки. Человека, отвечающего за поступки других, на которого сваливают чужую вину, называют, например, *козлом отпущения*. Своим происхождением фразеологизм связан с обрядом древних иудеев: раз в году древние иудеи освобождались от всех своих грехов, «возлагая» их на живого козла, которого они после этого изгоняли в пустыню. Обычай этот давно забыт, а выражение «*козел отпущения*» сохранилось, но оно обрело новое переносное значение «человек, на которого сваливают чужую вину». Русским фразеологизмом «*козел отпущения*» переводится и чисто немецкий фразеологический оборот *immer das Karnickel sein* (*das Karnickel* – кролик в некоторых немецких диалектах) и английский оборот *a scape goat*. В одном рассказе говорится о собаке, которая загрызла на рынке у торговки кролика. Но когда хозяин собаки предстал перед судом, мальчишка-свидетель заявил: «*Das Karnickelm hat angefangen!*» – «Кролик первый начал!» Таким образом, собака была оправдана, а бедный кролик обвинен. Русскому фразеологизму *козел отпущения* близок по значению лезгинское *чугай лит* (букв.: «в воде промокающий войлок»), где говорится о человеке, терпеливо выносящем всякие издевательства над собой. Эквивалентом этого лезгинского фразеологизма является немецкое *als Blitzableiter dienen* «быть громоотводом» (на ком многие срывают свое дурное настроение). Также в немецком языке говорят *den Prügelnaben für j-n, etw. abgeben* «быть мальчиком для битья; быть козлом отпущения».

Немецкий фразеологизм *melkende Kuh* и его полный эквивалент в русской «*дойная корова*» и в английской фразеологии *a milk cow* характеризуют людей, средства, силы и знания которых довольно беззастенчиво используются окружающими. О человеке, с которым трудно ужиться в немецком языке говорят *mit j-m ist kein Auskommen* «с кем-л. не уживешься, не поладишь».

Принимая во внимание все вышеизложенное, анализ данного концепта в рамках фразеологической картины мира представляется довольно интересным с антропоцентрической точки зрения. Фразеология, выражающая характеристику человека по его взаимоотношениям с коллективом, с окружающими людьми, разнообразна и богата. Образы, лежащие в основе значений некоторых фразеологических оборотов, многообразны, разносторонни и помогают передать все нюансы типизации характеров.

Список литературы

1. Амосова Н.Н. Фразеология английского языка. – М., 1963. – 258 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М., 1995. – 312 с.
3. Багаутдинова О.Б. Почему так? Знакомые английские слова в необычных выражениях: словарь-пособие. – М., 2007. – 356 с.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ткачева Ю.Г.

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко,
Луганская Народная Республика, г. Луганск

В статье широко освещаются сложности, возникающие в процессе перевода при передаче прагматических значений языковых единиц в художественном тексте. Автор делает особый акцент на важности определения доминантной функции художественного текста с точки зрения прагматики для максимально глубокого понимания прагматической интенции автора. Основная мысль сводится к тому, что решение переводческой задачи сопряжено с большой степенью вариативности и свидетельствует о широких масштабах эвристической деятельности переводчика.

Ключевые слова: прагматика, прагматические аспекты, художественный текст, перевод, иная ментальность, межкультурная коммуникация.

Статья посвящена анализу прагматических аспектов художественного перевода с точки зрения сохранения художественно-эстетического своеобразия оригинала, а также обеспечения коммуникативного эффекта и художественного воздействия в соответствии с интенциями автора. Проблема прагматического компонента, содержащегося в текстах оригинала и перевода, получила широкое рассмотрение в работах известных лингвистов и теоретиков: А. В. Федорова, Л. С. Бархударова, Я. И. Рецкера, А.Д. Швейцера, В.Н. Комиссарова, С. Вяхова, С. Флорина, Н.К. Гарбовского, и др.

В контексте нашего исследования рассматривается проблема трудностей перевода при передаче прагматических значений языковых единиц в художественном тексте. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления прагматически обусловленных стратегий при переводе художественного текста и сохранения прагматических интенций автора. В ходе предварительного ознакомления с художественным произведением и последующего предпереводческого анализа текста переводчик сталкивается с необходимостью определения прагматической интенции автора, которая не всегда очевидна для читателя, и, как правило, часто бывает сопряжена с некоторыми трудностями. Определяя прагматическую интенцию, переводчик, таким образом, должен первым пройти по «лабиринту» субъективных предположений и разгадать языковые «хитросплетения» и лингвистические «ловушки» автора [4, с. 276]. Для максимально глубокого понимания прагматической интенции автора художественного произведения предпереводческий анализ текста должен, как правило, «завершиться определением доминантной функции художественного текста с точки зрения прагматики» [2, с. 97].

Большинство исследователей занимающихся изучением прагматических аспектов перевода исходят из понимания прагматики предложенного в

конце 30-х годов XX века Ч. Морисом, который выделил три составляющих семиотики: синтактика – формальные отношения, в которые вступают знаки друг с другом; семантика – отношение знаков к объектам; прагматика – отношение между знаками и пользователями.

Развитие лингвистической науки способствовало более глубокому рассмотрению явления прагматики, но большинство лингвистов едины в понимании прагматики как феномена, в центре которого остается идея оказания речевого воздействия в ходе коммуникации.

В сфере переводоведения прагматика впервые получила освещение в трудах немецкого ученого А. Нойберта, который к прагматическому уровню относил психологические, этнические, социальные, профессиональные и стилистические компоненты [1]. Именно Нойберт выступил новатором, указав на приоритеты прагматики в сфере переводоведения, и определил цель перевода как сохранение воздействующего потенциала речи посредством воссоздания коммуникативной целостности оригинала. Главенствующая роль в концепции А. Нойберта отдается требованию текстуальности, в соответствии с которым текст перевода должен обладать такими характеристиками, как интенциональность, акцептабельность, кооперативность и когерентность. Учитывая важность приведенных выше характеристик текста, следует отметить, что к художественному тексту они применимы с определенной долей условности, поскольку художественный текст как правило, не прозрачен по определению и отличается особой долей амбивалентности. Параметр интенциональности предложенный А. Нойбертом оказался весьма продуктивным для осмысления сущности прагматики, что в частности нашло свое отображение в работах К. Райс, установившей прагматические эталоны переводческой деятельности в применении к текстам различных жанров. Немецкая исследовательница Катарина Райс выделяет три основных типа текста. В одном типе текста на первом месте стоит функция описания (сообщение информации), в другом – функция выражения (эмоциональных или эстетических переживаний), а в третьем – функция обращения (призыв к действию или реакции). Первый тип ориентирован на содержание, второй – на форму, третий – на обращение. Следует отметить, что коммуникативная направленность текста, как правило, соответствует типу высказывания. Это означает, что определяя доминантную функцию текста, речевого произведения, следует учитывать структуру текста, характер коммуникативной ситуации в целом, со всеми ее составляющими, не останавливаясь лишь на анализе текста. Не случайно Катарина Райс в качестве одного из требований, предъявляемых к переводу, считаем необходимым, соблюдать «внеязыковые детерминанты», которые включают такие прагматические факторы, как ситуация, предмет речи, пространственно-временные рамки, особенности автора и получателя, аффективные импликации [3, с. 81]. Уяснив коммуникативную интенцию отправителя исходного сообщения и доминантную функцию текста оригинала, переводчик создает новый текст, текст на другом языке, выполняющий ту же доминантную функцию, что и его прообраз (оригинал), и оказывающий на

своего получателя коммуникативный эффект подобный тому, который производит оригинал на своего получателя.

Основываясь на прагматической классификации немецкой исследовательницы К. Райс, В. Вилс рассматривает специфику переводческого творчества и понятие переводческой интуиции в художественном переводе. Особую значимость в концепции В. Вилса представляет ориентированность на когнитивные аспекты перевода и внимание к творческому аспекту.

Особый вклад в осмысление проблем художественного перевода внес Г. Тури, который, в свою очередь, детализировал понятие переводческих норм и разработал собственную методику прагматического анализа и оценки художественного перевода как специфической разновидности литературного творчества. Следует отметить, что особое внимание в своих трудах Г. Тури акцентировал на принадлежности художественного перевода к переводящей культуре и выявил характер ее влияния художественное своеобразие переводной литературы [1, с. 81].

Многочисленные изыскания лингвистов, теоретиков и практиков перевода стали результатом формирования прагматического подхода к анализу художественного перевода. Прагматика перевода сопряжена с проблемой отношения переводчика к своей деятельности, намерениями, реализуемыми в процессе перевода. Как справедливо отмечает Э. Кари: «не существует абстрактного перевода, существует перевод определенного текста, выполненный определенным переводчиком в определенную эпоху для определенной категории получателей с определенной целью» [5, с. 25]. Переводчик как *homo faber* строит свою речь в соответствии с замыслом, соотношенным не только с намерением отправителя исходного сообщения, но и со своим собственным намерением, возникающим в результате интерпретации речи и нацеленным на обеспечение ее восприятия в переводе.

В контексте данного исследования особую важность приобретает концепция Н.Д. Арутюновой, которая связывает прагматические факторы, с психологическими аспектами коммуникации и спецификой ситуаций употребления. В основу коммуникативно-прагматического компонента художественного перевода, с одной стороны, положены образно-эстетические характеристики перевода в сопоставлении с оригиналом, а с другой, – влияние локальных и временных параметров коммуникации и личностных профессиональных установок переводчика на выбор варианта перевода. Выявление соотношения между оригиналом и переводом (как заместителем оригинала в информационной и культурной среде) с позиции воздействующего потенциала художественной речи предполагает выход на различные аспекты переыражения художественной информации в переводе (передача образной специфики оригинала; конфронтация и взаимоинтеграция картин мира, запечатленных в оригинале и переводе). Все вышеизложенные особенности подлежат анализу с позиции стратегий, которые используются в переводе. В основу переводческой деятельности положен функциональный подход к передаче содержания текста в переводе, ориентация на сохранение замысла автора и

обеспечение именно того коммуникативного воздействия на читателя, на которое и рассчитывал автор оригинала. Решение переводческой задачи сопряжено с большой степенью вариативности и свидетельствует о широких масштабах эвристической деятельности перевода. Проведенный анализ научных источников предоставляет нам возможность выделить следующие прагматические аспекты художественного перевода:

- *профессиональный аспект*, т.е. сформированность операционального аспекта деятельности, наличие необходимых знаний, умений и навыков;
- *интенциональный аспект*, связанный с намерениями, реализуемыми в художественной коммуникации;
- *творческий аспект*, обусловленный тем, что переводчик художественного текста выполняет функции художника слова;
- *личностный аспект*, образующий субъективную компоненту деятельности и отражающий индивидуальные установки, пристрастия и вкусы переводчика;
- *ситуативный аспект*, имеющий отношение к пространственно-временной специфике художественной коммуникации;
- *эмоционально-ассоциативный аспект*, обусловленный эмоционально-образными характеристиками вербально-художественной информации и гедонистическим переживанием переводчика в качестве читателя оригинала и автора перевода;
- *оценочный аспект*, опосредованный оценочными параметрами художественной коммуникации и связанный с оценкой перевода в соотношении с оригиналом.

Профессиональный аспект художественного перевода основывается на том, что переводческое знание имеет отношение к более или менее замкнутым системам, усвоенных переводчиком в качестве необходимых компонентов его профессиональных компетенций. В данном случае можно говорить об определенном уровне лингвистических знаний, о широте знаний культурологического характера, а также знаниях социально-нормативного плана. Дефицит знаний у переводчика может привести к непониманию определенных компонентов смысла оригинала и, как следствие, нарушению эффективности коммуникации и интерпретативному искажению намерения автора.

Специфика интенционального аспекта художественного перевода связана с тем, что читатель способен распознать намерения писателя, но, как правило, не воспринимает и не пытается распознать намерение переводчика. Следует отметить, что главная интенция переводчика как посредника в межкультурной литературно-художественной коммуникации сопряжена с сохранением художественной ценности оригинала. С позиции прагматики перевода, основная задача состоит в том, что произвести на читателя перевода эмоционально-интеллектуальное воздействие в соответствии с замыслом автора.

Творческий аспект художественного перевода имеет отношение к самовыражению автора, стремлению воплотить в переводе собственные эстетические вкусы и идеалы. Переводу всегда предшествует интерпретация ори-

гинала, в которой преломляются не только лингвокультурологические и эстетические параметры художественной коммуникации, но и личностные субъективные установки переводчика. Особое значение приобретают мотивационные основы переводческой деятельности, оказывающие определенное влияние на когнитивные и эмоциональные механизмы вербального оформления художественной информации. Личностный аспект художественного перевода тесно связан с переводческой субъективностью как специфическим явлением, которое обуславливает характер трансляции вербально-художественной информации в переводе.

Для выявления коммуникативно-прагматической специфики художественного перевода важно учитывать и то, что, как правило, переводчик является представителем другого лингвокультурного общества и носителем иной ментальности. На перевод могут оказывать влияние не только место и время создания оригинала, но и место, и время создания перевода. Перевод нередко осложняется различиями в климате, топографии, флоре и фауне. Этим и обуславливается ситуативный (лингвокультурологический) аспект перевода.

Оценочный аспект художественного перевода имеет чрезвычайно сложную природу. С одной стороны, он связан с оценочным характером вербально-художественной информации. С другой стороны, он имеет отношение к переводческой оценке художественно-эстетической специфики оригинала, т.е. к личностному аспекту художественного перевода. И наконец, самооценка, так же как и самокоррекция – неотъемлемая часть художественного перевода в профессиональном ракурсе.

Все коммуникативно-прагматические аспекты перевода взаимосвязаны и взаимообусловлены. Условно деятельность переводчика может быть представлена как совокупность действий по моделированию вербально-художественной информации. Поскольку переводчик как деятель является носителем присущей ему индивидуальной картины мира, а сам процесс его деятельности неизбежно включает компоненты переживания, все действия переводчика нельзя ограничить рациональными схемами.

Таким образом, рассматривая текст оригинала объективную данность, можно сказать, что стержнем прагматического исследования художественного перевода является анализ совокупности прагматически обусловленных изменений, привнесенных переводчиком в вербально-художественную информацию оригинала в процессе переводческой деятельности.

Список литературы

1. Макарова Л. С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода [Электронный ресурс]: дис. На соиск. Ученой степ. Д-ра. Филол. наук спец. 10.02.20. – М.: РГБ, 2006.
2. Морозкина Е.А. Прагматические доминанты художественного текста в интерпретации переводчика // Актуальные проблемы переводоведения. СПб., 2011. С. 95-98.
3. Райс К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1978. – С. 202-222.

4. Хамматова С.Р. Особенности прагматики перевода художественного произведения // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 276-278.

5. CARY E. La traduction dans le monde moderne. Geneve: Librairie de l'Universite, 1956. – 196 p.

ПРОПОЗИЦИАЛЬНО-КОГНИТЕМНОЕ СТРОЕНИЕ ПОСЛОВИЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Тургунбаева С.Ж.

преподаватель секции киргизского языка,
Ошский медицинский колледж, Киргизия, г. Ош

Каримова Т.У.

преподаватель кафедры русского и сопоставительного языкознания,
Ошского государственного университета, Киргизия, г. Ош

В статье раскрывается специфика когнитивного синтаксиса на материале пословично-поговорочных изречений.

Ключевые слова: когнитема, пропозиция, инвариантное значение, пословица, когнитивный синтаксис.

Цель когнитивного синтаксиса – углубить наши знания о синтаксическом строе языка, о роли синтаксических единиц, отношений и категорий в познавательных процессах, о путях и способах вербализации мыслительных механизмов по направлению «память – мыслительная схема сообщения – материализация информации в синтаксических знаках», о трансформации когнитивных, гештальтов и фреймов как мыслительных фрагментов в синтаксические структуры.

Когнитивный синтаксис позволяет нам приоткрыть завесу над тайнами человеческого сознания и памяти, над тайнами порождения и восприятия речевых сообщений. Благодаря когнитивному синтаксису мы осознаем механизмы работы памяти человека и взаимопонимания участников коммуникации.

В когнитивном синтаксисе ключевыми являются два взаимосвязанных понятия – пропозиция и когнитема. Термин «пропозиция» проник в лингвистику из логики. Его употребление в синтаксисе обусловлено необходимостью именованной семантической константы в смысловой структуре предложения. Н.Д. Арутюнова со ссылкой на У. Куайна пишет о том, что нужда в пропозиции ощущается столь остро потому, что речь идет о некоторой ключевой категории, по отношению к которой осмысляются другие логические категории. Так, например, синонимия предложений обычно определяется через идентичность пропозиции как семантической константы высказывания [2, с. 21]. Следовательно, пропозицией мы можем называть то общее, что существует между данным предложением и его конструктивно-смысловыми вариантами, трансформами и перифразами, между данным предложением и его переводами на другие языки.

Пропозиция, синтезирующая в себе смысловые константы и переменные, характерна пословицам и поговоркам и представляет собой когнитивную структуру, содержащую стереотипную мысль, применимую ко множеству ситуаций. Как известно, память хранит значения слов, но не значения предложений. Безграничное число предложений, выражающих безграничное количество мыслей человека, образуется по определенным правилам когнитивно-концептуального синтаксиса [4, с. 91]. Значения слов и, соответственно, обозначаемые этими словами константы определенным образом ассоциативно организованы, поскольку память – это не склад, не бессистемное нагромождение концептов и связывающих их ассоциаций, а жестко упорядоченная система, имеющая свой каркас и структуру. Основными единицами этой структуры ученые считают пропозиции – структурные пучки ассоциаций, связывающие элементарные представления или концепты. С точки зрения теории пропозиций память представляется как огромная сеть взаимопересекающихся пропозициональных «деревьев». Пропозиция как универсальная единица памяти имеет как вербальную, так и невербальную форму. В памяти ведь кодируется и нелингвистическая информация, поступающая в нее через различные органы чувств, – зрительные, слуховые и т.д.

Пословица, являющаяся предложением и обладающая признаком предикативности – это пропозиция, единица памяти и языка человека. Она связывает стереотипным предикативным отношением два (или более) концепта, например, «целое – часть», «деньги – власть», «внешность – обман», «огонь – дым» и т. д. [1, с. 11-13; 3, с. 7-8]. В отличие от других пропозициональных единиц пословица обладает устойчивым составом языковой реализации, воспроизводимым, а не конструируемым. Следовательно, пословичная пропозиция – это готовая когнитивно-языковая единица, непосредственно извлекаемая из памяти и используемая в мыслительной деятельности («про себя», «в уме») или акте коммуникации.

Сложные смысловые образования воспринимаются людьми как целостные единицы памяти и речи, хранящиеся в памяти и воспроизводимые в речи как знаки мыслей. Среди таких единиц в пословичной картине мира особое место занимают когнитемы. Когнитема – это фрагмент пословичной картины мира, это такая пропозициональная единица значения, которая выявляется при анализе семантического пространства пословиц и выступает в качестве компонента «дерева мысли», состоящего из узлов-концептов и связей между ними.

Когнитемы – это смысловые блоки в гигантском «цитатном фонде» отдельного человека, группы людей, этноса и всего человечества, готовые к применению в различных ситуациях общения [3, с. 7]. Они занимают важное место в пословичной картине мира и в системе опыта и знания человека.

Когнитема, являясь единицей знания, существует в вербальной «упаковке» и передается с помощью одного, двух и более пословичных предложений.

Обратимся к пословицам народов мира. В пословичной картине мира

существует много инвариантных блоков типа «обычность – необычность», «знание – невежество», «труд – безделье», «слово – молчание», «много – мало», «свое – чужое» и т.д., которые внутри себя выделяют частные противопоставления и вербализуются через посредство самих различных изречений. Например, константное значение «незаменяемость – заменяемость» распадается на несколько подтипов с частными значениями и способами вербализации [5, с. 128-129].

1. Частное значение «Если нет какой-либо вещи, ее не заменит никакая другая, не обладающая всеми свойствами первой», реализуется в следующих пословицах: *Филином сокола не заменить* (азерб., кумык.). *Молоко сывороткой не заменить* (бенгал.). *Правую руку не заменит левая* (удмурт.). *Никакая лягушка не заменит мяса* (вьет.). *Сахар хоть и сладкий, но хлеба не заменит* (армян.). *Там, где нужен ум, сила не поможет* (евр.). *Самый лучший чеснок не заменит лука* (хауса). *Увидев цесарку, курицу все же не прогоняй* (малаг.). *Ячменный хлеб пшеничного не заменит* (курд.) и т.д. Всем пословицам свойственна общая когнитема. Они используются в близких или идентичных ситуациях.

2. Частное значение «Если нет какой-либо вещи, ее заменит другая, даже не обладающая всеми свойствами первой» объединяет следующие изречения: *Где нет барана, и коза сойдет за барана* (азерб.). *Там, где нет птицы, и летучая мышь – птица* (япон.). *Нет рыбы – почитают и краба* (вьет.). *В отсутствии козла и паршивая коза – проводник* (алт.). *Когда нет вола, запрягают корову* (дигор.). *Когда нет собаки, и свинья лает* (бурят., калм., монг., казах.). *Жены нет – и ведьму обнимешь* (тамил.) и др. Сравнимые реалии различны, отражают специфику быта народов. Однако в них заключено общее когнитемное значение.

3. Частное значение «Если нет какой-либо вещи, ее заменит другая, сходная с первой» выступает пропозицией по отношению к следующим пословицам: *Если птица теряет перо, то вместо него вырастает новое* (ньянг). *Когда отмирает лист папоротника, на его месте вырастает другой* (маори). *Растение кава выкопано, но немедленно высажено такое же* (самоа). *Если одна ветка обломится, другая даст побег* (удмурт.). *Когда умерла свекровь, я сразу стала хозяйкой на женской половине* (кор.). *В отсутствии утки властвует кулик / Если нет утки, то руководит кулик* (кирг.). *На безрыбье и рак рыба* (рус.) и пр. Объединяющим началом паремий разных народов выступает общее пропозициональное содержание.

Когнитемы бывают не только межэтническими, но и могут быть выражены средствами одного языка. Например, значение «Единица не есть целое» представлено в целом ряде киргизских паремий: *Жалгыз таш дубал болбойт* «Один камень не может быть стеной», *Жалгыз таруу ботко болбойт* «Одно просо не может быть кашей», *Жалгыз дарак токой болбойт* «Одно дерево не может быть лесом» и т.д., в которых *жалгыз* обозначает «один, одинокий, единственный, единица» и которые семантически идентичны с русской паремией *Один в поле не воин*.

Когнитемы в приведенных выше пословицах выступают в качестве обобщающих опыт различных этносов пословичных формул и пропозиций. Они, являясь устойчивыми сочетаниями концептов, позволяют судить о мировидении людей, отраженных в языковых стереотипах и ассоциациях, в целом идентичных в сознании носителей различных языков.

Когнитемы могут быть прототипическими (наиболее общими и исходными), промежуточными или частными. Частные когнитемы конкретны и закреплены за отдельными примерами. Когнитемы являются фрагментами памяти, воспроизводимыми в речи с помощью готовых пословичных образований.

Список литературы

1. Айылчиева Д.Т. Константы и переменные в провербиальном пространстве языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Бишкек, 2015. – 22 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Изд. 5-е. – М., 2007. – 384 с.
3. Зулпукаров К.З., Дрофа Л.И., Калмурзаева А.А. Концепт Бог в религиозном дискурсе // Вестник Ошского государственного университета. – Ош, 2012. – С. 5-8.
4. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах. – Санкт-Петербург, 2006. – 279 с.
5. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. – М., 2001. – 624 с.

О РОЛИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ

Умирзакова З.А.

доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин,
канд. филол. наук, доцент, Казахский национальный педагогический
университет имени Абая, Казахстан, г. Алматы

В статье рассматриваются невербальные средства коммуникации в сопоставительном плане. Приводятся примеры невербальной коммуникации русского и казахского языков.

Ключевые слова: жесты, коммуникант, невербальные средства коммуникации, невербальное поведение.

Исследование невербальных средств коммуникации, присущих народам разных культур в сопоставительном плане, способствует правильному пониманию поступающей информации, соблюдению правил этикета, традиций и обычаев обучаемого языка. Так, по словам А.А. Акишиной, «люди, говорящие на разных языках, часто пытаются объединиться друг с другом с помощью жестов, и, как правило, им это удается. Почему же тем не менее «язык» жестов не стал международным? ... Практически любой, даже самый «прозрачный» жест имеет национальную окраску, не говоря уже о жестах глубоко национальных, вовсе не понятных представителям других народов или понимаемых ими неправильно» [1, с. 3]. По словам Г.М. Николаевой, «для носителя национальной жестовой системы бытующие в данном народе жесты

кажутся настолько естественными, как бы биологическими, что ему не приходится в голову изменять их в другой национальной среде» [3, с. 60]. Поэтому следует учесть, что «неправильная интерпретация, – отмечает С.В. Неверов, – носителями одной культуры невербального сообщения, сделанного представителями другой культуры, может привести к нежелательным конфликтам и опасным последствиям» [2, с. 132]. В связи с этим можно привести множество примеров, когда неправильное понимание жестов способствует нарушению правил этикета, свойственных представителям той или иной культуры. Так, например, одинаковые или очень похожие друг на друга жесты в разных культурах имеют свои значения. Если у русских жест «*палец у виска*» означает, что человек «*несколько не в себе*», то в Голландии данный жест говорит о том, что это умный человек. Русский детский жест «*высунуть язык*» означает дразнить кого-либо, в ряде стран как «*нежелание вступить в контакт с другим человеком*», а в Тибете так приветствуют друг друга. Американский жест «*пальцы колечком, обозначающий букву о*» – «все в порядке», который применяется у нас в этом же значении, в Японии означает «*деньги*», а во Франции – «*ноль*». Русский жест «*большой палец, поднятый вверх*» означает «*все отлично*», в Австралии, Греции используется в значении «*пошел ты к черту*», а в Британии – 1) при голосовании машины; 2) в значении «все в порядке». Если жест «*подносить руку к горлу*» во многих странах используется в значении «*сверх меры (дел, неприятностей; наелся, обеспечен)*», то в Японии данный жест означает «*увольнение с работы*». Если японцы при приветствии низко кланяются, причем подчиненный должен кланяться ниже, чем вышестоящее лицо (начальник), то для американцев эта поза кажется неприятной, поскольку, по их словам, уважающий себя человек не должен так поступать. Обычай «*сидеть на полу*» характерен для казахов, японцев, корейцев и др., причем у казахов даже «*сидеть, оперевшись на подушку*», то есть не спеша, отдыхая. Когда приходят гости, казахи, корейцы в знак уважения обязательно встают, чтобы поздороваться; японцы могут не вставать, поскольку «*сидя, он ниже стоящего человека, и, следовательно, находится в более почтительной позе*» [2, с. 332].

Следует также отметить жесты, не свойственные культуре того или иного народа. Так, в ряде стран не принято и считается оскорбительным, если мужчина разговаривает с женщиной, держа руки в карманах, тогда как для англичан это вполне нормальное явление. Многие нации, например, китайцы, японцы не любят, когда их хлопают по плечу, подходят очень близко, обнимаются, для других же национальностей, например, для казахов пожимание руки, обнимание мужчин прикасанием груди и похлопыванием по плечу означают дружелюбие и открытость. Самое интересное, так приветствуют и многие русские, проживающие в Казахстане, особенно встречается среди молодежи. Такой же жест наблюдается и во время свадебной церемонии родителями невесты и мужа в знак выражения родственности, сближения душ. Жест «*похлопывание ладонью по шее*» с сопровождением слова «*молодец*», для египтян воспринимается как «*оскорбление его мужского достоинства*». Оскорбительным жестом для нас является, когда англичане приглашают

официанта пощелкиванием большим и средним пальцем. В ряде многих стран для данного жеста – приглашения характерен лишь легкий кивок головы. «Приседание на корточки» присуще для японцев. Так, «в Японии можно, например, на перроне вокзала увидеть представителей старшего поколения, присевших на корточки в ожидании поезда. Это поза расслабления, раздумья, приготовления к чему-то. Она естественна и удобна для японца, и вместе с тем она как пружина перед тем, как сжаться и начать активно действовать» [2, с. 332-333].

Следовательно, чтобы правильно понять невербальное поведение той или иной нации, надо иметь представление о традициях, обычаях, существующих в данной культуре, национальной принадлежности коммуникантов, коммуникативной ситуации.

Изучение невербальных средств коммуникации в сопоставительном плане позволяет выявить общность (универсальное) и различия (национальное) в невербальном поведении, в частности, русского и казахского народов. Так, универсальны жесты: кивок головы сверху вниз – *«утвердительный жест»*, размахивание головой из стороны в сторону – *«отрицательный жест»*, приложить палец к губам – *«призыв к молчанию, тишине»*, помахать рукой – *«попрощаться»*, протянутая вперед от плеча правая рука, ребром ладони вперед – *«жест, приглашающий войти в дом или занять определенное место за столом»*, поднятый кулак, обращенный тыльной стороной ладони вперед – *«жест угрозы»*, нахмурить брови – *«жест недовольства»*, потереть большим пальцем об указательный *«жест-просьба дать денег»*, легкое, неоднократное поглаживание человека рукой по спине, плечу – *«жест, выражающий желание успокоить, утешить кого-либо»*, широкое разведение рук в стороны – *«жест, выражающий радость человека при встрече»*, совершать указательным и большим пальцами правой руки скользящее движение по втянутым внутрь щекам – *«жест, изображающий худобу человека»*, высунуть язык – *«желание обидеть, подразнить»*; поднятие правой руки от локтя ладонью вперед на уровне груди от себя сверху вниз (отмахивание) – *«жест безразличия, согласия без желания»* и др.

Следует отметить, что некоторые из этих жестов выступают заимствованными в казахском языке.

Жесты, присущие только казахскому народу: «раскрыть ладони рук» – *«дать благословение»*; «провести ладонями лицо» – *«исполнение желаний молитв»*, «опустить взгляд» – *«проявление уважения, скромности»* (характерно для женского пола); «бросить камчу перед кем-то» – *«бросить вызов кому-либо»*; «взяться за воротник» – *«выразить удивление»*; «ударить по бедру» – *«выразить гнев, досаду»*; «пощипывание щек» – *«выразить стыд, удивление»*; «потирать одну руку об другую» – *«выразить волнение, беспокойство»*; «ударить, пожимая ладонями небольшим хлопком» – *«выразить радость, успех»*; «рыдать, стоя в сторонке, оперев на палку» – *«выразить горе»* и др.

Жесты, характерные русскому народу: упереть руки в бока – *«категоричность, решительность, желание настоять на своем»*; подносить руку к

горлу – «сверх меры (дел, неприятностей; наелся, обеспечен)», сопровождаемый словами *сыт по горло*; послать воздушный поцелуй – «*прощание или благодарность на расстоянии*»; постукивание ребром правой ладони по шее сзади – «*жест, изображающий людей, сидящих на шее у других*», причесывание затылка – «*жест, передающий желание припомнить что-то*»; охват головы обеими руками – «*жест, передающий растерянность, смятение*»; пощелкивание указательным пальцем по горлу – «*приглашение к выпивке*»; стукнуть кулаком по столу – «*разозлиться*» и др.

Как в русском, так и казахском языках существуют взрослые (*стукнуть кулаком по столу, развести руками, поглаживать бороду; пощипывание щек, хлопнуть по спине*), детские (*высунуть язык, «корчить рожу», показать рога, изобразить чебурашку*), мужские (*почесывание в затылке, стоять, широко раздвинув ноги, сидеть, развалясь в кресле, стукнуть кулаком по столу; лежать, оперев на подушку, бросить камчу, взяться за воротник, ударить по бедру*), женские (*поправить волосы (прическу), ходить, покачивая бедрами, осматривать ногти, смотреть в зеркало; распустить волосы, опустить взгляд, приветствовать наклоном головы родственников жениха*), заимствованные (пальцы колечком, обозначающие букву о – «*все в порядке*») жесты.

Следует также отметить, что одно и то же значение в разных языках может выражаться разными жестами. Например, если у казахов опущенный взгляд – «*проявление уважения, скромности*», то у русских не поднимать глаз – «*нежелание контактировать, быть откровенным*». По нормам русского этикета собеседники смотрят в глаза друг другу, т.е. прямой взгляд – «*проявление искренности, честности*». Если у русского народа жест «*приветствовать поклоном*» употребляется как ритуальный при разложении венков, то у казахов этот жест используется только в определенных ситуациях – невестками по отношению к старшим родственникам мужа как демонстрация учтивости, уважения, воспитанности. Если русские приветствуют друг друга независимо от возраста одной рукой, то у казахов в знак уважения принято младшими приветствовать старших по возрасту обеими руками. Если значение «*отвести возможный сглаз, порчу*» у русских представлен жестом «*постучать по дереву*», то у казахов данное значение используется по отношению к детям. Значение же «*бросить вызов кому-либо*» выражается жестом, который почти совпадает в данных языках: «*бросить в лицо перчатку*», «*бросить камчу*», различаясь предметами, с помощью которых выполняется этот жест.

Наблюдаются также разные официальные ритуальные жесты, исполняемые во время богослужения, коронации, свадебного и других обрядов, что еще раз подтверждает мысль о том, что жесты несут национальную окраску, отражая культуру, мышление представителей разных этносов.

Невербальное поведение человека и в русском и казахском языках может выражаться жестом и одновременно сопровождаться как словами, так и параязыковыми элементами. Так, например, в русском языке жест «*охват головы обеими руками*» может сопровождать высказывания типа «*Ой, что я наделала?; Что теперь будет?*», жест «*размахивание указательным пальцем*

из стороны в сторону на уровне груди» может сопровождать высказывание: «Вы этого не знаете; Это вовсе не так», жест «рука от плеча отводится в сторону вытянутыми вперед указательным пальцем» сопровождается высказыванием: «Вон!», жест «поднятие правой руки от локтя ладонью вперед на уровне груди от себя сверху вниз (отмахивание)» может сопровождать высказывания типа: 1) «Не мешай!»; 2) «Делай, как знаешь»; в казахском языке жест «похлопать по плечу» может сопровождаться высказыванием: «Молодец!», жесты «взяться за воротник», «пощипывание щек» сопровождается параязыковым элементом «вот это да», жест угрозы может сопровождать высказывание типа: «я тебе покажу».

Таким образом, в процессе обучения языкам учителю надо иметь представление о невербальных средствах коммуникации, присущие культуре обучаемого языка. Изучение обычаев и традиций способствует правильному пониманию невербального поведения людей в процессе общения.

Список литературы

1. Акишина А.А. Жесты и мимика в русской речи. – М.: Русский язык, 1991. – 144 с.
2. Неверов С.В. Особенности речевой и неречевой коммуникации // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 320-345.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

ОБЪЕКТНЫЕ, ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ, ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ ПРЕДЛОГА ПО

Фэн Мин

аспирант, Вятский государственный университет, Россия, г. Киров

Наумова Н.Г.

заведующий кафедрой русского языка, канд. филол. наук, доцент,
Вятский государственный университет, Россия, г. Киров

В статье на основе анализа научной и словарной литературы предлагается авторская классификация значений предлога ПО (исключая все обстоятельственные отношения). В рамках объектных отношений выделяются такие значения предлога ПО, как объект физического действия, объект как сфера распространения интеллектуального действия, объект горестного чувства. В рамках атрибутивных отношений – характеристика кого-чего-либо по связи со сферой деятельности, областью знаний; характеристика людей по общности местонахождения, сферы деятельности, по родству и т.п.

Ключевые слова: семантика, предлог ПО, семантические отношения.

Наше исследование посвящено изучению особенностей функционирования предлога ПО в современном русском языке. Среди прочих задач нам необходимо выявить, какие значения предлога ПО являются наиболее частотными и как это связано со сферой их употребления (функциональным

стилем). Однако мы столкнулись с проблемой отсутствия в научной литературе единого представления по вопросу выделения значений у предлога ПО. Проанализировав необходимые научные источники, мы решили представить свою классификацию данных значений (в данной статье не рассматриваются обстоятельственные отношения).

Объектные отношения

В качестве главного слова выступает глагольная форма или отглагольное образование.

1. Объект физического действия.

Данное значение представлено во всех рассмотренных нами словарях (С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, В.В. Лопатина, С.А. Кузнецова, БАС и МАС) и определяется так: «с *дат.* употребляется при обозначении предмета, на который направлено, обращено действие. *Ударять рукой по клавишам. Хлопнуть себя по лбу*» (БАС, объект., зн. 5) [7, с. 6]. В других работах данное значение отмечается редко. Ср., напр.:

- «У выражает валентность пациенса предикатного слова X: *палить по крепости; стукнуть по столу; ударить по шее*» (Иомдин, зн. I.11.) [3, с. 110].

- Д.Э.Розенталь: при обозначении лица, предмета, на который направляется действие: *Хлопнуть по плечу, Удар по врагу* [5, с. 255].

2. Объект как сфера распространения интеллектуального действия.

Данное значение мы посчитали необходимым выделить, опираясь на ряд примеров, встреченных нами в работе Л.Л.Иомдина в рамках следующего значения: «ситуация, занятие или текстовый материал X касается сферы человеческой деятельности Y: *урок по алгебре; первенство по футболу; специализироваться по химии, готовить по математике; успевать по литературе; экзаменовать по философии; оценка по литературе; учебник по биологии*» (Иомдин, зн. I.4.1.) [3, с. 101]. Однако из примеров, приведенных исследователем, мы (исходя из того смысла, который видим в выделенном нами значении) исключаем *урок по алгебре; первенство по футболу; учебник по биологии*, т.к. в них мы, согласно выбранному подходу, выделяем другие отношения – атрибутивные (главное слово – не отглагольное существительное).

Стоит отметить, что во всех словарях выделяется подобное значение – при обозначении рода деятельности или области ее распространения (БАС, объект., зн. 6) [7, с. 7], сопровождающееся следующими примерами: *Чемпион по боксу. Помогает по хозяйству. Работа по откатке. Дежурный по школе. Занятия по математике. Исследование по физике. Коллега по работе. Клуб по интересам.* Однако мы видим в данных примерах различные типы значений: *Чемпион по боксу; Коллега по работе; Клуб по интересам; Занятия по математике* – атрибутивные; *Помогает по хозяйству; Работа по откатке* – объектные (объект физического действия); *Дежурный по школе* – пространственные (действовать в пределах чего-либо). И только *Исследование по физике* мы относим к рассматриваемому типу значений – объект интеллектуального действия (= исследовать что).

К данному значению мы отнесли также следующее значение, выделенное Л.Л.Иомдиным: (офиц. прост.) «У не имеет собственного значения и выражает валентность темы предикатного слова X: *обменяться мнениями по этому кандидату; у вас есть возражения по товарищу...; дискуссия по Прибалтике*» (Иомдин, зн. I.9.2) [3, с. 109].

3. Объект горестного чувства.

Данное значение выделяется во всех словарях: «с *дат.* и *предл.* употребляется при обозначении предмета, лица, о котором думают, тоскуют, скорбят и т.п.: *тоска по городскому шуму; траур по матери*» (БАС, объект., зн. 9) [7, с. 7], а также у некоторых исследователей:

- «У не имеет собственного значения и выражает объектную валентность предикатного слова X: *тосковать, скучать, грустить, скорбеть... по кому-то; плач по погибшим; тоска по родному дому*» (Иомдин, зн. I.10 + III.2.1.) [3, с. 110, 117];

- Д.Э.Розенталь: при указании на лицо, предмет, о котором скучают, тоскуют: *Соскучиться по детям; Тоска по родине* [5, с. 255];

- В.С.Бондаренко: в словосочетаниях, при так называемых глаголах чувства: *скучать, тужить, тосковать, вздыхать, грустить, страдать, горевать* и некоторых других, особенно в диалектной и разговорной речи, употребляется предлог *по* с существительными единственного числа и в предложном падеже, например *тужит по сыне, тоскует по муже, плачет по отце* и др. [1, с. 29].

Определительные (атрибутивные) отношения

В БАСе (а также во всех рассмотренных словарях) в рамках данных отношений рассматривается следующее значение: с *дат.* употребляется при указании на предмет или лицо, а также на качество, свойств кого-, чего-либо, характеризующие со стороны тех или иных признаков, связей, отношений и т.п. (БАС, определит., зн. 10) [7, с. 7]. В словарях приводятся следующие примеры: *Отличный по качеству. Ранний по времени. Братья по оружию. Одинаковые по вкусу. Брат по матери. Учитель по профессии. Важный по значению. Пригодный по здоровью.* Мы видим в них другие отношения: *Отличный по качеству. Ранний по времени. Одинаковые по вкусу. Важный по значению. Пригодный по здоровью* – комплетивные отношения. И только *Братья по оружию. Брат по матери. Учитель по профессии* – определительные.

Отметим, что в словосочетаниях с определительными отношениями главное слово обычно является существительным или местоимением. В рамках определительных отношений мы выделяем следующие значения.

1. Характеристика кого-чего-либо по связи со сферой деятельности, областью знаний.

Данный тип значений предлога ПО раскрывается в примерах, сопровождающих следующее, указанное во всех словарях значение: «с *дат.* употребляется при обозначении рода деятельности или области, сферы, места ее распространения. *Чемпион по боксу. Специалист по животноводству*» (БАС, объект., зн. 6) [7, с. 7]. Ср. также:

- «ситуация, занятие или текстовый материал X касается сферы человеческой деятельности Y: *урок по алгебре; первенство по футболу; ... учебник по биологии*» (Иомдин, зн. I.4.1.) [3, с. 101];

- «Y не имеет собственного значения и выражает валентность содержания предикатного слова X: *операция по удалению катаракты; план по выпуску изделий; комитет по правам, комиссия по расследованию*» (Иомдин, зн. I.9.1.) [3, с. 109];

- РГ-80: один из видов определительных отношений – отношения ограничения (сущ. + дат. п.) В качестве главного слова здесь выступают имена существительные различных лексико-грамматических групп: ...названия действий, процессов, названия результатов действий и др.; значение главного слова ограничивается и уточняется зависимым словом, напр.: *инспектор по качеству, сведения по грамматике, ... задачник по алгебре, работы по строительству, хлопоты по переезду, операции по займам* [6, с. 264];

- В.В.Виноградов: лимитативные, ограничительные отношения (по – с дат.)...: *инспектор по труду, специалист по машиностроению* [2, с. 563];

- В.С.Бондаренко: определительные: *совещание по хлопку* [1, с. 29];

- Д.Э.Розенталь: при обозначении цели совершения действия: *Работа по озеленению города*; при обозначении сферы проявления действия: *Занятия по физике* [5, с. 255].

2. Характеристика людей по общности местонахождения, сферы деятельности, по родству и т.п.

Данный тип значения, как указывалось выше, рассматривается в БАСе в рамках объектных отношений (см. знач. 6 в БАС), и его, на наш взгляд, иллюстрирует следующий пример: *Коллега по работе*.

Данное значение обнаруживаем и в других работах:

- «человек W и человек Z находятся друг с другом в симметричном отношении X, которое обусловлено общей принадлежностью W и Z к организации, месту или деятельности Y: *сосед по комнате; знакомый по санаторию; коллега по институту; товарищ по работе*» (Иомдин, зн. I.3.2.) [3, с. 101];

- в РГ-80 в рамках отношений ограничения: *родственники по мужу, товарищ по несчастью* [6, с. 264];

- Д.Э. Розенталь: при указании на лицо, предмет, при помощи которого характеризуется кто- или что-либо: *Брат по матери...* [5, с. 255];

- «свойство X, характерное для человека Z, обусловлено тем, что Z имеет родственника Y: *итальянец по отцу*» (Иомдин, зн. I.4.4.) [3, с. 102].

Ограничительные отношения (в рамках комплетивных)

Данный тип отношений, на наш взгляд, можно выделить в несвободных словосочетаниях, в которых степень семантической спаянности компонентов достаточно высока и от главного слова затруднительно задать вопрос в рамках существующих отношений. Для нас такими словосочетаниями с предлогом ПО являются сочетания с главным словом, выраженным прилагательным или причастием, и зависимым – существительным, указывающим на некий ограничительный параметр проявления признака.

Упоминание примеров такого характера мы встретили во всех словарях. В БАСе они рассматриваются в рамках определительных отношений: «с дат. употребляется при указании на предмет или лицо, а также на качество, свойств кого-, чего-либо, характеризующие со стороны тех или иных признаков, связей, отношений и т.п. *Отличный по качеству. Ранний по времени...* (БАС, определит., зн. 10) [7, с. 7]. Также указание на данное значение встречаем в других работах:

- ограничительные отношения (прил. + дат. п.) признак, выраженный прилагательным, дополняется указанием: 1) на предмет, в каком-либо отношении уточняющий признак, напр.: *добрый по натуре, мягкий по тембру, текучий по составу, разные по характеру...* [6, с. 317-318];

- Н.Н. Прокопович: ограничительные (прил. + дат. п.): «В них признак, обозначенный именем прилагательным, дополняется указанием на предмет, в каком-либо отношении уточняющий и вместе с тем ограничивающий признак, например: *мягкий по тембру, текучий по составу, оригинальный по замыслу*» [4, с. 281];

- «признак, обозначаемый именем прилагательным, ограничивается указанием на то, что он (признак) приписывается предмету – носителю признака на основании внешних данных, по внешнему впечатлению: *по виду старший, по виду добротный, по внешности странный*» [4, с. 284];

- «сближается по функции с качественно-обстоятельными наречиями, обозначающими сравнение, образ и способ действия...: *по отцу вспыльчивый, по традиции воинственный, по обыкновению суровый*» [4, с. 284];

- «значение свойства или признака Y, характерного для Z, есть X: *...русский по национальности; старший по званию; младший по возрасту; великолепный по качеству; близкий по духу; напоминает по запаху*» (Иомдин, зн. I.4.3.) [3, с. 102];

- «между свойством или признаком Y, характерным для Z, и свойством или признаком Y, характерным для W, имеет место отношение X: *Япония обгоняет США по экспорту автомобилей; По силе и ловкости ему нет равных; Занимает первое место по продолжительности жизни*» (Иомдин, зн. I.4.2.) [3, с. 102];

- Д.Э.Розенталь: (дат. п.) при указании на лицо, предмет, при помощи которого характеризуется кто- или что-либо: *...Старший по возрасту; Важный по значению* [5, с. 255].

Список литературы

1. Бондаренко В.С. Предлог в современном русском языке. М., 1961.
2. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1986.
3. Иомдин Л.Л. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). М., 1991. С. 94-120.
4. Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966.
5. Розенталь Д.Э. Управление в русском языке: словарь-справочник. М., 1997.
6. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

7. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т.10. (М.; Л., 1948-1965); М., 1960. С. 5-10.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА В ПРАГМАТИКЕ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Целоева Д.А.

студентка специальности «Перевод и переводоведение»,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В данной статье дается анализ определения художественный текст, даны его основные характеристики, и сделан вывод о том, что основной задачей перевода текста художественной литературы является сохранение прагматического потенциала, а также порождение на языке перевода произведения, способного оказывать эстетическое воздействие на читателя, равное воздействию оригинального произведения. Следует отметить, что в художественных текстах эстетическая компонента заключается в необходимости обеспечить манипулятивное воздействие на читателя, путем употребления средств выразительности речи, которые отражают языковую личность автора, а также его мировоззрение и мироощущение, влияют на сознание и восприятие читателя.

Ключевые слова: прагматический эффект, художественный перевод, средства выразительности речи, эстетическое воздействие.

Перевод произведений художественной литературы представляет собой процесс преобразования информации с одного языка на другой. При этом, основная сложность для переводчика состоит в том, что необходимо передать весь смысл текста оригинала таким образом, чтобы читатель понял, о чем идет речь.

Известный русский ученый-лингвист Ю. Солодуб отмечает: «Художественный текст представляет собой сверхфазовое единство, которое характеризуется общностью идейно-тематического содержания и эстетического воздействия на читателя» [5, с. 160]. Одной из главных функций перевода и является оказание определенного эстетического воздействия на читателя, подобного тому, которое оказывает оригинальное произведение. Эта функция реализуется на основе эстетизации изображаемой при переводе действительности, которая достигается путем использования средств выразительности, наиболее точно подходящих для создания желаемого эмоционального эффекта.

Любое художественное произведение, независимо от жанра, имеет ряд особенностей, отличающих его от других типов текста. При анализе этих особенностей и выявляется индивидуальная манера писателя, которую необходимо сохранить и передать при переводе. Ведь сообщая какую-либо информацию, писатель тем или иным способом воздействует на читателя. Сила этого воздействия в раню мере зависит от содержания и степени художественного текста. Таким образом, перевод призван оказать на читателя или слушателя тот же эффект, что и оригинальное произведение. Для этого, текст

должен быть включен в культурную среду языка перевода, только в этом случае он сможет выполнять свою функцию. Как упоминал в своей работе С.Н. Бредихин: «Конкретное семантическое наполнение и эмоционально-экспрессивная оценка зависят как от культурного континуума, в пределах которого творит автор, так и от его собственного представления, при этом выбор лексического оформления, несмотря на ограниченность языковыми возможностями, максимально индивидуализирован» [2, с. 212]. И.С. Алексеева утверждает, что подобная интеграция, как правило, осуществляется на основе выполненного перевода, после чего художественное произведение «заново пересоздается» [1, с. 299].

Таким образом, качественно выполненный перевод сохраняет и передает индивидуальную манеру изложения автора. Несмотря на это, перевод неизбежно ведет к преобразованию или замене некоторых средств выразительности речи эквивалентами, имеющимися в языке перевода. Различия в языковых и культурных картинах мира, в личностях автора и переводчика неизбежно вызывают противоречия, для преодоления которых переводчик должен изучить авторскую эстетику, образ его мыслей, способ и особенности их выражения.

Поскольку перевод – процесс, заключающийся в преобразованиях текста с одного языка на другой, неизбежны стилистические преобразования, употребление которых поможет оказать необходимое воздействие на читателя. Способность текста производить определенный коммуникативный эффект и осуществлять прагматическое воздействие на читателя называют прагматическим потенциалом [3, с. 256]. Намереваясь воссоздать текст, переводчик отбирает в тексте оригинала те языковые единицы, которые, по его мнению, обладают необходимым коммуникативным значением и структурирует их таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи. Воспринимая переведенное произведение, читатель должен проникнуться его замыслом, полностью воспринять образ и заложенную автором произведения идею. Говорить об адекватном и эквивалентном воспроизведении эстетического воздействия оригинала можно только при условии, что переводчику удалось добиться поставленной задачи. Ведь «выражение некоей эстетической категории с помощью <...> образа определяется его соответствием эстетическому идеалу в когнитивно-валерной системе реципиента» [2, с. 214].

«В уровень прагматики включаются системные характеристики художественно-эстетического семиозиса, такие как: принципиальная возможность текста вызывать эстетический перлокутивный эффект, интенционально обусловленный коммуникативными стратегиями продуцента и его когнитивно-валерной системой» [2, с. 213]. Иными словами, в результате отбора языковых единиц созданный текст приобретает определенный прагматический потенциал, способный оказать определенное эстетическое воздействие на читателя. При этом, по своей сути, художественное произведение полифункционально, так как, также выполняет когнитивную и коммуникативную функции.

Различие языковых картин мира, несоответствие личностей автора произведения и переводчика, определяют трудности, связанные с сохранением прагматического потенциала при переводе. Так как перевод, в первую очередь, является интерпретацией оригинального произведения, в его процессе неизбежны переводческие потери. В этом случае, необходимо помнить, что в художественном тексте важно сохранить функцию, которую выполняет та или иная языковая единица. Иными словами, опустив непередаваемое на русский язык стилистическое явление, переводчик вернет «долг» тексту, создав в другом месте текста – там, где это наиболее удобно – другой образ, но схожей стилистической направленности [4, с. 234]. В том случае, когда переводчику удалось этого добиться, можно говорить об эквивалентном и адекватном воспроизведении коммуникативного эффекта оригинала.

Что касается средств выражения прагматического потенциала, то они подразделяются на невербальные и вербальные. К вербальным прежде всего относятся лексические и фразеологические. Так, на лексическом уровне, в качестве одного из самых частотных средств воздействия на читателя являются основанные на аналогии и уподоблении семантические преобразования. Самой используемой из них является метафора:

Don't let the stars get in your eyes, – he warbled, – don't let the moon break your heart [6, с.14].

Уолтер Коми напевал: Не дай свету звезд ослепить тебя. Не дай луне разбить твое сердце (перевод автора).

Эпифорическая развернутая метафора в данном предложении способствует созданию и усилению прагматического потенциала и переведена при помощи калькирования и добавления, так как в исходном и переводящем языке не совпадают как правила сочетаемости, так и традиции выражения эмоционально-оценочной информации, употребленные в данной метафоре.

На фразеологическом уровне сила прагматического эффекта заключается в придании речи выразительности, создании ощущения новизны и удивления, отражении эмоционального отношения, говорящего в той или иной ситуации.

You kidding? Green Mountain Coffee? Night-and-day difference» Walt said [6, с. 24].

Серьезно? Кофе Грин Маунтин? Да этого же ясно, как божий день!», ответил Уолтер (перевод автора).

Из контекста ясно, что герой вкладывает во фразеологизм значение чего-то совершенно ясного, не подлежащего сомнению, некий призыв не сравнивать несопоставимые вещи, делать верную оценку происходящего. Буквальное значение данного фразеологизма – «разница как день и ночь», но закрепленный в русских словарях фразеологизм «ясно как божий день» наиболее экспрессивно характеризует данное выражение.

На основании проведенного исследования мы пришли к мнению, что одной из основных задач переводчика является порождение на языке перевода произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздей-

ствие на читателя, эквивалентное тому воздействию, которое оказывает данное художественное произведение на исходном языке. Иными словами, эстетическая компонента заключается в необходимости обеспечить своеобразное манипулятивное воздействие на читателя, разбудить в нем эмоции, заставить сопереживать героям, полностью понять идею и замысел вымышленного мира. В художественных текстах эстетическая компонента реализуется путем употребления переносных значений слов, т.е. метафор, фразеологизмов и иных средств художественной выразительности. Следует также отметить, что произведениям художественной литературы присущи эстетический и прагматический аспекты, которые при помощи средств художественной выразительности отражают языковую личность автора, его мировоззрение и мироощущение, влияют на сознание и восприятие читателя. Таким образом, перевод произведения художественной литературы можно определить, как процесс воспроизведения мира автора и его языкового сознания посредством выразительных средств языка.

Список литературы

1. Алексеева, И.С. Введение в перевод введение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв, фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 232 с.
2. Бредихин, С.Н., Давыдова Л.П. Поэтический текст как коммуникативно-эстетическая категория // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 2. – С. 210-216.
3. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). / Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 302 с.
4. Прозоров, В. Г. Основы теории и практики перевода с английского языка на русский / В. Г. Прозоров. М., 1998 – 234 с.
5. Солодуб, Ю.П. Теория и практика художественного перевода. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
6. Russo, R. Empire Falls / R. Russo. – N.Y.: HarperCollins, 2001. – 484 p.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.П. НЕГОША ПОД ВЛИЯНИЕМ ИДЕЙ ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ ИЗ ДИНАСТИИ ПЕТРОВИЧЕЙ-НЕГОШЕЙ

Циманович Л.С.

соискатель степени кандидата наук кафедры славянских литератур,
Белорусский государственный университет, Беларусь, г. Минск

В данной статье на примере развития российско-черногорских отношений рассматривается вклад православных владык из династии Петровичей-Негошей в формировании образа России в сознании Петра II Петровича-Негоша. Будучи продолжателем идей своих предшественников, он сумел поставить отношения между двумя странами на новый уровень развития, при этом, запечатлев образ России в своем поэтическом творчестве, что, в свою очередь, положительно повлияло на восприятие восточнославянского братского народа у черногорцев. Обращаясь к «русской теме» в творчестве, Негош не мог ни упоми-

нать о деятельности своих предшественников, которые заложили фундамент русско-черногорских отношений, основанных на братской любви и взаимопомощи.

Ключевые слова: Петр II Петрович-Негош, Даниил Шчепчевич Петрович-Негош, Савва Петрович-Негош, Василий Петрович-Негош, Петр I Петрович-Негош, Карагеоргий Петрович, сербская литература, Черногория, Россия, русско-черногорские отношения, межславянские связи.

Петр II Петрович-Негош внес неоценимый вклад в развитие межславянских, в частности – русско-черногорских культурных и политических связей. Стоит отметить, что его приверженность идеи славянского братства стала результатом преемственности взглядов, унаследованных им от его предшественников-владык и правителей из династии Петровичей-Негошей, стоявших у истоков черногорской государственности. Многие их идеи Негош реализовал в своей общественной и политической деятельности, что, в свою очередь, нашло отражение и в его творчестве.

По преданию, последний правитель из династии Црноевичей, являющейся ответвлением рода Неманичей, Максим Црноевич, правивший Черногорией до 1516 г., «по совету своей жены Марии, дочери венецианского дожа, в общем народном собрании власть над Черногорею передал цетиньскому епископу Вавилу, а сам удалился в Венецию» [1, с. 9.]. С тех пор православные митрополиты возглавили не только духовную, но и светскую власть в Черногории, которая сохраняла автономный статус в юрисдикции Османской империи, будучи под протекторатом Венецианской республики.

Балансируя между мощными силами, черногорским митрополитам приходилось сталкиваться с нарастающими притязаниями на подчинение со стороны турок, которые применяли не только административные меры воздействия на населения, но и всячески стремились увеличить свое влияние среди черногорцев посредством распространения ислама, принятие которого считалось главным признаком подчинения султану.

Из черногорских митрополитов Первым, решившимся на открытую борьбу с турками был Даниил Шчепчевич Петрович-Негош (1670-1735), который явился основателем династии Петровичей-Негошей, возглавлявшей Черногорию на протяжении более чем 220 лет (1697-1918), став во главе Цетиньской метрополии в 1697 г.

В истории Черногории владыка Даниил – выдающаяся личность: обладая непревзойденными лидерскими качествами, он сумел заложить в Цетине фундамент формирования центра политической борьбы славян за независимость от османского владычества на Балканах. Многие идеи Даниила, которыми впоследствии руководствовались его потомки, легли в основу черногорской программы государственной политики. Среди этих идей особо выделяется ориентация во внешней политике на Россию, как на мощного союзника, способного не только защитить маленькую Черногорию и православное население Балкан, но и вместе с ней вести военные действия в регионе: «Отношения с Россией митрополит Даниил считал жизненно важными для Чер-

ногории, а также важнейшей опорой собственной политической концепции. Отсюда следует его огромное воодушевление и полное принятие русского призыва совершить нападения на османские города... Он верно предугадал перспективное значение союза с русскими и важность, которую для Черногории может иметь получение русского покровительства в международных отношениях» [2, с. 220].

Деятельность владыки Даниила нашла отражение в народной поэзии. О важнейших событиях, произошедших в эпоху его правления (мучения, пережитые им в плену у принявших ислам черногорцев, «истребление потурченцев», принятие послов Петра Первого и последовавшая война с турками в ответ на русский призыв, поражение в данной войне и агрессия визиря Чуприлича и др.) повествуется в эпических песнях, в которых владыка показан продолжателем борьбы за сохранении сербской государственности, уходящей своими истоками к Косовской битве 1389 г.: ... *нак им бане (владыка Даниил – Л. Ц.) поучења даје / што су наши стари учињели / и слободу како су чували / док погибе Лазар у Косову* [3, с. 25].

Особое место образ владыки Даниила занимает в творчестве его потомка Петра II Петровича-Негоша, который к нему обращается в таких произведениях, как «Свободиада» (*Свободијада*), эпических песнях сборника «Зеркало сербское» (*Огледало српско*) и, конечно же, в драматической поэме «Горный венец» (*Горски вијенац*). В ней поэт «личную идею владыки Даниила претворил в общее стремление целого народа. Он эту смелую операцию такого авторитетного политика, каким был Даниил, возвел в единодушную акцию всей Черногории. Он представил момент истребления как момент, когда все сербы чувствуют, что им надо окончательно поделить Косово с турками, когда кровь вскипела из-под земли, и когда, как никогда раньше, пришло время воевать. Ему (автору – Л.Ц.) казалось, что он уменьшит важность события, если оставит его только в руках владыки, как это сделала история» [4, с. 25].

Во владыке Данииле Негош видел инициатора возрождения сербского царства, утвердившего статус Черногории как прибежища не сломленных духом борцов, нашедших здесь возможность для продолжения борьбы за свободу и веру, а также мудрого правителя, стремящегося к укреплению связей между славянскими народами. В поэтическом творчестве Негоша «подчеркивание роли владыки Даниила Петровича является утверждением потребности разумного руководства со стороны народного повелителя» [5, с. 207]. Данную миссию Негош пытался воплотить в своей деятельности по управлению странной, имея перед собой те же ориентиры, которым следовал и владыка Даниил.

После Даниила кафедру митрополита занял владыка Савва (1700-1781), правивший Черногорией с перерывами более 45 лет. Цель своего пребывания во главе Черногории Савва видел в том, чтобы поддерживать хорошие отношения с Венецианской Республикой и избегать открытой конфронтации с Османской империей. На первый взгляд, данное политическое поведение

должно было бы только способствовать внутреннему укреплению Черногории, понесшей значительные материальные и людские потери в ходе военных кампаний визирей Нуман-паши Чуприлича и Бечир-паши Ченгича. Однако, на самом деле, отстраненность владыки Саввы от активного участия в решении государственных проблем привела к политическому кризису, в ходе которого на авансцену вышла загадочная фигура самозванца, представившегося российским императором Петром III, вошедшего в историю под именем Степана Малого.

Примечательно, что эпизод правления в Черногории Степана Малого стал темой литературного осмысления двух сербских писателей (Степана Митрова Любиши и Петра II Петровича Негоша). Однако ни один из них не ставил вопрос о причинах появления самозванца, которые можно отыскать в политике Саввы. В то же время об успехе Степана Малого написано немало, при этом авторы и исследователи отмечали как положительные, так и отрицательные стороны периода его правления. Пожалуй, самой известной рефлексией о черногорском самозванце явилась драматическая поэма П. Негоша «Самозванец Степан Малый» (*Лажни цар Шћепан Мали*), изданная в 1851 г. Данное произведение, в котором, по мнению И. Секулич, нет «центральной проблемы; нет главного героя; нет носителя мнения писателя; нет определенной страсти, которая бы скрыто подводила к коварству и героической смерти, или бы сильнее всего проявлялась в комических рефлексиях» [6, с. 263], стало результатом размышлений поэта о мировоззрении своих соотечественников, в котором Россия занимает особое место.

В отличие от владыки Саввы, политическая программа его двоюродного брата Василия Петровича-Негоша, следующего правителя Черногории, была насквозь пронизана русофильством, что во многом роднит ее с идеями владыки Даниила, которые из-за его смерти не успели реализоваться. По замечанию Ж. Андрияшевича, в лице владыки Василия «родоначальник династии получил настоящего продолжателя, а остальные правители из семьи Петрович-Негош – неоспоримый пример политической мысли и деятельности. Петровичи-Негоши, которые стали во главе Черногории после него, добились, находясь во главе государства, бóльших успехов, чем митрополит Василий, но политические концепции, на основании которых были достигнуты данные успехи, в основном являются его заслугой» [2, с. 224].

Русский вектор внешнеполитической деятельности владыки Василия был сформулирован в заключении написанного им труда «История Черногории», изданного в Петербурге в 1754 г., согласно которому черногорцы стремятся «за едину честь себѣ признать своимъ оружіемъ услужити Христіанскому Государю» [7, с. 13], т. е. российскому императору. Однако Василий «не хотел, чтобы русская помощь или защита носили характер христианской солидарности или милостыни, которую богатая православная страна подает бедной, а чтобы ее (России – Л.Ц.) помощь была справедливой компенсацией за услуги и значение, которое Черногория имела в русской политике на Балканах» [2, с. 225]. Признание заслуг со стороны России в качестве мощного

союзника, а не повелителя, прослеживается и в поэтическом наследии Негоша, перенявшего и развившего идею своего энергичного предшественника: *Тек виђеше Црногорци / да им сјевер, глава скитска, / са помоћу иде ћерат / прелакома, човјечества / страшна врага ненасита, / одма брже са границах / полећеше огњевито* [8, с. 186].

Стратегия союзничества прослеживается и в позиции следующего правителя Черногории из династии Петровичей-Негошей – Петра I Петровича-Негоша (1748 – 1830 гг.), доказательством чего является его самоотверженная борьба против наполеоновских войск на Адриатике, подробно описанная и воспетая в поэтическом плане П.П. Негошем в Десятой песне «Свободиады». Тогда черногорцы воевали на стороне России, что придавало их борьбе смысл братского единения с целью освобождения славян, проживающих на Адриатическом побережье. И хотя данная военная кампания для Черногории закончилась лишь большими людскими потерями, не принесла желаемого расширения территории за счет присоединения Боко-Которского залива и других городов Адриатики, таким образом, Петр I восстановил в глазах российского императора образ Черногории как верного союзника России. «Свое непослушание он должен был искупать походом на фронт и жертвованием черногорцев ради бессмысленных боев, которые проводили русские офицеры. И для него, и для Черногории трагически обернулась вера в то, что он может безнаказанно брать от России деньги и получать политическую защиту, в то же время тайно проводя переговоры с ее политическими противниками» [2, с. 237-238].

Вероятно, осознавая безрезультативность для своей страны участия Черногории в российских военных компаниях, Петр I стремился наладить прочные дипломатические отношения с Петербургом, так как покровительство перед Турцией и Австро-Венгрией мощного славянского единоверного союзника было необходимо Черногории и в мирное время. И хотя при жизни самого владыки данная политика существенных результатов не принесла, ее плоды познал наследник и последователь Петра I – Раде Петрович-Негош, т.е. Петр II Петрович-Негош. Ведь недаром перед смертью владыка наставлял племянника: «Молись Богу и держись России!» [9, с. 496]. Только в восточнославянском союзнике он видел опору для создания независимого южнославянского государства.

Аналогичные взгляды разделял современник Петра I, предводитель Первого сербского восстания Карагеоргий Петрович. Как отметил митрополит Амфилохий (Радович), «инициатор восстания сербского не Карагеоргий; инициатор сербского восстания, этой новой движущей силы в сущности сербского народа, – Святой Петр Цетиньский» [10]. Петр I оказывал Карагеоргию всяческую поддержку, и, узнав о поражении восстания, а затем и о гибели вождя, скорбел: «Святой Петр был глубоко потрясен, когда убили Карагеоргия в Радованьском Луге в 1817 году. Это была глубокая рана, о которой он пишет в своих письмах, и эту рану он перенес на своего племянника» [10]. Негош считал Карагеоргия величайшим представителем сербского

народа, а себя – последователем идеи Великого вождя, который *диже народ, крсти земљу, а варварске ланце сруши, / из мртвијех Срба дозва, дуну живот српској души* [11, с. 9]. Деятельность Петра I и Карагеоргия стала образцом для политических инициатив Негоша, продолжавшего бороться за право сербского народа на самоопределение.

Петр I и Карагеоргий в понимании Негоша были настоящими патриотами сербского народа, а попытки осмысления предпринимаемых ими действий стали предпосылками для формирования идеи славянского возрождения на Балканах. Негош не раз обращался к этим двум личностям в своем творчестве, ставя их в один ряд с Милошем Обиличем, владыкой Даниилом, Вуком Мандушичем и другими юнаками, стремившимися возродить былую славу сербского государства. Поэт вдохновлялся их подвигом, который развил в нем безграничный патриотизм. Как отметил Е. Ковалевский, «чувство, в нем преобладающее, чувство, развитое в высшей степени – это пламенная любовь к родине, к ее славе, ее благоденствию; в этом отношении, он постоянно находится в каком-то восторженном состоянии» [12, с. 20-21].

Политическая деятельность самого Негоша явилась периодом многочисленных преобразований в Черногории. Однако в то же время она стала осмысленным продолжением начинаний его предшественников из династии Петровичей-Негошей: Даниила, Василия, Петра I, которые отстаивали независимость Черногории, рассчитывая на поддержку и заступничество России, при этом воспринимая данное государство как партнера, отношения с которым строятся по принципу взаимопомощи и взаимоподдержки. Данные положения нашли свое воплощение и в поэтическом творчестве Негоша, где красной нитью прослеживается идея о России как о *светиње опште силнога Славјанства* [13, с. 153].

Список литературы

1. Вацлик, И.Я. Черногорские правящие династии. Историко-генеалогическая справка / И.Я. Вацлик. – СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. – 23 с.
2. Andrijašević, Ž. Sedam Petrovića / Ž. Andrijašević // Matica: časopis za društvena pitanja, nauku i kulturu. – 2012. – № 51/52. – С. 215-270.
3. Његош, П.П. Српски Бадњи вече / П.П. Његош // Огледало српско / П.П. Његош // Собр. соч.: в 7 т. – Београд: Просвета, Цетиње: Обод, 1974. – Т.4. – С. 25-34.
4. Поповић, П. О «Горском вијенцу» / П. Поповић // О Његошу. / П. Поповић. – Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. – 194 с.
5. Bogičević, Č. Petar II Petrović Njegoš kao državnik / Č. Bogičević // Matica: časopis za društvena pitanja, nauku i kulturu. – 2012. – № 51/52. – С. 205-214.
6. Секулић, И. Његошу књига дубоке оданости / И. Секулић – Подгорица, 1996. – 332 с.
7. Негош, В.П. Историја о Черной Горы / В. Петровић – Негош. – М.: Университетская типография, 1860. – Изд. 2. – 16 с.
8. Његош, П.П. Свободијада / П.П. Његош // Собр. соч.: в 7 т. – Београд: Просвета, Цетиње: Обод, 1974. – Т.2. – С. 9-224.
9. Pajović, R. Petar II Petrović Njegoš kao državnik / R. Pajović // Matica: časopis za društvena pitanja, nauku i kulturu. – 2013. – № 55. – С.493-512.
10. Митрополит Амфилохије (Радовић). Свети Петар Цетињски и Карађорђе [Электронный ресурс] / Митрополит Амфилохије (Радовић) // Центар за истраживање

православнога монархизма. – Режим доступа: <http://www.czipm.org/ptr-krdj.html> – Дата доступа: 08.11.2016.

11. Негош, П. П. Горски вијенац / П.П. Негош // Собр. соч.: в 7 т. – Београд; Цетиње, 1974. – Т.3. – С. 9-131.

12. Ковалевский, Е.П. Четыре месяца в Черногории / Е.П. Ковалевский // Черногория и славянские земли / Е.П. Ковалевский // Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского: в 5 т. / Е.П. Ковалевский. – Спб.: Издание И.И. Глазунова, 1987. – Т.4. – С. 4-160.

13. Негош, П.П. Александру Попову / П.П. Негош // Собр. соч.: в 7 т. – Београд: Просвета, Цетине: Обод, 1974. – Т.1. – С. 153.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫЧЕСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИЙ В РАССКАЗЕ АНАТОЛЯ КОЗЛОВА «ШЧЭПАЦЬ ПОПЕЛУ»

Цыбакова С.Б.

доцент кафедры русской и мировой литературы, канд. филол. наук, доцент,
УО «ГГУ имени Франциска Скорины», Беларусь, г. Гомель

В статье рассматривается взаимодействие языческой и христианской традиций в художественном мире рассказа Анатоля Козлова «Шчэпаць попелу» («Щепоть пепла»). Особое внимание уделяется анализу образа старого лесуна, созданного писателем на основе фольклорно-мифологической традиции. Прослеживается его связь с языческим почитанием природы, с растительным кодом мифопоэтической модели мира в произведении. Определяется специфика образа искусителя-дьявола, его роль в развитии и развязке трагического конфликта между обыденной психологией и духовным сознанием, носителем которого является лесной отшельник-изгой, проповедник евангельских идеалов Якуб. Выявляется противоречивое отношение автора рассказа к христианскому учению, а также к переплетению его ценностей с языческими по происхождению верованиями и представлениями в сознании современников.

Ключевые слова: язычество, низшая мифология, традиция, леший, лясун, растительный код мифопоэтической модели мира, искуситель-дьявол, евангельское (христианское) учение, служение ближнему, праведник, гибель безбожного мира.

Рассказ «Шчэпаць попелу» («Щепоть пепла») – одно из произведений раннего периода творчества современного белорусского прозаика Анатоля Козлова, специфической чертой которого является его глубинная, архетипическая связь с народной традицией, с комплексом верований и представлений, характеризующих славянское языческое мировоззрение. Его главные черты – это, как отмечает С.М. Толстая, «одухотворение природы (аниматизм и анимизм), культ предков и сверхъестественных сил, убеждение в их постоянном присутствии и участии в жизни людей <...>, развитая низшая мифология <...>, вера в возможность воздействия на положение вещей в мире средствами примитивной магии, антропоцентризм» [7, с. 616]. В художественном мире рассказа «Шчэпаць попелу», вошедшего в книгу прозы Анатоля Козлова «І тады я памёр...» (1993), разнообразные фольклорно-мифологические элементы взаимодействуют с евангельской идеей служения

ближнему, с христианскими представлениями о грехе и спасении души от дьявольского искушения.

Персонажами рассказа являются Ахрэм (Ахрем), житель деревни, вымиравшей от неизвестной болезни, отшельник Якуб, не признанный и изгнанный односельчанами последователь Христа, а также сверхъестественные существа: лесуны, искуситель-дьявол. Отношение Ахрема, отправившегося в лес с целью отыскать в нем изгоя Якуба, к нечистой силе двоякое. С одной стороны, он опасается лесунов, с другой, – становится их помощником и союзником; ради земных благ и сохранения своего рода идет на соглашение со злым духом-искусителем и губит душу. В союзе с лесунами находится и проповедник евангельского учения Якуб. В изображении содружества человека и сверхъестественных существ передана такая черта языческого мировоззрения, как одухотворение природных объектов, стихий и явлений. В основе фантастического художественного мира рассказа лежит авторский нравственно-эстетический опыт постижения славянского язычества. Старый лесун – преобразенный художественной фантазией персонаж низшей мифологии восточных славян, преимущественно известный под названием «леший». Он, по народным поверьям, – «хозяин леса, покровитель лесных зверей и птиц» [5, с. 104]. Е.Е. Левкиевская приводит такие белорусские названия лешего, как «лясу́н (гомел., могилев.), лешу́к (витеб.), лесові́к (гомел., витеб.)» [5, с. 104]. «У великорусов и белорусов лешего называли большей частью или этим именем, или сходными названиями, выдающими происхождение данного образа: лесовик, лешак, лесной, лисун...», – пишет С.А. Токарев [6, с. 80].

Ахрем боится попасть на лесунову тропу: «Інакш закруцішся на адным месцы і ў галаве тлум пачнецца такі, што не пазнаеш, каго век ведаў, па якіх месцах басанож бегаў» [2, с. 196]. Н.А. Криничная замечает: «Согласно поверьям, и “перейти” тропу лешего, и ходить или лежать на ней небезопасно...» [4, с. 302]. Фольклорно-мифологический мотив, связанный с такой функцией лешего, как «сбивать человека с дороги, заводит в глубь леса, заставляя **блуждать** в течение многих часов (в.-слав.)» [5, с. 106], играет в рассказе сюжетобразующую роль. Однако старому лесуну чуждо озорство, он сбивает Ахрема с пути, чтобы человек оказал помощь его дочери-роженице.

Внешний облик демонологического персонажа, изображенный Анатоном Козловым, содержит ряд характеристик, закрепленных за духом леса в восточнославянской мифологии: «Стары з даўжэзнай барадою <...>. Шараватая світка на дзядку была без ніводнага гузіка. <...>. Ногі былі ўсунуты ў берасцяныя лапці» [2, с. 198]. Лясун выглядит как обычный человек, деревенский житель, и его внешний вид, лишенный необычных признаков, зафиксированных С.В. Максимовым, Н.Я. Никифоровским и другими этнографами, исследователями народной демонологии, также соотносится с мифологической традицией. Е.Е. Левкиевская отмечает, что по верованиям восточных славян леший «имеет вид мужика, старика с белой бородой, одетого в крестьянскую одежду...» [5, с. 105].

Среди перечисленных деталей портрета лесуна, функционирующих в качестве наиболее значимых компонентов мифопоэтической модели мира в рассказе, особое внимание обращают на себя берестяные лапти, в которые был обут персонаж. Определяя лапти как важнейший атрибут лешего, Н.А. Криничная выражает следующее предположение: «По-видимому, этим знаком маркировано прежде всего древесное происхождение мифического существа. Это материализация его следа (души)» [4, с. 262]. На тесную связь лешего с растительным миром указывает Е.Ф. Карский: «Почитание лешаго проистекало из поклонения растениям <...>. Почитание растительности простиралось до обоготворения ее, соединялось с поклонением ей; заросшие места населялись божественными существами, называемыми лешими» [3, с. 65-66]. Растительный код является одной из важнейших составляющих мифопоэтической модели мира в рассказе. Лясун приводит Ахрема в темное и глухое место, где под раскидистым вязом спрятана роженица, лесунова дочь. В изображении обжитого лесными духами пространства, в котором не слышно даже птичье пение, автор акцентирует полное отсутствие света: «Здаецца, што над усім распасцёрты нябачны цяжкі і даўкі чорны сувой, які не прадзярэш ні пазногцямі, ні вастрынёй зубоў» [2, с. 199]. В.Н. Топоров среди растений, «играющих особую роль в мифопоэтических представлениях» [9, с. 225], выделяет вяз – «символ красоты, изящества, изысканности, очарования, достоинства, величавости, также затененности» [9, с. 229]. Старого лесуна автор наделяет величавостью, даже в некоторой мере благообразностью. В отличие от церковно-христианского отношения к лешему как к нежити, нечистой силе в авторском сознании старый лясун – обладатель положительных внутренних качеств, хранитель древней языческой мудрости, тайного знания о единстве всего сущего, в том числе и о целебных свойствах растений, о чем свидетельствует подаренный лесным хозяином человеку-союзнику древесный корешок: «Добра дапамагае ад жыватовых хвароб, ад пякучкі пад грудзьмі і зацягвае цялесныя болькі» [2, с. 200].

Вопреки однозначно негативному отношению к лешему наряду с другими анимистическими образами славянской мифологии, сформированному в христианскую эпоху, писатель выражает внутреннюю солидарность с языческим мировоззрением. Лясун предстает в рассказе мудрым старцем-наставником, утверждающим в качестве высших ценностей почитание и сохранение естественных основ бытия, взаимосвязь с природой: «Мы, лесуны, у згодзе з зямлёю і небам. Мы шануем іх, а яны шануюць нас. І зямлю, і адно аднаго любіць трэба. Любіць так, каб ноч святлела» [2, с. 201]. Авторское отношение к локусу лесных духов, центром которого является вяз, характеризуется амбивалентностью. С одной стороны, данное место, названное в рассказе гиблым из-за непроглядного мрака и глухой тишины, вызывает у человека чувство страха, представляется опасным и враждебным. С другой, – рассматриваемый локус является недоступным для чужеродных сил, обеспечивая находящимся в нем обитателям безопасность. Лесуны противопоставлены вымирающим людям своей жизнестойкостью. В их образах персонифи-

цируется идея ценности жизни, продолжения рода. Вяз, под тенью которого рождается внук старого лесуна, приобретает символическое значение. Середина пуши, то есть «“маточник”» [4, с. 265], в котором живет, согласно восточнославянской мифологии леший, Н.А. Криничная выделяет как одно из мест «инкарнации душ предков в будущих потомков» [4, с. 8]. Старый лясун, сочувствуя людям, готов принять их в свое царство: «Калі не будзе ніякага выйсця, вядзі сваіх аднакрэўцаў у лес. Мы прымем» [2, с. 201].

Дихотомия жизнь–смерть, воплощенная в растительном коде мифопоэтической модели мира в рассказе, выражена в поэтических строчках Зничя, заключающих в себе мистический образ Древа жизни. Произнося их в диалоге с богопротивником, Якуб определяет свой религиозно-этический, духовный выбор:

Вы замове маёй паверце,
бы адвечнаму шэпту лісьця:
нас чаруе ў чужое сьмерці
патаемнае Дрэва жыцьця [2, с. 207].

Дерево жизни, согласно В.Н. Топорову, «актуализирует мифологический образ жизни во всей полноте ее смыслов и, следовательно, противопоставлено дереву смерти, гибели, <...>, зла» [8, с. 127]. Смерть в произведении соотносится с образом искусителя-дьявола, с христианскими представлениями о зле и грехе, а также с неминуемой апокалиптической участью людей. Рассказ завершается картиной предсмертной агонии деревни вследствие покрывшего ее густого дьявольского пепла. Дьявол, являющийся к Якубу, называя себя порождением грехов, предсказывает неизбежное уничтожение мира: «Канец то непазбежна адзін – поўнае знішчэнне. Такімі вы створаны ад самага пачатку, ад той хвіліны, калі першыя з вас расплюшчылі вочы. Перамаглі найгоршыя задаткі, якія знішчылі ўсё добрае ў душах» [2, с. 203].

Анатоль Козлов наделяет искусителя чертами, в совокупности формирующими представление об утонченном коварстве духа зла, его жестокости, внутренней мертвенности и враждебности всему живому. У искусителя красивое молодое лицо, но в нем «было нешта зямліста-шэрае, а ў вачах бачылася зеленаватая цвіль, якая нібы імкнулася пераліцца праз вейкі. Вытачаныя і моцна сціснутыя вусны д’ябла нечакана расплыліся ва ўсмешцы» [2, с. 205]. В создании образа дьявола автор рассказа опирается не столько на народные, сколько на церковно-книжные представления о богопротивнике. Дьявол персонифицирует закрепленные за ним в христианской демонологии антиценности, абсолютное зло, враждебность к человеку и миру: «Я зрабіў тое, да чаго ішоў тысячагоддзямі пасля славутага патопу. Ты хацеў быць для іх Настаўнікам, а стаў пустэльнікам. <...>. Ты ж ведаеш: у табе гарыць іскарка, якая можа запаліць у людзях полымя ачышчэння. І зноў пойдзе ўсё па новаму кругу. А дзеля чаго?» [2, с. 203].

Искушая Якуба земным счастьем и могуществом, дьявол просит взамен щепоть пепла из Якубовой печи, чтобы смешав ее с пеплом, уже собранным из шести печей, уничтожить с помощью ядовитой массы тех, кто изгнал пра-

ведника. В отказе Якуба мистическому человеконенавистнику выражена сущность христианской добродетели прощения обидчикам и врагам. Однако Якуб показан писателем как идеалист-одиночка, вследствие чего его выбор – исключение из правил. В образе Ахрема, напротив, обобщены черты обыденного сознания, ориентированного на земные ценности, утилитарного и одновременно наивного. Поверив искусителю и приняв его предложение, Ахрем губит свою душу. Писатель изображает конфликт между идеалистом, стремящимся к преображению несовершенной человеческой природы и обычным человеком, ставящим превыше всего земное благополучие. Чтобы обезопасить себя от нечистой силы, Ахрем произносит не христианскую молитву, а заговоры. Вводя в текст рассказа заговоры, Анатолий Козлов передает особенности народного сознания, веру в силу вербальной магии.

Гибель деревни показана автором произведения, передавшим в инскапительной форме свои переживания, вызванные Чернобыльской трагедией, как явление мистическое, роковое, следствие вмешательства inferнальной силы. Деревня, на которую обрушивается дьявольский пепел, приобретает вневременные черты, воплощая апокалиптическую идею, выраженную писателем. Она – образ безбожного, обреченного на смерть мира, в котором не осталось праведников: «Вёска курчылася і стагнала ў перадсмяротнай агоніі. Яна была адзіным жывым месцам на пустой, абдуваемай вятрамі зямлі <...>. А пад раніцу, як толькі выплыла сонца, зацерушыў з неба попел густы і непраглядны...» [2, с. 209]. А.И. Бельский заметил: «У апавяданні “Шчэпаць попелу” выяўляецца драматычная праўда веку, які звездаў “згубную пошасць” Чарнобыля» [1, с. 185].

Итак, в образе Ахрема запечатлены особенности обыденного сознания, в котором бесконфликтно уживаются языческое и христианское, вера в Бога и в магию. В фантастическом художественном мире рассказа взаимодействуют представления, связанные с языческой мистикой и евангельским учением, народные поверья и христианская демонология. Автор, на сознание которого большое влияние оказала фольклорно-мифологическая традиция, выражает противоречивое отношение к христианскому идеалу служения ближнему, вследствие чего мистический план идейно-художественного содержания рассказа включает в себе элементы демонизма.

Список литературы

1. Бельскі А.І. Сучасная беларуская літаратура: Станаўленне і развіццё творчых індывідуальнасцяў (80-90-я гг.): Вучэб.-метад. дапам. для настаўнікаў. Мінск: Нар. асвета, 1997. 254 с.
2. Казлоў А.С. І тады я памёр...: Аповесць, апавяданні. Мінск: Маст. літ., 1993. 238 с.
3. Карский Е.Ф. Белорусы: В 3 т. Минск: БелЭн, 2007. Т. 3, кн. 1. Очерки словесности белорусского племени / предисл. к третьему тому И.Н. Запрудского, И.В. Казаковой, В.Г. Короткого, коммент. к первой книге И.В. Казаковой. 584 с.
4. Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.
5. Левкиевская Е.Е. Леший // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 104-109.

6. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / Отв. ред. С.И. Ковалев. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 168 с.

7. Толстая С.М. Язычество // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 616-619.

8. Топоров В.Н. Дерево жизни // Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий / ред.-сост. А. Григорян. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. Т. 1. С. 127-143.

9. Топоров В.Н. Растения // Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий / ред.-сост. А. Григорян. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. Т. 2. С. 206-242.

УТРАТА И СОХРАНЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ПРЕДЛОГА В СОСТАВЕ УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ширлина Е.Н.

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Статья посвящена изменению грамматических признаков немецких предлогов в составе устойчивых конструкций. В качестве элемента устойчивого предложно-именного сочетания предлог подвергается полной или частичной десемантизации и может утратить формальные показатели падежного управления. Автор связывает утрату и сохранение у предлогов падежного управления с особенностями именного компонента сочетания. Утрата предлогом грамматических признаков свидетельствует о более высокой степени формальной и семантической спаянности компонентов сочетания.

Ключевые слова: устойчивые предложно-именные сочетания, падежное управление, именной компонент, предложный компонент, десемантизация, формальная спаянность компонентов, семантическая дифференциация.

Устойчивые сочетания предлога и имени существительного в современном немецком языке представляют собой конструкции, характеризующиеся различной степенью формальной и семантической спаянности компонентов и, как следствие, изменением грамматических признаков и синтаксических функций как именного, так и предложного компонентов. Так, предлог в составе устойчивого сочетания претерпевает утрату категориальных признаков в результате грамматикализации и подвергается десемантизации (деконкретизации). Поскольку имя существительное в составе устойчивой конструкции перестаёт быть свободным правым актантом предлога и утрачивает формальные показатели падежной формы, можно говорить об утрате предлогом падежного управления и о разрушении его валентности.

Устойчивые предложно-именные сочетания можно разделить на три группы:

1) конструкции, в которых сохраняются формальные признаки падежного управления (um den Dreh, auf der Stelle, im Bedarfsfall);

2) конструкции, в которых можно определить падеж именного компонента (von Mann zu Mann – von einem Mann zum anderen Mann, auf See – auf hoher See, но: von Mensch zu Mensch);

3) конструкции, в которых определить падеж не представляется возможным (Zug um Zug, zu Gast, zu Fuß, über Nacht и др.).

Кроме того, в сочетании außer Landes можно наблюдать изменение падежного управления с дативного на генитивное.

Анализ примеров позволяет сделать вывод о том, что утрата предложным компонентом сочетаний грамматических признаков, как и их сохранение, не является случайным и обусловлено рядом факторов. Так, сохранение формальных признаков падежного управления предлога в составе устойчивых предложно-именных сочетаний наблюдается в следующих случаях:

1) при наличии определяющих слов (прилагательных и местоимений, зависимых от имени существительного), которые являются неотъемлемым компонентом сочетания: in aller Frühe, in erster Linie, auf eigene Faust, mit drei Worten, in jeder Hinsicht, wider alle Vernunft, aus der ersten Hand, auf keinen Fall (но: auf gut Glück);

2) в клитизированных формах am, beim, im, ums, vom, zum, zur: ums Numgucken, zum Dahinschmelzen, im Verhältnis zu, zur Not, am Rande, vom Standpunkt;

3) при сохранении неопределённого артикля в значении количества: um ein Haar, auf einen Sprung, für ein Butterbrot, mit einem Schlag, in einem Atemzug;

4) если именной компонент представляет собой субстантивированный инфинитив: im Einschlafen, im Einvernehmen mit, zum Verrücktwerden, ums Verrecken;

5) в случаях, когда именной компонент сочетания представлен субстантивированным прилагательным или причастием: bei Weitem, im Hellen, im Freien, auf dem Laufenden, seit kurzem (исключения: durch Dick und Dünn, jenseits von Gut und Böse);

6) в сочетаниях с комбинацией bis + предлог: bis an die Grenze, bis auf die Knochen, bis zum Überdruß, bis ins Detail.

Формальные признаки падежного управления, как правило, отсутствуют в следующих случаях:

1) в сочетаниях с односложным именным компонентом: über Nacht, bei Trost, aus Sicht, nach Art, mit Recht;

2) в сочетаниях, которые представляют собой парные фразеологизмы: von Kopf bis Fuß, von Fall zu Fall, über Stock und Stein, zu Wasser und zu Lande, nach Strich und Faden, zwischen Baum und Borke (исключением являются сочетания с компонентом bis в сочетании с другими предлогами: vom Dach bis zum Keller);

3) в сочетаниях с именным компонентом, имеющим форму множественного числа: (wie) nach Noten, bei Sinnen, seit Jahren (отчасти это можно объяснить тем, что некоторые из них представляют собой эллиптические конструкции, утратившие определяемое слово: seit vielen Jahren > seit Jahren).

Иногда падежные признаки утрачиваются не полностью: von Herzen zu Herzen.

Параллельное существование в языке устойчивых сочетаний, сохранивших формальные признаки падежного управления предлога, и полностью или частично утратившие таковые (unter der Hand – an Hand – mit Hand (und Herz), in Beantwortung – in der Erkenntnis), а также наличие вариантов (in Not – in der Not) указывают на различную степень спаянности компонентов сочетания. Об этом же говорит семантическая дифференциация вариантов сочетания, которая приводит к возникновению их омонимии. Так, сочетание auf Dauer имеет значение «на неограниченное время», а auf die Dauer – «на длительное время» [1, с. 153].

Список литературы

1. Die deutsche Rechtschreibung. Berlin: Dudenverlag, 2013. 1216 S.

ОБ ОСНОВНЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ СИНТАКСИСА

Эльчиев Ж.Э.

кафедра киргизского языкознания, д-р филол. наук, профессор,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Тургунбаева С.Ж.

преподаватель секции киргизского языка,
Ошский медицинский колледж, Киргизия, г. Ош

Статья посвящена характеристике основных концепций, тенденций и направлений в изучении синтаксиса языка.

Ключевые слова: теория синтаксиса, основные подходы и концепции, общие и частные синтаксические значения, категории синтаксиса.

Современный синтаксис является интенсивно развиваемым разделом грамматики. В его рамках четко разграничивается ряд тенденций и направлений со своей методологической базой, научно-понятийным и категориальным аппаратом, со своими идеями, принципами и достижениями, основателями и сторонниками. К ним относятся:

- 1) трансформационный синтаксис языка;
- 2) грамматика непосредственно составляющих;
- 3) позиционный синтаксис языка;
- 4) коммуникативный синтаксис;
- 5) функциональный синтаксис;
- 6) логический синтаксис;
- 7) когнитивный синтаксис;
- 8) семантический синтаксис;
- 9) конструктивный синтаксис;

- 10) синтаксическая прагматика;
- 11) парадигматико-синтагматический подход к изучению словосочетания и предложения;
- 12) статистический синтаксис;
- 13) синтаксическое моделирование;
- 14) исторический синтаксис;
- 15) сопоставительный и типологический синтаксис и т.д.

Трансформационный синтаксис называют еще генеративным синтаксисом. Его основы и принципы были разработаны в США, в европейских странах, России и других странах (Н. Хомский, М. Халле, Дж. Кац, Е.В. Падучева и др.). В нем различаются внутренние и поверхностные структуры, основанные на речепорождающей компетенции и потенциале говорящего. Внутренняя структура предложения носит базовый характер и выступает в качестве прототипа предложения. Внешняя структура возникает в процессе говорения и письма и реализуется на основе четырех операций:

- 1) добавление элементов к данной форме предложения;
 - 2) опущение элементов из данной формы;
 - 3) субституция (замена) элемента другим элементом;
 - 4) перестановка элементов данной формы;
 - 5) трансформация (преобразование) данной формы в другую
- [1, с. 212-223; 2, с. 98-99].

Синтаксис непосредственно составляющих (СНС) является направлением, тоже возникшим в русле американской дескриптивной лингвистики (Л. Блумфилд, Р.С. Уэллс, З.С. Харрис, Э. Хауген, Ч. Фриз и др.). СНС предполагает изучение структуры предложения путем установления прямых связей его составляющих, представляя ее в виде иерархии вложенных друг в друга элементов [2, с. 332]. Составляющими предложения могут быть как морфемы (корневые и аффиксальные), так и слова и словосочетания. Методика СНС дает положительные результаты как в теоретическом изучении грамматики языка, так и в практике обучения языку и сопоставительном изучении неродственных языков. Например, возьмем предложение *Я стал бывать у Волчаниновых* (А. Чехов. Дом с мезонином). Непосредственно составляющие фразы имеют сложное строение, которое легко передать скобочной записью: ((я) + (((ста) л) 0) + (((бы) ва) ть) + ((у) + ((Волчанинов) ых)), где 0 – знак нулевого окончания. Схематическое изображение непосредственных связей частей фразы вызывает трудности типографического характера. В данной скобочной модели две крайние скобки обрамляют фразу. Субъект-подлежащее выделяется отдельными скобками. Связка *стал* и инфинитив *бывать* имеют в своем составе по три морфемы, предлог обособлен, занимает особые скобки и в то же время входит в синтагматическое отношение с фамилией семьи, состоящей из основы и окончания, которые выделяются двумя скобками. Мы здесь не расчленяем слово-фамилию на части, что могло бы еще более усложнить скобочную запись фразы и заставило бы нас перейти на сферу этимологии.

Отметим, что киргизский эквивалент фразы имеет еще более сложное строение: ((Мен) + ((((((Волчанинов) дор) ду) ку) н) да) + ((бол) о) + (((башта) ды) м)), где *мен* «я», *Волчаниновдордукунда* «у Волчаниновых» (-дор признак мн. ч., -ду признак вин. п., -ку признак принадлежности, образующий в сочетании с предыдущим суффиксом форму род. п., -н «вставочный» суффикс, опускаемый в некоторых говорах, -да признак местн. п.), *боло баштадым* «стал бывать», где *бол-* «быть», -о суффикс деепричастия, *башта-* «стать», *ды-* аффикс прош. вр., -м лично-предикативный суффикс 1л. ед. ч. в значении «я»).

СНС удобно использовать в курсе сопоставительного синтаксиса русского и киргизского языков для студентов, будущих учителей русского языка.

Теория позиционного синтаксиса разрабатывалась в разных странах. В России она представлена в трудах Т.П. Ломтева, А.Н. Колмогорова, В.А. Успенского, Е.В. Клобукова, Т.С. Ивановой и других лингвистов [3, с. 85-86, 106]. Согласно точке зрения этих авторов, элементарной синтаксической единицей является не член предложения, не словосочетание, не словесная форма, а позиционное звено в позиционной структуре предложения. Для них важны место и связь единицы в составе предложения, а не материальный носитель смысла, не сам знак информации [3, с. 85-87; 4, с. 10-11]. Поэтому данный подход не получил широкого распространения и применения.

Коммуникативный синтаксис базируется на достижениях теории речи и речевой деятельности и определяет предложение как полноценное средство приема и передачи речевых сообщений. В нем важное значение придается ролям участников и неучастников общения, говорящего (пишущего) и слушающего (читающего), исследуется зависимость коммуникации от экстралингвистических факторов – ситуации, места, времени, условия и других обстоятельств общения; возраста, социального статуса, национальности, пола и других особенностей адресанта и адресата. Принципы этого подхода разрабатывались в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, Е.Д. Поливанова, Н.И. Жинкина, Э.П. Шубина, А.А. Леонтьева, К. Черри, Г.А. Золотовой и других лингвистов [4, с. 11-12].

С данной отраслью синтаксиса перекликается другая синтаксическая теория, которая называется **функциональным синтаксисом**. В его становлении и развитии большую роль сыграли труды многих выдающихся лингвистов XX века (Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, С. О. Карцевский, В. Матезиус, Я. Фирбас, В. Шмидт, Г. Хельвиг, В. Г. Гак, Г. А. Золотова, Н. А. Слюсарева и т. д.). Сторонники данного синтаксического направления на первый план выдвигали функции и предназначение синтаксических категорий, их функционирование, и употребление типологию синтаксических средств по сфере применения, темноремное устройство коммуникативно-речевых произведений [3, с. 78-79].

Логический синтаксис основывается на принципах формальной логики. Он имеет длительную историю. Многие синтаксические теории XIX века определяли предложение и его составные части с точки зрения логики в плане передачи в них понятий, суждений и умозаключений (Л. Г. Якоб,

К. Беккер, И. И. Давыдов, Ф. И. Буслаев и др.). Связь логики и синтаксиса исследуется в трудах и многих советских и российских авторов (В. З. Панфилов, Е. В. Падучева, Н. Д. Арутюнова, А. Ф. Лосев, Т. И. Дешериева и др.) [3, 91-92].

В настоящее время с усиленными темпами развивается **КОГНИТИВНЫЙ синтаксис**, теоретические основы которого были разработаны в трудах специалистов по когнитологии, когнитивному языкознанию и лингвоконцептологии (Дж. Брунер, Р. Лангакер, Р. Дирвен, Ч. Филлмор, Р. Джекендорфф, Дж. Лакофф, Л. Талми, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. З. Демьянков, В. А. Маслова, М. Дж. Тагаев, З. К. Дербишева, Б. Ю. Норман и др.). Ключевым термином данного ответвления синтаксиса выступает концепт, под которым понимается ментально-языковое образование в сознании человека, включающее в себя понятийную, сенсорно-образную, ассоциативно-оценочную, фольклорно-художественную, национально-культурную, языковую другие составляющие. Потенциальная готовность различных концептов сочетаться друг с другом в уме человека составляет исход синтаксических конструкций различного объема и типов и когнитивную базу построения предложений как языковых средств передачи информации. Когнитивный синтаксис как раз изучает пути и способы вербализации концептов в рамках ментально-языковых норм комбинаторики и требований экстралингвистических факторов.

Семантический синтаксис отличается от конструктивного синтаксиса тем, что в нем доминирует принцип «от значения – к форме», и анализ фактического материала осуществляется в соответствии с требованиями семиологии (В. Г. Адмони, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Ю. С. Степанов, О. Н. Селиверстова, И. П. Сусова, А. Бердалиев, Ж. Элчиев и др.) [8, с. 12-26]. В конструктивном синтаксисе основополагающим началом выступает изучение синтаксических построений по направлению «от формы – к значению». Его целью является определение каркаса и структуры предложения путем формализации его составляющих.

Синтаксическая прагматика возникла на стыке грамматики и семиотики, имеет свой контур, свой категориальный аппарат и свои методы. В ней исследуются особенности применения языковых знаков в различных условиях и типах общения – в устной и письменной речи, в процессах порождения и восприятия речи, изучается взаимодействие адресанта и адресата в коммуникации, личность участников и неучастников общения, влияние ситуаций на типы речи и т. д. (Ч.У. Моррис, Ч.С. Пирс, Дж. Остин, Дж. Р. Сёрл, З. Вендлер, Л. Линский, Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, П. Кадырбекова, Т. С. Маразыков, Г. Дж. Кожоева и др.) [5, с. 15-43].

Парадигматико-синтагматический подход к изучению предложения был предложен М.И. Задорожным [3, с. 111-196]. Согласно точке зрения этого ученого любая лексическая парадигма состоит из множества слов с общими и отличительными свойствами, ментальный прототип любой парадигмы существует в сознании человека и отражает все возможные ее реальные ва-

рианты в языке. Сочетание двух лексических парадигм и образует парадигмосинтагму, т.е. комплекс, состоящий из двух лексических парадигм и построенный с учетом правил сочетаемости слов в каждом конкретном языке. Смысл любого предложения вычленяется из когнитивных ассоциативно устроенных комплексов в сознании человека и, выходя наружу, материализуется в соответствии с лексико-грамматическими закономерностями языка, ситуацией и контекстом общения.

Значение фразы – синтаксическое явление. Оно через смысл связывается с когнитивно-ассоциативным образованием в памяти человека.

Синтаксическое моделирование выявляет обобщенные типы предложений и их составляющих, схематизирует в удобном для восприятия и абстрагирования виде и с помощью символов и формул изображает их коммуникативные функции и разновидности. Цель моделирования состоит в разработке моделей-образцов и моделей-конструктов предложения, в фиксации повторяющихся, типичных признаков синтаксических структур с инвариантным значением. Основные свойства модели передаются в виде специальной наглядно-образной записи.

В сопоставительном синтаксисе изучаются факты двух неродственных языков. Его цель – выявить общие и отличительные свойства двух языков и использовать результаты исследования в преподавании языка как неродного. **Типологический синтаксис** необходим для определения сущности языка вообще, универсальных черт сочетаемости слов в языках мира, общеязыковых синтаксических элементов и признаков (субъекта и объекта, номинативности и эргативности, аналитизма и синтетизма и т. д.).

Синтаксические явления имеют не только качественную, но и количественную характеристику. Поэтому в синтаксисе применяются статистические приемы и процедуры исследования. Лингвостатистика позволяет определить распределение и употребительность синтаксических категорий и явлений в тексте и речи, получить вероятностно-статистические данные о частотности синтаксических конструкций и их состоящих как в синхронном срезе, так и в диахронии (В. Г. Адмони, А. А. Марков, Б. Н. Головин, Н. Д. Андреев, Г. В. Ермоленко, С. И. Ибрагимов и др.). В отличие от статистического синтаксиса диахронический синтаксис занимается изучением развития языка и его истории, динамики устойчивых и меняющихся элементов, «сильных» (продуктивных) и «слабых» (непродуктивных) моделей, ядерных и неядерных категорий, общеязыковых и индивидуально-авторских синтаксических образований [6, с. 254-258].

Таким образом, синтаксис предстает перед нами как сложный и многоаспектный ярус языка, требующий своего изучения с различных позиций и точек зрения. Знание множественности и взаимодополнительности подходов к изучению синтаксиса важно для разработки общей теории синтаксиса языка.

Список литературы

1. Апресян Ю.А. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М., 1966. – 299 с.

2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. – М., 2000. – 685 с.
3. Зулпукаров К.З. Падежная грамматика: теория и прагматика. – СПб.; Ош, 1994. – 317 с.
4. Зулпукаров К.З., Туякова Т.А. Русский язык. Пособие для студентов. – Ош, 2006. – 300 с.
5. Кадырбекова П.К. Лингвистическая прагматика экспрессивно-речевых актов в немецком и киргизском языках. – Бишкек, 2014. – 156 с.
6. Кодухов В.И. Общее языкознание. Изд. 6-е. – М., 2013. – 304 с.
7. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. – М., 2013. – 254 с.
8. Эльчиев Дж.Э. Основы теории синтаксиса. – Бишкек, 2014. – 311 с.

Подписано в печать 10.04.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,37. Тираж 500 экз. Заказ № 105
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а